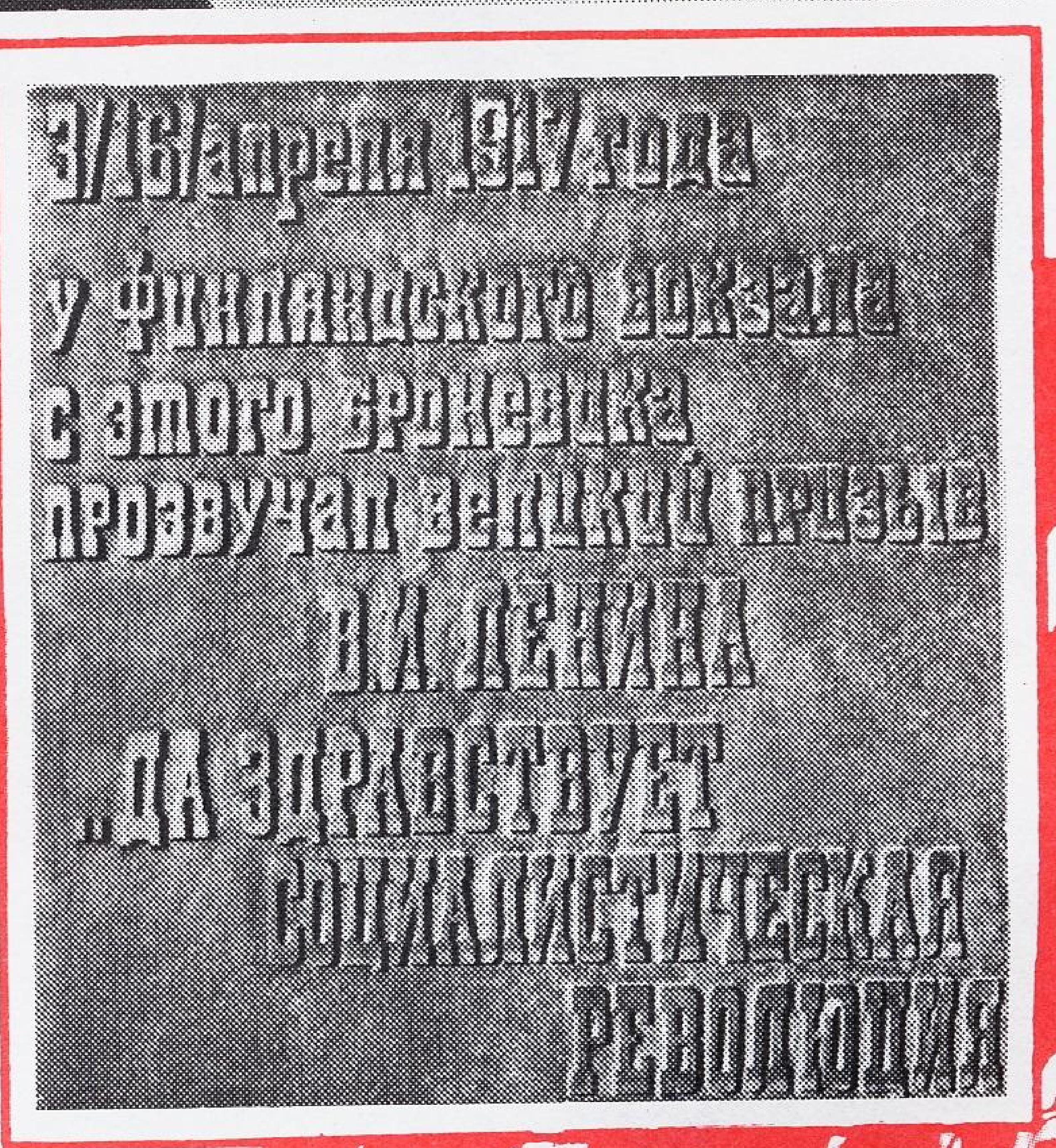
ПИОНЕР

4 1987

ISSN 0130—8009



Третьего (шестнадцатого) апреля на Выборгской стороне шло собрание большевиков. Зал «Самсоньевского братства» был переполнен. Один оратор сменял другого. Вдруг на трибуну поднялся Мартын Иванович Лацис.

— Товарищи!— громко и взволнованно произнес он.— Только что получено сообщение, сегодня вечером в Петроград приезжает Ленин!

До встречи поезда оставались считанные часы. Шел второй день пасхи. Заводы не работали. Газеты не выходили. Многие солдаты оказались в увольнении... А людей надо было оповестить немедленно. Сотни связных разошлись по рабочим кварталам, солдатским казармам. Расклеивались экстренно напечатанные листовки...

Рисунки И. ПАНКОВА.

Фотографии А. ЖМУЛЮКИНА.

СЛОВО КАК НАБАТ

И вот два броневика, легковая автомашина и грузовик двинулись во главе колонн к вокзалу — встречать Ленина. Одному из этих броневиков с бортовым номером «2» предстояло стать стальной ленинской трибуной.

На площади у Финляндского вокзала собрались десятки, сотни тысяч людей. Рабочие петроградских заводов, сводный отряд матросов из Кронштадта, красногвардейцы, солдаты...

В 23.10 у перрона остановился поезд. На платформу сошел Ленин. Небольшого роста, в котелке и крылатке, он выглядел особенно штатским среди обступивших его военных, которые салютовали ему по всем правилам армейских уставов. Здесь же, на перроне, старый знакомый Ленина, слушатель партийной школы в Лонжюмо Иван Чугурин вручил Владимиру Ильичу партийный билет за номером 600 большевистской организации Выборгской стороны. А в «царских комнатах» вокзала от имени Петроградского Совета его председатель Чхеидзе произнес «приветственную» речь в честь приезда Ленина. Эта речь и присутствие на вокзале лидера меньшевиков лишний раз доказывали, что не учитывать силы большевистской партии, ее политического влияния и популярности ее вождя уже не могли даже окопавшиеся в Совете соглашатели.

А потом Владимир Ильич вышел на площадь. Она встретила его отблесками огней, кумачовыми стягами, радостным гулом... И первой ленинской трибуной после возвращения на Родину стал вот этот самый броневик, который вы видите сейчас на фотографии.

Теперь этот броневик стоит на постаменте перед Ленинградским филиалом Центрального музея Владимира Ильича Ленина. Ему довелось участвовать в штурме Зимнего, охранять Смольный, Таврический, а в январе 1940 года занял он свой последний пост у входа в музей.

На площади перед Финляндским вокзалом, носящей теперь имя Владимира Ильича, в память о той апрельской ночи встал монумент. Он был создан по проекту архитекторов В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха, скульптора С. А. Евсеева и открыт в девятую годовщину Октября. Сдвинутые кубы черного гранита увенчиваются врезанной в них башней броневика. На ней — бронзовая фигура вождя революции. Живая, реальная поза, пальто нараспашку, глаза глядят вдаль, правая рука поднята в энергичном жесте. Он весь — движение, революционный порыв. Таким он и вышел тогда на запруженную рабочими, солдатами и матросами вокзальную площадь. Забрался на броневик и обратил к ним свой боевой призыв: «Да здравствует социалистическая революция!» Эта апрельская ночь и положила ее начало.

До приезда Ленина у большевиков было много разногласий и споров о путях дальнейшего развития революции. Бытовало даже мнение, будто нельзя идти к социалистической революции, пока не решены до конца задачи революции буржуазно-демократической.

Сторонники этих взглядов, отстаивая свою точку зрения, подбирали веские аргументы: «Россия еще не объявлена республикой, не решен аграрный вопрос, не введен восьмичасовой рабочий день...»

Все ждали Ленина. И он сумел верно и быстро указать партии выход из сложившейся непростой ситуации. В первую же апрельскую ночь в особняке Кшесинской, где расположились Центральный и Петроградский городской комитеты РСДРП(б), в беседе со своими соратниками Владимир Ильич изложил основные задачи и тактику партии на данном этапе революции. Разговоры продолжались чуть ли не до рассвета.

А наутро, посетив могилы сестры и матери, Владимир Ильич начинает свой первый рабочий день в России. Первый после долгого вынужденного отсутствия.

На квартире у В. Д. Бонч-Бруевича он собирает совещание партийных руководителей. Там же изучает буквально весь комплект газет, вышедших после Февральской революции.

В 12 часов в Таврическом дворце он выступает перед большевиками — участниками Всероссийского совещания рабочих и солдатских депутатов со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами». Чуть позже он повторил их там же, в Таврическом, на общем собрании представителей большевиков, меньшевиков, нефракционных и национальных партий. В тезисах Ленин дал ясную оценку положения, наметил цели, к которым надо стремиться, и пути, по которым идти.

Тезисы сразу же оказались в центре внимания революционной России. О них говорили на заводах и фабриках, на кораблях флота и в воинских частях... По ним началась внутрипартийная дискуссия. Завершилась она на VII Всероссийской конференции. Партия приняла ленинский курс!

«Апрельские тезисы» вселили в сердца рабочих, матросов, солдат желание вершить правое дело, ошеломили лидеров мелкобуржуазных партий, вызвали ненависть у министров Временного правительства...

Все отчетливо поняли: время благодушия окончилось, настала пора решительных действий.

Лозунг «Вся власть Советам!» открывал возможность ликвидировать двоевластие мирным путем. И этот лозунг выдвинул Ленин!

До октября оставалось еще долгих семь месяцев. Семь месяцев вдохновенной, полной напряжения и драматизма борьбы...

Владимир ЛУЦКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1987 г. • Издательство «Правда»

ГОД 1917-ЫЙ,

Мы:

«...5. Не парламентская республика,— возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху...»

(Из статьи В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы).)

Они:

«Когда на объединенном совещании социал-демократов вернувшийся из изгнания Ленин читал свой доклад, на многих из его слушателей повеяло настоящей трагедией... России грозит несомненная опасность, пока не поздно Ленину и его сторонникам необходимо дать самый решительный отпор».

(Из меньшевистской «Рабочей газеты», 6 апреля.)

Они:

«Ленин противник очень опасный!»

(Из газеты «Биржевые ведомости», 5 апреля.)

Мы:

«...Состоялось районное собрание (Пороховской организации РСДРП Петрограда.— Ред.), на котором тов. Л. Сталь прочла доклад «Современный момент и тезисы Ленина». Собрание согласилось с основными положениями тезисов Ленина и выбрало 4 делегатов на общегородскую конференцию с мандатом голосовать за эту платформу».

(Из газеты «Правда», 9 апреля.)

Мы:

«...Собралось объединенное заседание большевиков и меньшевиков. Народу было человек 500. Здесь Ленин снова повторил доклад и предложил свои тезисы о задачах пролетариата в русской революции.

Меньшевики буквально взвыли. Их выступления носили исступленный, истерический характер».

(Из воспоминаний большевика М. М. Костеловской.)

Они:

«...Вряд ли какой-нибудь Совет рабочих и солдатских депутатов будет увлечен соблазнительным предложением Ленина захватить власть и основать республику Советов рабочих и «батрацких» депутатов. Но неорганизованная революционная стихия находит в речах Ленина и ленинцев выражение своих собственных стремлений к полному и немедленному экономическому освобождению... Власти Ленин не захватит!..»

(Из «Рабочей газеты», 9 апреля.)

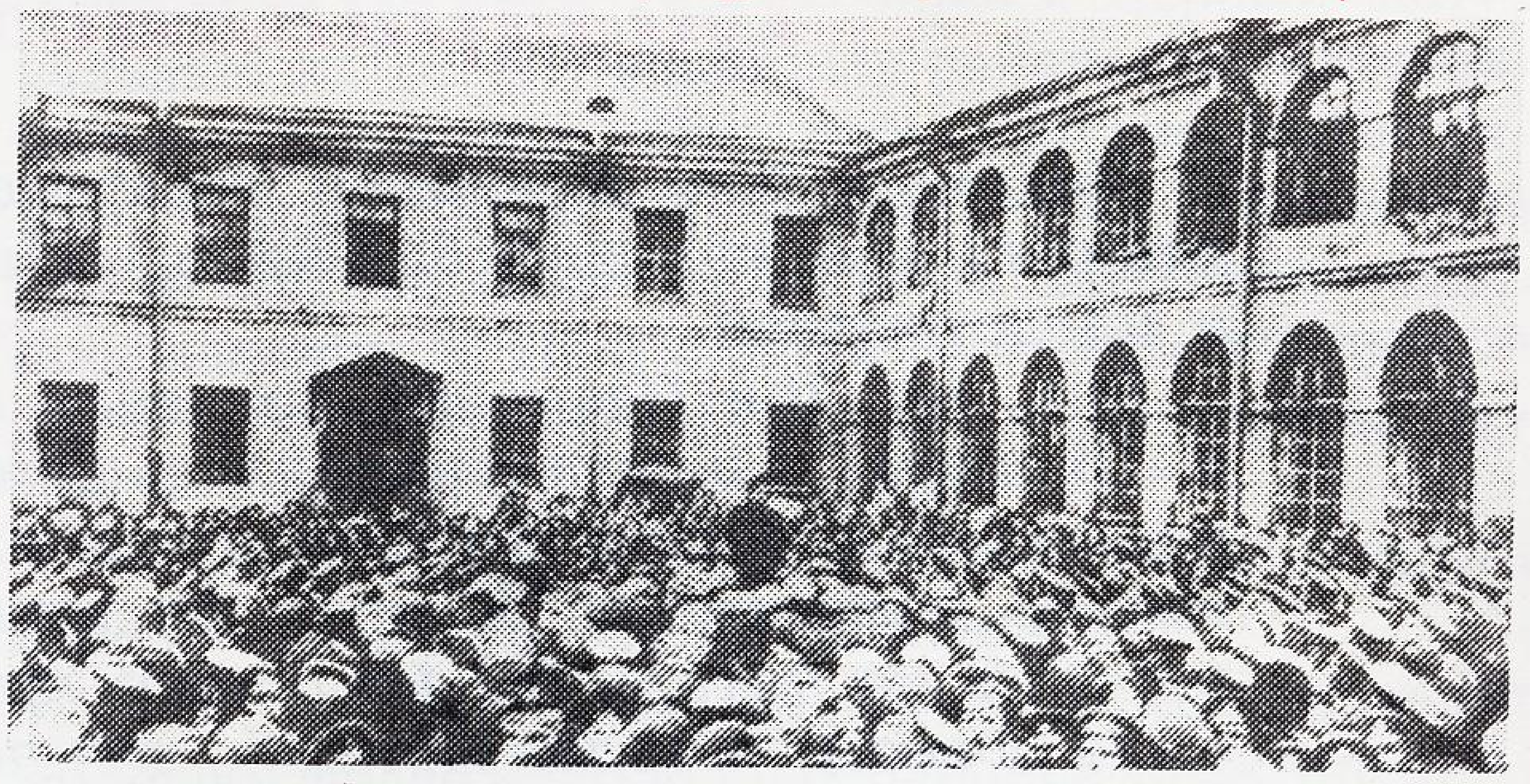
Так выглядела Красная площадь 18 апреля (1 мая по новому стилю) 1917 года.

Мы:

«Обсудив тезисы тов. Ленина, общее собрание в принципе присоединяется к ним в общем и целом и поручает своим представителям отстаивать данные тезисы на общегородской конференции».

(Из резолюции собрания членов РСДРП Петроградского района, 11 апреля.)

АПРЕЛЬ



Митинг в казармах гвардии Гренадерского полка.

Они:

«Проникнутые... духом освобожденной демократии заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось... Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников».

(Нота Временного правительства правительствам союзных держав (Нота Милюкова), 18 апреля.)

Мы:

«Рабочие всех заводов Василеостровского района... направились к Государственной думе, где, устроив митинг, вынесли единодушно резолюцию, протестующую против противного народной воле акта правительства, требующую смены Временного правительства и передачи власти Совету рабочих и солдатских депутатов, облеченному доверием всего народа».

(Из газеты «Солдатская правда», 20 апреля.)

Мы:

«Карты раскрыты...

В ноте от 18 апреля Временное правительство заявляет о «Всенародном (!) стремлении довести мировую войну ДО РЕШИТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ»...

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

КТО заключал этот союз с «нашими» союзниками, т.е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и К° договор этот святыня...

Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия» к Временному правительству. Политика доверия обанкротилась...»

(Из статьи В. И. Ленина «Нота Временного правительства».)

Они:

«Авторитет Ленина, кажется... очень вырос в последнее время. Что не подлежит сомнению, так это то, что... он уже теперь оказывается опасным вождем».

(Из дневника французского посла в России Мориса Палеолога.)

Они:

«Вечером 20 апреля... на Дворцовую площадь явилась толпа буржуазных манифестантов, организованных, как говорят, газетой «Русская воля», с плакатами «Доверие Временному правительству!» Участники этой манифестации вели себя вызывающе, истерически кричали «Долой Ленина!» и, воспользовавшись под конец отсутствием рабочих масс, арестовывали инакомыслящих при содействии услужающей буржуазии милиции».

(Из сообщений зарубежной печати.)

Мы:

«Мы, рабочие завода «Ново-Барановского», обсуждая на общем собрании вопросы о текущем моменте, пришли к следующему заключению: опубликованная нота... Временного правительства ясно говорит за то, что правительство изменило народу».

(Резолюция рабочих Ново-Барановского завода, 21 апреля.)

«Поздно в ночь с 29 на 30 апреля конференция закончилась. Был избран Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным, приняты резолюции, нацелившие партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую».

(Из воспоминаний большевика В. Ф. Алексеевой.)

Поздравляем с юбилеем!

Писателя Зою Ивановну Воскресенскую и журнал «Пионер» связывает давняя и крепкая дружба. Эта дружба родилась в общем деле, и оттого живая и плодотворная.

Все, что Зоя Ивановна написала с начала 60-х годов, было напечатано в «Пионере», а позже становилось книгами для ребят. Эти книги трудно найти в магазинах, потому что они исчезают с прилавков мгновенно, сразу же, как только появляются. И вряд ли можно встретить мальчика или девочку, которые не читали бы ни одного произведения З. И. Воскресенской.

За повесть «Сердце матери», она печаталась в «Пионере» в 1964 году, Зое Ивановне Воскресенской присуждена Государственная премия СССР. Повесть «Пароль — Надежда», которую журнал публиковал в 70-е годы, удостоена премии Ленинского комсомола.

Из писем наших читателей мы знаем, что ребята с одинаковым увлечением читают повести и рассказы Зои Ивановны о революции, о семье Ульяновых, о В. И. Ленине и Н. К. Крупской и ее лирические рассказы, такие, например, как «Гнездо на балконе» — о голубях, «Лесной доктор» — о дятле. А сколько откликов получила повесть о работе дипломатов за пределами Родины! Она называлась «Консул», и журнал познакомил с ней ребят в 1979 году.

Зоя Ивановна Воскресенская не только писатель, она и журналист, публицист. Кто из вас, ребята, не читал на страницах «Пионера» «Дорогое имя», «Слово о Великом законе», «Октябри Ильича» — публицистические размышления о В. И. Ленине и значении и смысле нашей Великой Октябрьской социалистической революции? Или «Моральный кодекс семьи Ульяновых», предисловие к которому написал старейший коммунист страны, член партии с 1896 года Ф. Н. Петров.

Появление произведений З. И. Воскресенской на страницах журнала «Пионер» всегда радостно и для его сотрудников, и для его читателей.

«Пионер» поздравляет Вас, дорогая Зоя Ивановна, с Вашим славным юбилеем! Желает Вам доброго здоровья и долгих творческих лет! И благодарит Вас за дружбу и все многие годы совместной работы!

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Золотое зерно

РАССКАЗ

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Михаил Иванович стоял на лестничной площадке, жадно затягивался «козьей ножкой» (которой уже в это утро!) и, поглядывая на часы, раздумывал, как же обо всем увиденном рассказать Ильичу? Какие слова найти, чтобы пощадить его силы, нервы? Доложить надо сухим протокольным языком, без всяких эмоций. Но как доложишь о начисто вымерших деревнях, о трупах, которые даже хоронить было некому, о скелетах коров и лошадей в сараях, о разобранных соломенных крышах? И ни единой птахи в лесах, оголенные деревья без листьев, без коры. Все съели люди. Тяжкое зрелище — деревня, в которой не поет на утренней заре петух, не кудахчут куры, не звенят молочные струи о подойник, не щелкает длинным кнутом пастух. Все мертво. И по дорогам движутся, еле переставляя ноги, длинные, как вечерние тени, люди с котомками за плечами, идут и падают. Иные и не поднимутся уже. Куда идут? Прочь от этих мест, где неминуема голодная смерть. Суховей выжег хлеб и травы в Поволжье, на Северном Кавказе и Украине. Тридцать губерний охвачено голодом, тридцать миллионов людей живет в них. Пока живет. В тисках голода больше пятой части населения Российской Республики...

Итак... Михаил Иванович глянул на часы, сделал последнюю глубокую затяжку и, выдохнув «до дна» махорочный дым, сунул окурок в металлическую пепельницу, прошел по коридору, постучал в дверь.

— Да, да, заходите, Михаил Иванович. Жду вас. По вас можно часы проверять. Здравствуйте! Гм... гм... — покачал головой Владимир Ильич, протягивая руку Председателю ВЦИК Михаилу Ива-

новичу Калинину.— Усох, батенька, и постарел.

— Ничего не поделаешь, Владимир Ильич, старость не в радость, скоро сорок шесть стукнет.

— Ну, а что же мне говорить, когда уже стукнуло пятьдесят один? Садитесь и подробненько поговорим,— пригласил Владимир Ильич.— Давайте-ка вместе думать, как это чудовище одолеть. Такого трудного, неслыханно тяжелого года мы еще не переживали. Будем искать все возможные и невозможные выходы. Либо мы одолеем голод, либо голод в союзе с контрреволюцией погубит и людей, и революцию. Съедено все? Озимые засевать нечем? Съели, наверно, и старые овчины, кожаную сбрую и сапоги? Похлебку из них варят? И всю живность, которая на земле и в земле водится, не говоря уже о рыбе и птицах? И павших коров и лошадей? Мертвые деревни видели? — Владимир Ильич побледнел, темные глаза его выдавали боль.

Михаил Иванович развел руками.

— Ну, если вас, Владимир Ильич, уже обо всем успели проинформировать, тогда давайте перейдем к обсуждению мероприятий. Я доложу вам как Председатель...

Владимир Ильич положил свою руку на руку Председателя Комиссии помощи голодающим, именуемой кратко Помголом.

— Нет, дорогой Михаил Иванович, я все это сам видел в 1891 году в Самарской губернии, где я работал помощником присяжного поверенного. Тогда голод на Поволжье был, пожалуй, еще страшнее, и наживались на нем русские помещики и купцы. Теперь хотят нажиться заморские и иные прочие, АРА[1] во главе с Гувером навезла сюда столько шпионов, диверсантов и злостных шептунов, Дзержинский еле с ними справляется. Но рвать с деловой Америкой мы не будем.

— Нет, не будем,— согласился Михаил Иванович,— но помощи от капиталистов ждать не приходится, и в АРА поступают пожертвования и взносы главным образом от рабочих, ученых, прогрессивных деятелей культуры.

— Но вот миллионер Хаммер! Человек сугубо деловой и весьма гуманный. Он понимает, что все, что он нам дает,— и миллион пудов хлеба на выгодных условиях для нас, и хирургические инструменты, которые он подарил нашему Наркомздраву на 60 тысяч долларов, и взятая им концессия на асбестовые рудники, все это затем окупится с лихвой. Для нас это дорожка к американскому «деловому» миру, и ее надо использовать. Хаммер нам верит и не прогадает...

И не прогадал! Арманд Хаммер стал большим другом Советской страны, он пришел на помощь в тот страшный голодный 1921 год, более шести десятилетий ведет с нами обоюдовыгодные торговые отношения, за что заслужил признательность нашего народа...

Владимир Ильич встал, взял с письменного стола черную папку с белой наклейкой, на которой черной тушью было выведено горькое «Голод»,

— Тридцать миллионов человек в голодных губерниях. В этом году собираем первый натуральный налог. С урожайных районов необходимо собрать полностью. Это даст, это даст,— Владимир Ильич полистал бумаги,— 109 миллионов пудов. По справке наркоматов продовольствия, просвещения, ВЧК и статистиков семь миллионов детей обречено на гибель. Семь миллионов детей! — Голос у Ильича дрогнул.

— Детей, детей, Владимир Ильич, надо спасать в первую очередь. Затем молодежь...

— А что, если мы, ну, скажем, полмиллиона молодых людей из голодных районов досрочно призовем в Красную Армию? Там они голодать не будут и школу хорошую пройдут. А? — спросил Владимир Ильич.

— Совершенно верно, и надо срочно создать в хлебных районах дополнительные детские дома, переоборудовать для этого особняки, помещичьи усадьбы и некоторые школы,— подхватил Михаил Иванович.

— Согласен. Обсудим на Совнаркоме. Но все же это полумеры, полумеры. А нужен очень крутой поворот. Надо перевернуть земледелие так, чтобы всегда иметь гарантированный урожай, полные закрома и не зависеть от дяди Сэма и госпожи Стихии. Вам, Михаил Иванович, придется опять выехать с вашим поездом теперь уже в урожайные районы Украины и низко поклониться крестьянину, чтобы выручал своего собрата. Сколько, вы думаете, можно собрать там по продналогу и сверх того?

Михаил Иванович полистал свою пухлую записную книжечку, что-то шепотком высчитал, его бородка при этом поднялась вверх, и он, такой похудевший, стал похож на Дон-Кихота. Владимир Ильич любовался им. Очень любил он Михаила Ивановича, умел приподнять человека, заставить поверить в себя. «Какой великолепный у нас Всероссийский староста! Лучше придумать нельзя!» — часто говорил он Надежде Константиновне, сестрам.

— Ну, я думаю, 25—30 миллионов пудов собрать удастся,— подвел итоги Калинин.— Агитаторы на поезде умеют с мужиками разговаривать.

— Недаром же ваш поезд назвали поездом «Октябрьская революция», а весь ваш штаб в народе называют «ВЦИК на колесах»,— заметил Владимир Ильич и сам окунулся в свои записи.

Дверь открылась, неслышно вошла Надежда Константиновна, чтобы позвать Владимира Ильича и его дорогого гостя пить чай. Остановилась в дверях и с нежностью смотрела на этих двух, облеченных такой огромной и тяжелой ответственностью друзей-коммунистов. А сколько еще их единомышленников день и ночь ведут самоотверженную борьбу с голодом, разрухой, не щадя ни сил, ни здоровья, ни своей жизни, отвоевывая дорогу к победе.

Владимир Ильич обвел карандашом столбики цифр.

— Вот, извольте видеть. Наркомпрод считает, что нам необходимо минимум 230 миллионов пудов. Это без резерва. А мы можем собрать максимум 215 миллионов. Надо изыскать средства, то есть золото, для закупки недостающих 15 миллио-

[1] АРА — Американская администрация помощи голодающим.

нов пудов.— Он поднял голову и увидел Надежду Константиновну.

— Может быть, сделаете перерывчик и выпьете чаю? У нас сегодня овсяные лепешки,— пригласила она в квартиру.

Уселись за стол. Пили бурый морковный чай вприкуску, беря крохотные кусочки голубоватого рафинада.

— Итак, значит, пятнадцать миллионов пудов,— начал было Михаил Иванович, но Надежда Константиновна строго остановила:

— За чайным столом о политике разговаривать запрещено.

— А о боженьке можно? — шутливо осведомился Михаил Иванович.

— Милостиво разрешаю,— в тон ему ответила Надежда Константиновна.— Этот вопрос и меня весьма и весьма занимает.

— Мне за последние годы столько довелось поколесить по матушке России,— начал издали Михаил Иванович,— столько всего насмотрелся и наслушался — и увидел, что чем тяжелее беда и невзгоды, тем больше народ тянется в церковь. А агенты-провокаторы шмыгают там и ведут свою подлую работу. Вот, мол, за то, что царя скинули, помазанника божьего, Советы к власти допустили, так бог послал на землю засуху, а людей карает мором. Мы со своими агитаторами в поезде часто обсуждаем этот вопрос, и я бываю в затруднении, все думаю о том, чем мы можем заменить религию, что противопоставить церкви. Как вы думаете, Владимир Ильич?

Ленина этот вопрос не застал врасплох. О религии, ее роли он много раздумывал, писал.

— Я думаю, эта задача целиком лежит на театре,— уверенно ответил он.— Театр надо противопоставить церкви.

...Церковь! Церковь — это тоже театр, веками создавался, совершенствовался, чтобы пленять умы и души людей. Церковь умело использовала все виды искусства. Архитектура, музыка, сольное и хоровое пение, декорации и театрализованные одежды священнослужителей, аромат мирры, ладана и меда, мерцание свечей и таинственный свет лампад. Богомазы рисовали лубочные картинки, а великие художники создали шедевры на библейские темы, но такие далекие от бога отца, сына и святого духа. Иконы Андрея Рублева — это галерея человеческих образов высокой духовности, нравственности, чистоты и мудрости, величайшие творения композиторов Баха, Моцарта, Бетховена тоже положены на алтарь искусства для народа. Библия — этот литературный памятник — складывался много веков разными народами и разными социальными группами. Библия вобрала в себя легенды, поверья, обычаи, песни, лирические произведения, трагедию и драму, народные сказания. Но власть имущие использовали библию в своих интересах, внося в нее свою философию, оправдывая рабство, повиновение, монаршую власть, попирали великие научные открытия, оправдывали инквизицию.

— Так, говорите, театр против церкви? — спросил Михаил Иванович.

— Да, да! В этом гвоздь! — воскликнул Владимир Ильич.— Надо создать такой театр, который бы отлучил народ от обрядовых сборищ, мог ответить на все волнующие вопросы, приобщить к подлинному искусству. Я не люблю музеев, но живопись меня всегда привлекала, и я часто жалел, что не было времени всерьез заняться искусством,— смущенно признался Владимир Ильич.

— Да, было такое дело,— подтвердила Надежда Константиновна.— В 1906 году в Питере я всю ночь провела в страхе, а Владимир Ильич, убегая от шпиков, нырнул в знакомый дом к Дмитрию Лещенко и целую ночь, листая альбомы, занимался изучением шедевров живописи.

— И что примечательно,— сказал Михаил Иванович,— церковь на селе стала своеобразным музеем прикладного искусства. Все свои лучшие поделки крестьяне несут туда. Особенно стараются женщины.

— Это своего рода жертвоприношение покровительнице материнства и плодородия, деве Марии, Мадонне,— заметила Надежда Константиновна.

Мадонны у художников всех времен и народов молоды, прекрасны, нежны, и младенец на их руках смышленый, веселый здоровяк — такой, каким хочет видеть свое потомство человек.

Счастливое материнство, радостное, счастливое детство олицетворяют собой Мадонны Рафаэля, Леонардо да Винчи, Боттичелли, Рембрандта...

И как печальны русские Мадонны — девы Марии, сколько скорби в их глазах, страха за будущее своего младенца. В образе богоматери, созданном русскими иконописцами и художниками, отразилась горькая судьба матери-крестьянки, но сквозь внешнюю хрупкость в талантливых произведениях познаешь волю и силу духа и человеческое достоинство русской матери.

— И еще один вопрос, это о наших традициях,— усмехнулся в усы Михаил Иванович.— Вот, скажем, приезжаю я в деревню, иду по улице, вижу: работают люди, кто пилит, кто землю копает. Каждый с любым прохожим обязательно поздоровается. А мне, по древнему русскому обычаю, в знак уважения к его труду положено сказать: «Бог в помощь». Это Председатель ВЦИКа призывает бога на помощь! Нового же приветствия труду, советского, у нас нет. А стоило бы комсомольцам придумать и ввести в употребление что-то новое, уважительное.

— В славянских странах люди вместо «Бог в помощь» говорят «Слава труду», — сказал Владимир Ильич,— но этого ни постановлениями комсомольских собраний, ни декретами ввести нельзя. Это родится в народе. Так, как родилось, утвердилось и уже вошло в официальные документы великолепное слово «большевик».

— Или вместо интеллигентского «приятного аппетита» в народе принято говорить: «Хлеб-соль» и в ответ слышать: «Милости просим» — приглашение к столу.

— Милости просим,— Надежда Константиновна подвинула тарелку с коричневыми овсяными лепешками поближе к Михаилу Ивановичу.

— Нарушено теперь русское хлебосольство,— с душевной болью воскликнул Михаил Иванович.— Там, где есть соль, так нет хлеба. Где есть

хлеб — нет соли. А во многих губерниях — ни хлеба, ни соли.

Владимир Ильич внимательно посмотрел на Калинина.

— Знаете, Михаил Иванович, вы подали сейчас очень интересную мысль. Надо сделать так, чтобы соль стала валютой, потому что наши деньги не стоят даже той бумаги, на которой они печатаются. Вчера один золотой рубль стоил 100.000 советских рублей. Надо наладить товарообмен в деревне. Соли у нас много. Из одного Баскунчака можем засолить всю Европу. И как раз в урожайных районах Украины и Сибири нет соли. Надо установить государственную монополию на соль, и с крестьянами, которые вовремя и полностью сдали продналог, расплачиваться за хлеб солью, завезти в эти районы соль в первую очередь. А рабочих из Баскунчака в первую очередь снабдить продовольствием и хлебом. Работа там тяжелая, все делается вручную.

Михаил Иванович просиял.

— Это не я высказал такую мысль, а вы, Владимир Ильич. Именно, государственная монополия на соль. В первую очередь реквизировать все, даже мелкие, соляные озерки и все солеварницы.

— И, кстати,— сказал Владимир Ильич,— заместитель наркома по продовольствию Смирнов предлагает абсолютно неприемлемый, вредный товарообмен: платить крестьянам за картофель спиртом. Я категорически возражаю. Категорически! Если Смирнов будет настаивать, вынесем этот вопрос на рассмотрение ЦК.

— Совершенно верно, Владимир Ильич,— согласился Михаил Иванович,— товарообмен нужен совсем другого рода: ситец, сапоги, стекло, гвозди, ведра — вот о чем мечтают сейчас крестьяне в урожайных районах.

Надежда Константиновна выразительно посмотрела на часы. Михаил Иванович понял намек.

— Мне пора,— сказал он.

* * *

Шло заседание Совнаркома. Председательствовал Владимир Ильич. На этот раз на столе перед председателем выстроился ряд полотняных мешочков, похожих на кисеты, к которым были прикреплены бирки.

— Для успешного завершения борьбы с голодом нам необходимо дополнительно закупить в Америке 12 миллионов пудов пшеницы,— начал свое сообщение Владимир Ильич.— Это обойдется примерно в 30 миллионов золотых рублей. Наша почтенная «золотая комиссия» вынесла решение — золото на эту покупку не отпускать, мол, цена сумасшедшая, а золото убывает, как вода в решете. Паровозы, цистерны, станки, продовольствие — все закупаем на золото. Вывозим за границу золото миллионами пудов, пароходами, вагонами. Все это верно. Но нам архиважно, абсолютно необходимо,

засеять полностью яровой клин — на озимые надежды мало. Не все семена попали в почву, многое съели, и это естественно. А в новом, 22 году, мы должны, обязаны вырастить хороший урожай и навсегда покончить с голодом. Решение «золотой комиссии» обсуждали на Совете труда и обороны. С доводами комиссии не согласились. Идти на такую жертву надо. Сейчас мы должны принять окончательное решение. Я — «за»! За каждым золотым рублем в конечном счете стоит человеческая судьба. Крестьяне сейчас бегут с Поволжья, бегут в Сибирь, в более благополучные районы. Голод ужасающий. Поволжье, которое кормило Москву, Петроград, грозит превратиться в пустынный необитаемый край. Мы должны людей вернуть к мирному труду, к нормальной сытой жизни. Поволжье должно стать житницей России. Итак, прошу голосовать: кто за то, чтобы на закупку 12 миллионов пудов пшеницы отпустить из советской казны необходимое количество золота, максимум 30 миллионов золотых рублей?

Владимир Ильич зорко вглядывался больше в лица, чем в поднятые руки.

Кто «против»... «воздержался»?.. Таких не было.

Владимир Ильич быстро просмотрел бирки, выбрал один из мешочков. Развязал его и, захватив горсть зерен, стал внимательно перебирать их. Крупные, светлые, словно отлитые из матового стекла зерна с ложбинкой посредине походили на мелкие кофейные бобы. Владимир Ильич с видимым удовольствием пересыпал зерна с ладони на ладонь, явно любуясь ими.

— Отличная пшеница, великолепные данные и по содержанию протеина и клейковине. Предлагают Северо-Американские Соединенные Штаты. Но вот приживется ли она на нашей земле? Ведь ее родина Америка. Как вы думаете? — обратился Ленин к членам так называемой семенной тройки. Заведующий Саратовской опытной станцией Тулайков встал и, широко улыбнувшись, сказал:

— Владимир Ильич, разрешите доложить, что родина этой пшеницы — Саратовская губерния. Выведена нашими селекционерами и еще в царские времена продана в Америку. Там прижилась. А родина ее — Россия, Поволжье, саратовская земля.

— Чудеса да и только! — воскликнул Владимир Ильич.— Везут же в Америку! Вы только подумайте, Александр II продал Америке нашу Аляску, открытую русскими землепроходцами, территорию в полтора миллиона квадратных километров, с реками, полными рыбы, лесами с непуганым пушным зверем, с недрами, богатыми золотом и металлическими рудами. Продал за неполных 11 миллионов рублей. Просто подарил! А мы за 12 миллионов пудов нашей родной пшеницы должны заплатить 25, а то и все 30 миллионов золотых рублей!

— Действительно, везут в Америку,— заметил Глеб Максимилианович Кржижановский,— полагая, что это страна подлинной свободы и прогресса. Великий польский ученый Мария Склодовская и ее супруг Пьер Кюри в ужасающих условиях, в сарае, собственными руками перебрали, переработали тонну заводских отходов урановой руды, сделали уникальное открытие, извлекли чистый радий — это же революция в науке,— получили при этом смертельную дозу облучения и подарили первые два грамма чистого радия Америке! Подобного рода примеров сотни. И чем же отблагодарили Северо-Американские Соединенные Штаты? Как американцы этими дарами распоряжаются и распорядятся?

Теперь мы это знаем.

— Но мы будем прокладывать дорогу в деловую Америку, через таких здравомыслящих и честных американцев, как Хаммер, установим равноправные отношения, наладим сосуществование, выгодную для обеих сторон торговлю,— заключил Владимир Ильич.

* * *

Был уже третий час, и Владимир Ильич понял, что ночь пройдет в тщетных попытках заснуть и только утомит; он встал, оделся и прошел через коридор в служебный кабинет. Включил карманный фонарь и осветил им настенную карту Советской России, на которой были наколоты булавки с черными головками, обозначавшие границы пораженных засухой и голодом районов. Булавки были наколоты летом, когда засуха выжгла поля и луга, хлеба и травы, и сейчас, в конце октября, булавки словно навечно вросли в карту. Во время гражданской войны фронты находились в постоянном движении, и булавки перекалывались иногда дважды в день. Сейчас в карту уже вкрапливаются булавки с желтыми головками, обозначающие холеру — вечный спутник голодного бедствия.

В августе 1921 года Ленин обратился к международному пролетариату с призывом о помощи. «Голод,— писал Владимир Ильич,— это тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран...

Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев».

Рабочие и крестьяне многих стран отозвались на это обращение. Крупнейшие ученые, художники и писатели — совесть мира и народа — откликнулись. Горький и Фритьоф Нансен стали во главе международной помощи и передали все свои личные средства в ее фонд. Клара Цеткин, Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе, Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Анатоль Франс, Теодор Драйзер и многие другие прогрессивные общественные и политические деятели, деятели науки и культуры внесли свой посильный вклад. На собранные деньги было закуплено и отправлено в Советскую Россию более 33 миллионов пудов продовольствия.

А вот теперь активно вылезли страшные, реакционные силы, для которых голод в России — лакомый кусок, на голоде можно нажиться, опустошить страну и удушить в объятиях голода Советскую власть. В начале октября 1921 года в Брюсселе состоялась конференция девятнадцати государств по поводу «помощи голодающим в Советской

России». Обещали дать кредиты при условии, что Советская Россия обяжется выплатить иностранным государствам долги царского и Временного правительств. «Вот тогда мы поможем не умереть с голоду». Кроме того, за распределением продовольствия, которое будет в кредит поставляться в Россию, должен быть установлен международный контроль... Какое изощренное издевательство над голодающими!

Владимир Ильич сел к столу, включил настольную лампу. Раскрыл папку с наклейкой «Голод». Почему Красин не выполняет своего обещания? В декабре сообщил, что закупит в Лондоне 18 миллионов пудов пшеницы и ежемесячно будет направлять в порты Советской России по 5 миллионов пудов. Месяц перевалил за середину, а ни одного пуда не поступило. Это уму непостижимо. Старый коммунист, облеченный доверием партии и высокими полномочиями Советского государства, народный комиссар по внешней торговле, дипломатический представитель в Лондоне — и такое непонятное отношение к заданию партии?

Владимир Ильич взял лист бумаги и размашистым почерком в состоянии гнева написал текст телеграммы Красину:

«Если не купите в январе и феврале 15 миллионов пудов хлеба, уволим с должности и исключим из партии. Хлеб нужен до зарезу. Волокита нетерпима. Аппарат Внешторга плох... Налягте изо всех сил. Телеграфируйте точно об исполнении дважды в неделю».

Надо послать эту телеграмму от имени Политбюро, подумал Владимир Ильич. Встал, походил по кабинету, стараясь смирить свой гнев.

Телеграмма Красину пошла в исправленном виде. Вместо слов «уволим с должности и исключим из партии» написал: «партия вынуждена будет принять самые решительные меры взыскания».

Потом перечитал письмо, посланное Горькому:

«...Меня просят написать Вам: не напишете ли Бернарду Шоу, чтобы он съездил в Америку, и Уэллсу, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим?

Хорошо бы, если бы Вы им написали.

Голодным попадет тогда побольше.

А голод сильный.

Отдыхайте и лечитесь получше.

Привет! Ленин».

Уверен — Горький сделает все, что в его силах.

Затем Владимир Ильич пододвинул и перечитал письмо, посланное им на днях рабочим, ловцам Аральского моря.

«Дорогие товарищи! — писал Ленин.— До вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде — о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья... Миллионы людей — трудовых крестьян и рабочих, миллионы скота готовы погибнуть и гибнут уже.

Русских и мусульман, оседлых и кочевых — всех одинаково ждет лютая смерть, если не придут на помощь свои товарищи — рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей... Беда так велика, Советская республика так разорена царской войной и белогвардейцами, что государственными средствами можно кое-как пропитать до будущего урожая едва 1/4 часть нуждающихся.

На помощь богачей-капиталистов тоже рассчитывать нечего. Капиталисты... правда, заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой...

Пусть весь рабочий класс, как один человек, встанет, чтобы залечить тяжкую рану Поволжья, а плодородное Поволжье в будущие годы отплатит нам со своей стороны своим хлебом».

Рабочие, рыбаки, пастухи отзовутся, отзовутся и никаких условий ставить не будут. Но рыбу-то надо вывезти! Соль из Баскунчака и хлеб в Баскунчак, хлеб из Сибири сам собой с неба не свалится. Стоял перед картой, обдумывая. Затем снова вернулся к столу.

Итак, главное звено в цепи, которой надо вытаскивать страну из разрухи,— это транспорт. И новый наркомпуть Феликс Эдмундович Дзержинский это понимает. И на него, именно на него надо возложить новую, наитруднейшую, задачу — организовать вывоз хлеба из Сибири. Да, только он сможет...

В шестом часу Владимир Ильич выключил лампу, а в 10 часов утра был снова в служебном кабинете, вызвал к себе Дзержинского. Феликс Эдмундович пришел, худой, желтый, с запавшими глазами. Сердечно поздоровался и шутливо сказал:

— А вы, Владимир Ильич, не экономите электроэнергию, оставляете на всю ночь настольную лампу включенной.

— Как же это вам стало известно, дорогой Феликс Эдмундович?

— В 5 часов утра я шел с работы домой и увидел в вашем кабинете свет, а спать вы должны ложиться, по предписанию врачей, в двадцать ноль-ноль. Значит, подумал я, расточительно относится к энергии, так нужной народу, наш Ильич. Итак, я вас слушаю.

* * *

Все, кажется, оговорено. Уншлихт закрыл свою записную книжку, куда он заносил последние указания Феликса Эдмундовича.

Дзержинский бросил острый взгляд на своего друга, товарища по партии, а теперь и заместителя Председателя ВЧК, и понял: устал Иосиф.

— Наша главная задача — это охрана жизни и здоровья Ильича. По заключению врачей и постановлению Политбюро, Ильичу положено отдыхать полтора месяца. На тебя лично возлагается обеспечить полный отдых Ильича. Ничегонеделание...— строго сказал Феликс Эдмундович и оборвал себя:— Глупости говорю — Ильич и ничегонеделание — такие несовместимые понятия. Самое лучшее лекарство для Ильича — это положительные эмоции. — Феликс Эдмундович придавил окурок в пепельнице и вынул из коробки очередную папиросу.

— Чем же можно его порадовать? — усомнился Уншлихт.

— Я дал слово, самому себе дал, что через неделю по прибытии в Омск мы начнем планомерную отгрузку зерна,— ответил Дзержинский.— Мы дадим сибирский хлеб рабочим Москвы и Питера, голодающим Поволжья, и в первую очередь обеспечим детей. Это главная забота Ильича — спасти от голодной смерти тридцать миллионов человек, в том числе семь миллионов детей...

Январским утром 1922 года Иосиф Станиславович Уншлихт провожал на Ярославском вокзале поезд Дзержинского. Нарком путей сообщения, он же Председатель ВЧК, он же председатель комиссии по улучшению жизни детей, он же чрезвычайный уполномоченный по заготовке хлеба, он же... этот горячий, деятельный — но вовсе не железный — Феликс, человек с нежным и щедрым сердцем, трезвым умом и несгибаемой волей, с непоколебимой верой в дело Ленина, ехал выполнять задание партии — вывезти из Сибири 15 миллионов пудов продовольственных товаров. Бригада Дзержинского включала специалистов транспортников, партийных работников, чекистов. Хлеб и мясо в Сибири есть, но транспорт — эта кровеносная система страны — тяжко болен: разрушены тысячи мостов, разворочены десятки тысяч верст рельсовых путей, в развалинах множество депо и железнодорожных мастерских, большое число паровозов за негодностью отправлено на «кладбища», на каждом третьем товарном вагоне мелом крупно написан приговор: «не пригоден», «болен». Нужны сверхчеловеческие усилия, чтобы возродить транспорт.

И вот Феликс Эдмундович Дзержинский, теперь уже как особо уполномоченный ВЦИК, выехал в Сибирь.

Через несколько дней он доложил Владимиру Ильичу из Омска, что началась погрузка и отправка в Москву ржи, пшеницы, ячменя, мясных продуктов. Вместо 33 вагонов в сутки Дзержинский считал возможным отправлять 270 вагонов с продовольствием. Важно доставить это в срок и в целости. Чиновники из Наркомпути докладывают, что «принимают все меры», но...

* * *

Очень досадовал Владимир Ильич на свой вынужденный отдых, но врачи были наделены Политбюро диктаторскими полномочиями и требовали длительного отдыха на свежем воздухе. Владимир Ильич понимал, что его жизнь нужна людям. Подчинился решению ЦК выехать в Костино на отдых, когда ВЧК раскрыло очередной заговор на жизнь Ленина, следы которого вели в Горки. Владимир Ильич был весьма дисциплинирован, и лишь однажды... Но сейчас он спешил закончить неотложные дела.

Лидия Александровна, бессменный и бесценный помощник и секретарь Владимира Ильича, докладывала ему почту. Человек большой культуры, высокой партийности, она умела очень кратко, как любил Ленин, передавать суть документа и записать распоряжение.

— Вот телеграмма из Сызрани о ходе работ по восстановлению моста через Волгу.

Владимир Ильич живо взял телеграмму, прочитал и попросил Лидию Александровну немедленно разыскать Бонч-Бруевича.

Владимир Дмитриевич явился в кабинет к Ленину через несколько минут.

— Как идет восстановление моста через Волгу? — требовательно спросил Владимир Ильич.

— Я собрал со всей России самых опытных клепальщиков, подключил к ним молодых и толковых инженеров. Но работа идет на большой высоте над Волгой при сильном ветре и морозе 18—20 градусов. Больше часа клепальщики не выдерживают. Требуют спирта. Может быть, дадим, Владимир Ильич, в виде исключения?

Владимир Ильич встал и покачал головой.

— Нет, нет и еще раз нет. У нас установлен сухой закон. Мы должны покончить с этим социальным злом. Надо просить Совет труда и обороны отпустить для этих рабочих усиленное питание, усиленное,— подчеркнул он.

— Но мост должен быть восстановлен немедленно, иначе хлеб, который уже отправляет Дзержинский, будет лежать на другом берегу Волги.

— Спирт здесь делу не помощник. Наоборот.

— Для «сугреву», Владимир Ильич, не допьяна.

— Для «сугреву», как вы говорите, нужны мясные щи и каша с хорошей порцией масла и настоящий чай, горячий, душистый.

— Но это не заменит спирта.

— Безусловно нет. Милый Владимир Дмитриевич, я долго жил у подножия Альп, Карпат. Сам люблю лазать по горам, хотя настоящим альпинистом не стал. Но дело в том, что настоящие альпинисты никогда, понимаете, никогда, не берут с собой спиртного. И это категорически запрещено во всех странах. Алкоголь обладает особым свойством отнимать не только разум, но и тепло у человека. В Швейцарии, в Австрии замерзшего в горах не оттирают снегом, как это делают у нас, не растирают спиртом. Наоборот, согревают грелками, теплой одеждой, горячей пищей, теплым молоком со сливочным маслом и тэдэ и тэпэ. Но не спиртом. Распорядитесь, чтобы рабочим отпустили свинину, другие жиры, мясо, молоко, обеспечили теплой одеждой, меховыми рукавицами. Организуйте сменные бригады — по два часа работы на ветру, затем горячая еда, отдых и снова на работу. Мост должен быть восстановлен немедленно. Это самый важный из всех тысяч разрушенных белогвардейцами мостов. Дзержинский уже начал отправлять поезда с продовольствием. Докладывать о ходе работ вы будете мне дважды в день, утром в 10 часов и вечером тоже в 10 часов. Вы ответственны и за здоровье рабочих, и за восстановление моста. Лично ответственны.

— Будет сделано. Можно идти? — спросил Владимир Дмитриевич.

— Да. И не забудьте распорядиться: готовить щи для рабочих наваристые, густые, чтобы ложка в них стояла, и в кашу побольше масла. Так любит русский человек,— сказал Владимир Ильич вдогонку.

* * *

Вечером начальник охраны Ленина — Петр Петрович Пакалн — внес в кабинет Владимира

Ильича большой чемодан. Ленин предусмотрительно запер двери в зал заседаний и в коридор, ведущий в квартиру, и принялся примерять телогрейки, валенки, но больше всего его занимали ушанки.

— Эта не годится, мала. В этой все лицо открыто, сразу опознают. Эта богато выглядит, наверное, какая-нибудь соболья. Вот эта, пожалуй, подходяща,— Владимир Ильич натянул на голову мохнатый овчинный треух и сверху повязал башлык.— Как думаете, Петр Петрович, не узнают?

— Никому в голову не придет, что в таком виде едет Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель Совета труда и обороны,— пробормотал Пакалн,— но уж от Дзержинского нам с вами достанется.

— Говорите — достанется? Не волнуйтесь, Петр Петрович. Это не авантюрное приключение. Я должен сам, своими глазами посмотреть, что делается на транспорте, и выбрал в нем самое махонькое, но важное звенышко, автодрезину. Если же предупредить по телеграфу, что едет Председатель Совнаркома, то понимаете, как меня встретят, что расскажут и что покажут? А мне страсть как надо увидеть все в натуральном виде. Да, да! Так говорите, что достанется нам от Дзержинского?

— Будьте уверены,— ответил Пакалн.

Владимир Ильич рассмеялся.

— А известно ли вам, батенька, что сам Феликс Эдмундович не раз такой маскарад устраивал, уже будучи наркомом путей сообщения? Он и в теплушках вместе с мешочниками ездил, и в воинских составах, как демобилизованный, и стоял в очереди в кассу за билетом, и в качестве составителя поездов проверял вагоны и вытаскивал оттуда обмороженных, голодных беспризорников. Так этот метод я у него перенял.

— Ну, как сказать,— возразил Петр Петрович.— Может быть, он у вас учился. Вы ведь в Германии жили полтора года как болгарин Иорданов, в Англии стали Якобом Рихтером, в обличье рабочего Карпова в Питере в 1906 году на собрании выступали, в Москву лабазником поехали, инженером Петровым в Финляндии проживали, немецким профессором геологом Мюллером тоже были, в косарях в Разливе ходили, по документам рабочего Сестрорецкого завода Иванова жили, и кочегаром на паровозе ездили, и даже пастором были не один раз.

— Все в свое время, в свое время, Петр Петрович. А сейчас речь идет о многих миллионах пудов продовольствия, о спасении миллионов жизней.— Владимир Ильич потер лоб: болела голова, предвестник бессонной ночи.

Петр Петрович эту ночь тоже не спал. Даже подушка взмокла от пота. В нарушение всех инструкций он один едет сопровождать Владимира Ильича. А ну как его узнают? Глаза-то ленинские, известны всей стране, каждому человеку, и голос его многие слышали. Вдруг признает какой-нибудь вражеский элемент? Может быть, к утру передумает? — теплилась надежда у Петра Петровича. Но нет. Утром Ильич позвонил, как условились.

— Поехали к Ярославскому вокзалу,— передал Пакалн шоферу распоряжение Ленина.

В машине Владимир Ильич поменял сапоги на валенки, снял пальто, под которым у него были надеты телогрейка и ватные брюки, натянул на голову ушанку, заправил под башлык бородку и вышел из машины.

Пакалн и Ленин пошли по путям к поворотному кругу. Захламленность повсюду была неописуемой, многие пути были засыпаны глубокими грязными сугробами, по обочинам валялись ржавые железные бочки, рельсы, груды гнилых шпал, всюду стояли вагоны с развороченными крышами, с разобранными стенами, на некоторых даже негде было написать «болен».

— На дрезине будут одни чекисты?

— Да, будут только чекисты. На московском узле всего две дрезины, и обе в совместном пользовании ВЧК и Наркомпути.

— М-да! Представьте меня как нового работника транспортной Чека, которого надо «обкатать», показать ему, что к чему. Вы будете мне объяснять, а я ограничусь только междометиями.

Автодрезина выглядела весьма непривлекательно: облупленная краска, вмятины, почти ни одного целого стекла, внутри на сиденьях, когда-то обтянутых кожей, топорщились пружины, перевязанные лыком. Возле машины двое в телогрейках копались в моторе, двое в кожаных куртках, видимо, оперативники, сидели в машине. Старший из них знал Пакална, знал, что он чекист и работает в Кремле, но понятия не имел, что Петр Петрович начальник охраны Ленина. И все же первый вопрос был:

— Ильича видел? Как он? Говорят, перетрудился, плохо со здоровьем?

— Ленин здоров, видел его гуляющим по плацу, веселый, румяный,— невозмутимо отвечал Пакалн, а у самого сердце стучало как бешеный мотор.

— А это кто? — уже тихо спросил старший, кивая на Ленина.

— Хозяйственник из транспортной Чека,— ответил Пакалн.

— По борьбе с хищениями? — уточнял старший.

— Да, ему надо показать пакгаузы, склады, мастерские, депо.

Водитель автодрезины тщетно пытался завести мотор, крепко выругался и, обращаясь к «хозяйственнику из транспортной Чека», сказал:

— Возьми на заметку. Жулье на складах: керосин пополам с водой. Все разворовывают. Разве двигатель согласится работать на таком месиве? А ну-ка, ребята, подтолкните!

Двое молодых чекистов выскочили из машины и стали толкать. Мотор фыркнул, поурчал, и дрезина двинулась, но не успели молодые люди сесть в машину, как она остановилась. Так, прыжками, рывками, под изысканные ругательства водителя добрались до длинного, бурой краской выкрашенного здания.

— Я думаю, вам полезно будет посмотреть пакгауз,— сказал Петр Петрович. Из широко раздвинутых дверей пакгауза несло дохлятиной. Несколько рабочих грузили на платформу весов мешки, из которых сыпалось зерно.

— Как можно так обращаться с народным добром? — спросил Ленин.

— Ты спроси об этом не нас, а крыс, их тыщи, они здесь хозяева, зыркают глазками из всех углов,— зло ответил рабочий.

— Крысы помогают ворам. Что украдут — на крыс свалят,— комментировал водитель.— Хоть бы дохлых убрали, воняет-то как. Ну, теперь на «кладбище»? — спросил водитель старшего.

Паровозное кладбище. Множество паровозов без труб, без тендеров, от некоторых остались просто одни ржавые котлы да скаты.

— Не все здесь «покойники», — объяснял водитель,— многие можно отремонтировать, но старая контра не желает с ними возиться, лучше списать. Или вот вагоны, их по кусочкам разбирают на топливо, и никому дела до этого нет. Или вон, гляньте-ка...

Мужчины и женщины из-под снега выгребали уголь, наполняли ведра, огромные плетеные корзины, другие увязывали дрова. Прополз товарно-пассажирский поезд. Все крыши были облеплены людьми, пассажиры сидели на ступеньках, уцепившись за поручни. Мороз на улице был градусов 15—20.

— А внутри вагонов сидят главным образом мешочники, везут хлеб. За фунт зерна получают место в вагоне,— пояснял водитель.— Вот Ленину бы об этом написать или как там доложить.

— Ленин про все это знает,— отрезал Пакалн.

* * *

В унылом пейзаже с грязными сугробами и скелетами вагонов вдруг возник мираж. У депо стоял поезд из новеньких, блестевших свежей краской, зеркальными окнами вагонов. Поезд возглавлял черный, видно, из недавно купленных за границей, паровоз.

— Что это за чудо? — спросил Владимир Ильич водителя автодрезины, который стал уже настоящим гидом для «хозяйственника из ЧК».

— Разве не знаешь? — удивился водитель.— Это же царский поезд, Николашки второго, но ездит в нем теперь барин, сам Лев Давыдович Троцкий. Дворец на колесах, ей-богу. Даже баня есть. Мне довелось там отопление налаживать, я взошел и ахнул. В каждом салоне часы. Каких только там нет! Троцкий больно любит часы и музыкальные шкатулки. Везде картины, зеркала, вазы с цветами, разные статуи. А прислуги у Троцкого, что у знатного барина: повара, прачки, горничные, портные, парикмахеры, массажисты, доктора, не считая разных там секретарей. Ты думаешь, что Троцкий, как Ленин, морковный или там брусничный чай пьет и пшенную кашу за милую душу ест? Как бы не так.

Чего ему туда, в вагоны, только не тащат, и рыбу, и птицу...

— И много таких поездов на железных дорогах? — прервал перечисления яств Ленин.

— Таких поездов нет, а вагонов-салонов на Московском узле для всякого начальства и наркомов штук девяносто.

Петр Петрович видел, как мрачнело лицо Владимира Ильича.

— А у Михаила Ивановича тоже такой поезд? — нацеленно спросил Пакалн водителя.

— Тоже скажешь. Наш Всероссийский староста ездит на поезде «Октябрьская революция». Там все вагоны исписаны лозунгами, обклеены плакатами. Вагоны обыкновенные, пассажирские, и Михаил Иванович, дай бог ему здоровья, месяцами проводит в поездах. А в вагонах у него и кинематограф, и туманные картины, он их населению станций и крестьянам показывает, книжки для детей, типография, в которой каждый день газеты печатают. С ним там ученые по части земледелия едут и разные агитаторы. Сам Михаил Иванович на сходках выступает, рассказывает, что и как. Про новую экономическую политику в такие горячие споры вступает и всегда победителем выходит. Крестьяне понимают, что Советская власть им долг сполна выплачивает. Верят ему люди. Как Ленину верят.

— Откуда вам все это известно? — спросил Владимир Ильич.

— Люди сказывают, да и сам я на этой дрезине где только не бываю. Всего наглядишься, всего наслушаешься.

— Можно ли поехать в депо Москва-сортировочная? — спросил Ленин.

— Если натуральным керосином заправимся. Есть здесь недалеко один честный кладовщик Васильич, если он на месте, тогда порядок,— уверенно сказал водитель.

— Значит, есть и честные люди? — спросил Ленин.

— Да честных куда больше, но чего сто честных смастерят или добудут, то один вор может украсть.

Васильич был на месте. Негодный керосин слил в бачок, смерил, заправил свежим, пахучим, и отмерял точно — ни больше ни меньше, взял с водителя дрезины расписку и сам выдал квитанцию на негодную смесь.

Дрезина поехала веселее.

— Едем со скоростью 30 верст в час,— доложил водитель,— а средняя скорость передвижения вагонов на Окружной дороге полверсты в час.

— Полверсты в час,— сквозь зубы повторил Владимир Ильич,— так далеко не уедешь.

Еще издали доносились перезвон, перестук и отсветы электросварки в депо. На стене напротив арки висел большой портрет Ленина. Владимир Ильич надвинул шапку до переносицы и подтянул на подбородок край башлыка. Над ямой стоял паровоз, вокруг которого хлопотало несколько рабочих. Из-под самых колес появилось веселое, перемазанное мазутом лицо слесаря с зубилом и молотком в руках. Один из рабочих красил котел, другой счищал с рамы ржавчину. Это был прославленный коллектив рабочих депо Москва-сортировочная, который положил начало великому почину — коммунистическим субботникам.

— В «покойники» списали, а мы вот его воскрешаем, еще побегает, да как. Сильная машина,— высунулся из окна машинист.

Пакалн видел, как потеплели глаза Владимира Ильича, как он с надеждой и влюбленно смотрел на этих людей новой формации, наделенных чувством личной ответственности за судьбу страны, гордых и счастливых оказанным им доверием.

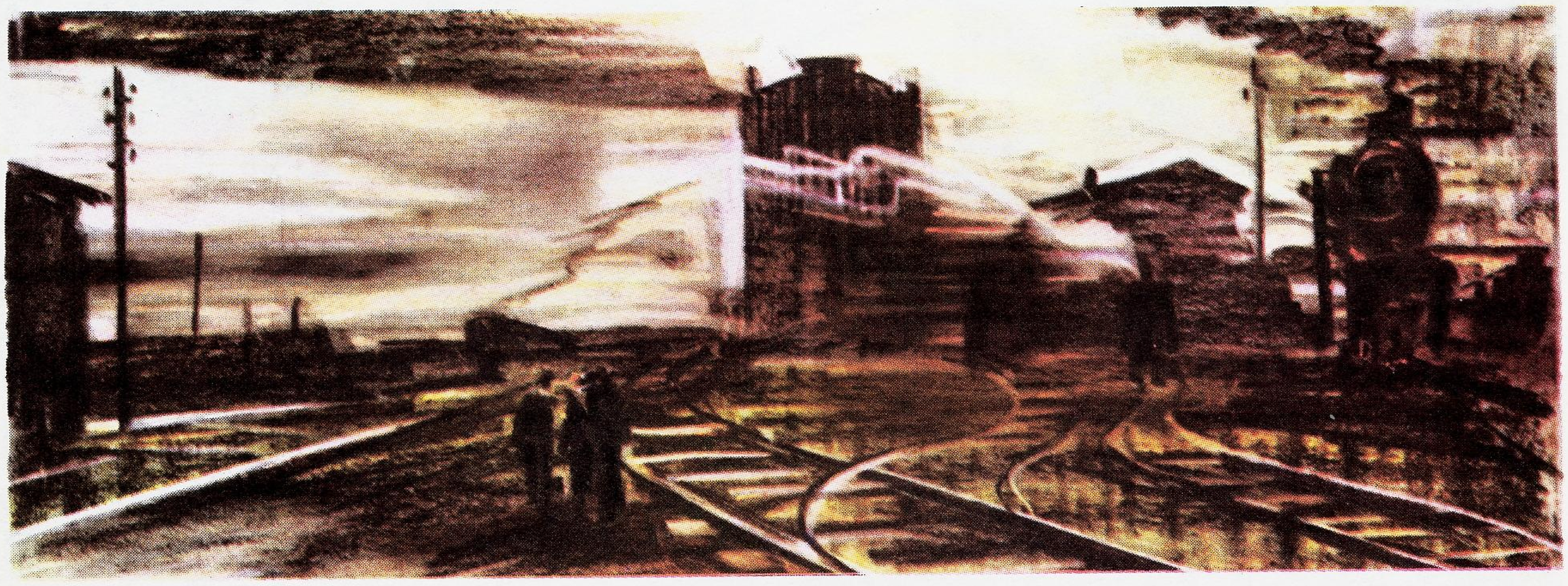
Владимир Ильич, энергично повернувшись к Пакалну, положил ему руку на плечо и сказал:

— А теперь быстренько домой, дело не ждет.

Миновал жестокий 1921/22 голодный год. Величайшей организаторской силой партии, этого «зернышка» в нашем народе, по выражению Владимира Ильича, способного «переделать все», благодаря сверхчеловеческому напряжению гения Ленина, самоотверженному труду его соратников было спасено от голодной смерти не одно поколение.

27 декабря 1922 года был едва ли не самый счастливый день жизни Владимира Ильича, когда он на заседании Политбюро предложил досыта кормить детей и учителей в школах, и хозорганам предписывалось отложить особо для этого хлеб и «добавить еще на расходы на школы 1 миллион рублей золотом».

С голодом в нашей стране было покончено. Золотое зерно дало золотые всходы.



То самое Кашино...

Похоже на деревню? По-моему, не очень. Вот разве что чинные добродушные коровы на лугу. Да бойкие курицы в птичнике. Да два домишки деревянных... Но ведь и в городе чего не бывает. И все же это деревня. А название ее мы знаем с детства: Кашино. То самое Кашино, где однажды побывал Ленин.

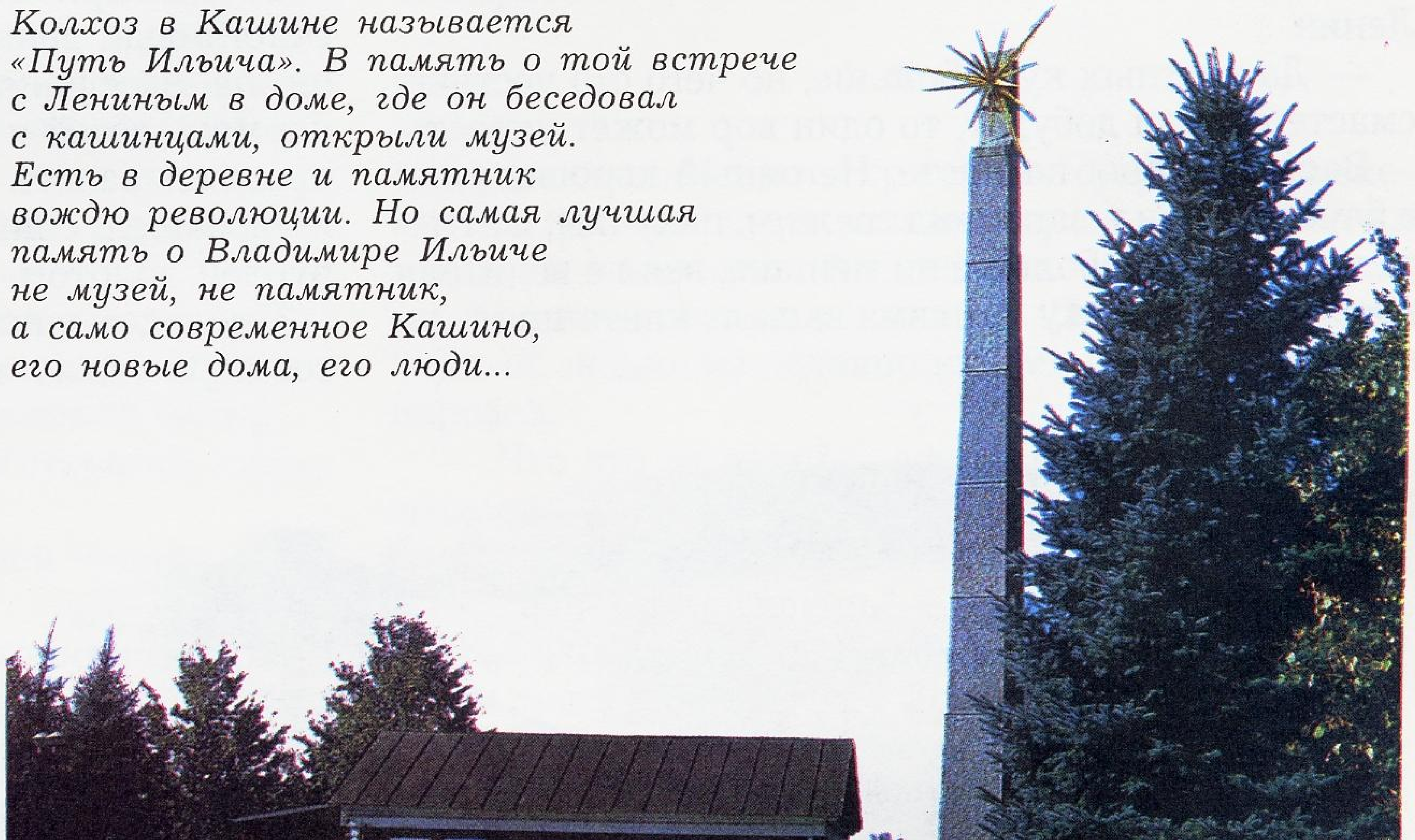
Произошло это 14 ноября 1920 года. В тот день в Кашине дала свет электростанция, построенная по инициативе и на средства местных крестьян. На свой праздник они решили пригласить Владимира Ильича.

Встречали дорогого гостя с оркестром, хлебом-солью... В самом большом доме Кашина... Конечно, сегодня этот дом кашинцы большим вряд ли назовут. Совсем в других, как вы видите, домах живут теперь здесь. Но и тот дом хранят и оберегают. Еще бы, ведь в нем был Ленин! В нем он знакомился и беседовал с жителями Кашина. Интересная вышла встреча, запоминающаяся. И кто-то из кашинцев сказал тогда в разговоре: «Теперь у нас, как в городе». Это он имел в виду появившееся электричество.

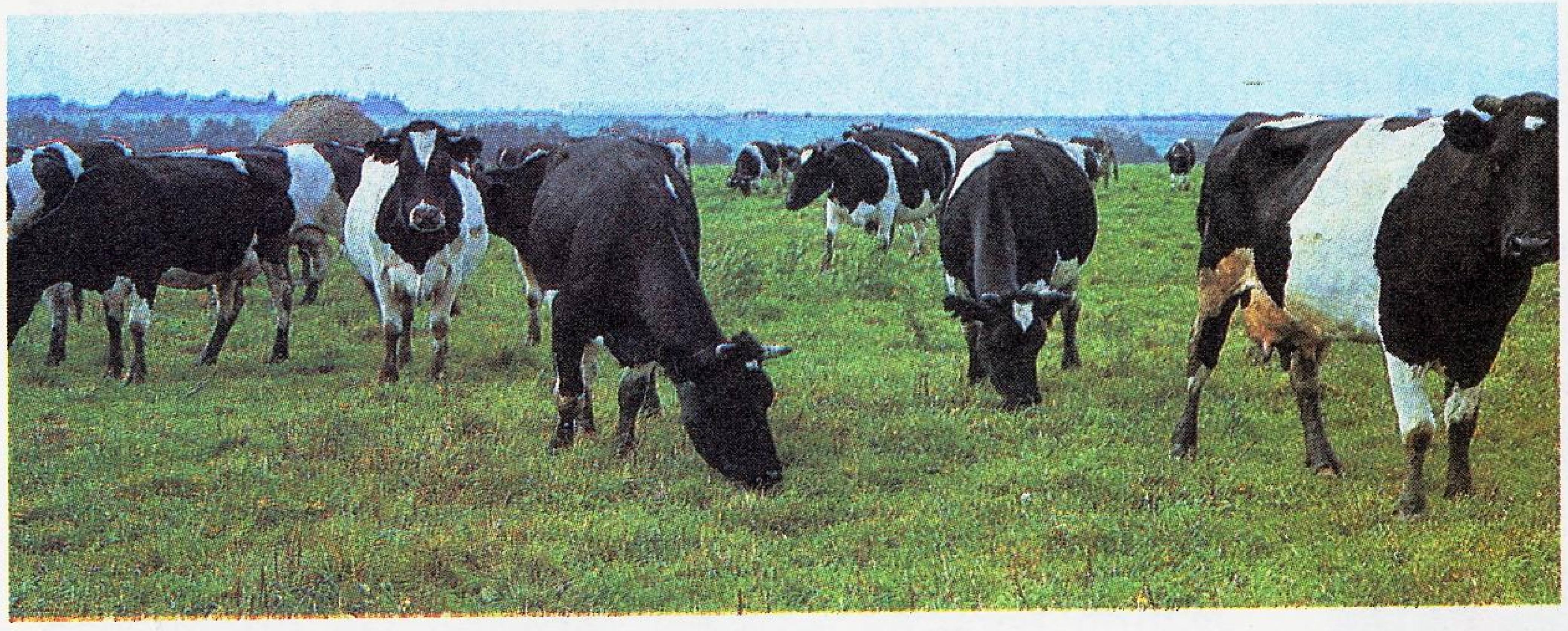
Сегодня кашинцы говорят подругому: «Теперь у нас лучше, чем в ином городе». Это они имеют в виду свою нынешнюю жизнь. И мне кажется, они ни капельки не преувеличивают.

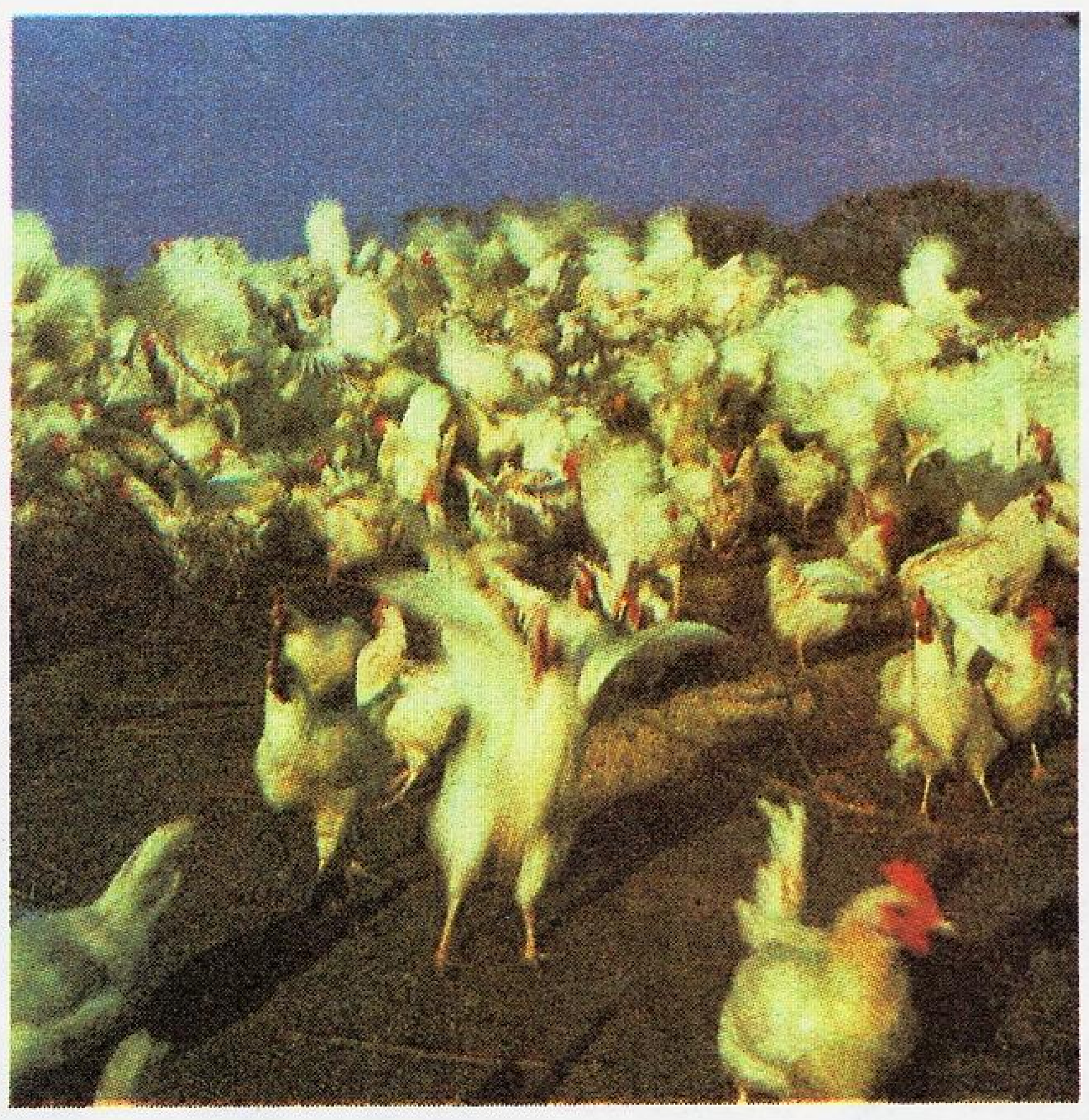
Н. ВИКТОРОВ

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

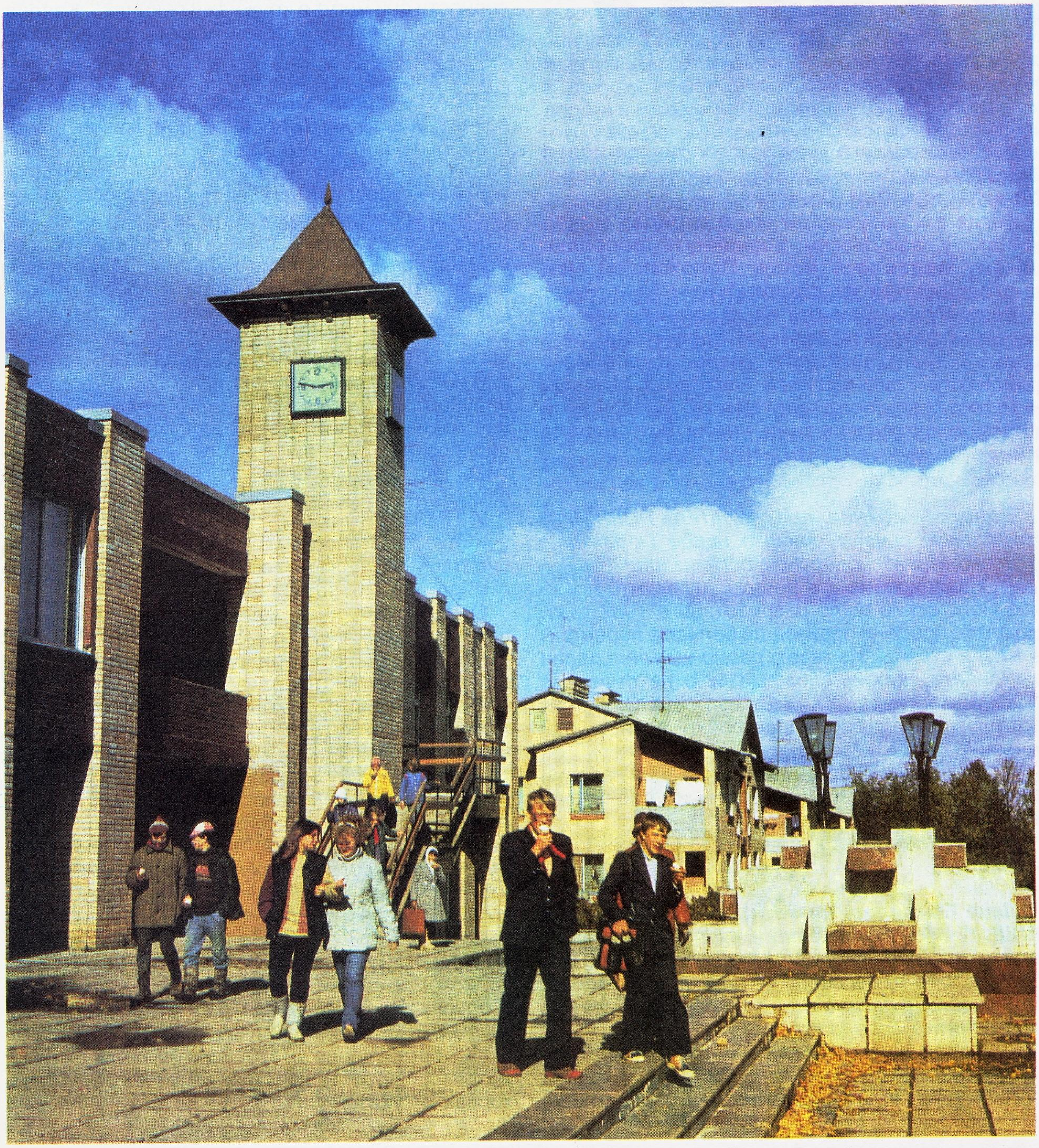


Колхоз в Кашине называется «Путь Ильича». В память о той встрече с Лениным в доме, где он беседовал с кашинцами, открыли музей. Есть в деревне и памятник вождю революции. Но самая лучшая память о Владимире Ильиче не музей, не памятник, а само современное Кашино, его новые дома, его люди...





Вот оно — сегодняшнее Кашино. Его путь в будущее осветила в далеком двадцатом «лампочка Ильича».



О том, что важно сегодня

Летом прошлого года было принято новое Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Когда вы обсуждали его в отрядах и дружинах, у вас могли возникнуть вопросы: почему появилось новое Положение? Чем оно отличается от старого?

Поэтому мы решили на страницах нашего журнала устроить заочную пресс-конференцию. В ней участвуют члены Кировского районного пионерского штаба г. Москвы и заместитель председателя ЦС Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Нина Никитична СТРЕЛЬНИКОВА.

Володя Жабанов, председатель РПШ: *Нина Никитична, почему принято новое Положение о Всесоюзной пионерской организации?*

— Наверное, не все ребята знают, что прежнее Положение было разработано в 1967 году. Но с того времени произошли большие перемены в жизни страны. Из газет, радио и телепередач вы знаете, какие сложные и ответственные задачи поставил XXVII съезд КПСС, какая большая работа по перестройке всей нашей жизни ведется сейчас.

А пионерская организация? Какие задачи стоят перед ней? Какие изменения произошли внутри нее?

На все эти вопросы и дает ответ новое Положение.

Лена Ермакова, заместитель председателя РПШ: *Старое Положение я никогда не читала, а это было напечатано в «Пионерской правде». Значит, оно адресовано и нам, пионерам? Но Положение написано сложным языком, будет ли оно понятно всем ребятам?*

— Положение — это не легкое, занимательное чтение, это документ о том, как устроена организация. И хотя организация эта детская, она выполняет серьезные задачи. В документе об этом так же серьезно и ответственно должно быть сказано.

В Положении есть разные вопросы, одни адресованы вам, пионерам: это Законы, Торжественное обещание, раздел о самоуправлении... Другие напрямую обращены ко взрослым, например, раздел о руководстве комсомола пионерской организацией... А есть вопросы, которые адресованы и вам, и взрослым одновременно. Может быть, они сложны для вас, ребята, но давайте попробуем разобрать их вместе.

Например, какие **функции** выполняет пионерская организация в советском обществе? Другими словами, зачем существует пионерская организация? Воспитывают ребят родители, знания дает школа, раскрыть свои таланты и способности они могут в кружках и секциях... Какова же роль пионерской организации? Что ей поручает партия?

Положение определяет три главные функции. ПЕРВАЯ — организация позволяет ребятам уже сейчас участвовать во взрослой жизни общества, быть полезными своему народу. Вы собираете макулатуру и металлолом, работаете в ученических бригадах, на пионерских фермах, растите урожаи и ухаживаете за животными. Вы помогаете взрослым охранять природу и восстанавливать памятники культуры. И, конечно, вы заботитесь о своей школе и своем микрорайоне... Движение «Пионеры — XII пятилетке» — это не просто подготовка к будущей жизни, это реальный вклад в дела всего народа.

ВТОРУЮ очень важную функцию выполняет пионерская организация — и никто, кроме нее,— она готовит резерв для комсомола. Все пионерские годы вы учитесь жить в коллективе, по законам своей организации, учитесь самостоятельности и самоуправлению.

И ТРЕТЬЯ функция – пионерская организация учит вас политической грамотности, умению разбираться в сложных событиях, происходящих в мире, учит бороться за мир.

Организация учит вас всегда поступать по совести, оказывать помощь всем, кто в ней нуждается, давать бой разгильдяйству, нечестности, хулиганству...

Учит следовать законам пионеров.

Но здесь я хотела бы сказать вам, ребята, вот что. Пионерская организация должна не только научить, заставить, потребовать, она должна прежде всего помочь каждому пионеру. Помочь получить новые знания, навыки, побороть плохие привычки, найти себе дело по душе... Надо создать такую атмосферу в звене, отряде, чтобы каждый мог прийти к товарищам со всеми бедами и радостями. Чтобы каждого замечали, и не столько в плохом, сколько в хорошем. Чтобы каждого уважали, и не только за хорошие отметки, но и за его отношение к одноклассникам, младшим и старшим, за его умелые руки, неистощимую фантазию... Пионерская организация — это организация самих детей. Значит, в ней каждому должно быть хорошо и уютно.

Есть еще один сложный вопрос в Положении, о котором хотелось бы поговорить. Это **принципы** деятельности пионерской организации.

Что такое принципы? Если функция — это **что** должна делать организация, то принципы — это **как** она должна жить.

Принцип идейно-политической направленности означает, что, выполняя любое дело, вы должны помнить: вы — юные борцы за дело Коммунистической партии.

Пионеры не могут расти эгоистами, заботиться только о себе, о своей пользе. Значит, все время вы должны думать: «Какую пользу мы приносим людям, своему селу, городу, нашей стране?»

Мы, взрослые, хотим, чтобы вы, ребята, жили весело, умели мечтать, не стеснялись играть. Это тоже принцип пионерской жизни.

И, конечно, очень важным является принцип самодеятельности. Но, если признаться честно, пока он до конца в жизни еще не выполняется.

Слава Фомичев, знаменосец РПШ: *Мы считаем, что в организации все должно зависеть от ребят, но это не всегда получается, взрослые многое решают за нас.*

— Да, я согласна с тобой, Слава. Мало записать, что пионерская организация — самодеятельная, надо, чтобы на самом деле она была такой. Конечно, тут многое зависит от взрослых, учителей, но и от вас, ребята, тоже зависит немало. Как вы знаете свои права, как умеете ими пользоваться?

Например, возьмите прием в пионеры. Ребята часто жалуются, что главное слово все равно остается за учителем. А знаете почему? Прием проводит пионерский отряд, при котором действует октябрятская группа. А отряд часто плохо знает октябрят, не помогает им, поэтому не может без помощи учителя решить, кого из октябрят когда принимать. А работай отряд по-настоящему, и прием в пионеры проходил бы по-другому.

Высший орган звена, отряда, дружины — сбор. Как проходят у вас сборы? Какие вопросы вы решаете?

Важно, чтобы на сборе обсуждались не надуманные темы, а сама жизнь ребят. И не надо заранее подготовленных гладких выступлений. Не надо стремиться к тому, чтобы уже в начале сбора было ясно, что будет в конце. Пусть каждый член отряда знает: его мнение важно, от него ждут совета, критического замечания, решения...

Сбор для того и существует, чтобы вы вместе решали все важнейшие вопросы вашей жизни.

Сбор планирует и оценивает работу звена, отряда, каждого пионера. Сбор решает, кого наградить, кому вынести взыскание. Пионерские отряды и дружины редко поощряют своих членов. А почему бы не наградить человека, раз он хорошо работает?

Теперь введена новая мера наказания: предупреждение об исключении. Она заставит задуматься провинившегося пионера, как он оправдывает свое звание. Отряд может ему дать срок на исправление, такой, какой считает нужным. Исключение — крайняя мера наказания, и относиться к ней надо очень серьезно. Решение об исключении не должно быть поспешным или необъективным. И решают этот сложный вопрос сами ребята, пионерский отряд на своем сборе. А утверждается решение на заседании совета дружины.

Право на самостоятельность ребят широко оговорено в Положении.

А что же учитель? Что, нам совсем не нужна его помощь? Нужна, конечно. В Положении записано, что взрослые сотрудничают с ребятами. Значит, вместе с ними вы решаете важные вопросы, вместе действуете, вместе анализируете, что получилось, а что нет.

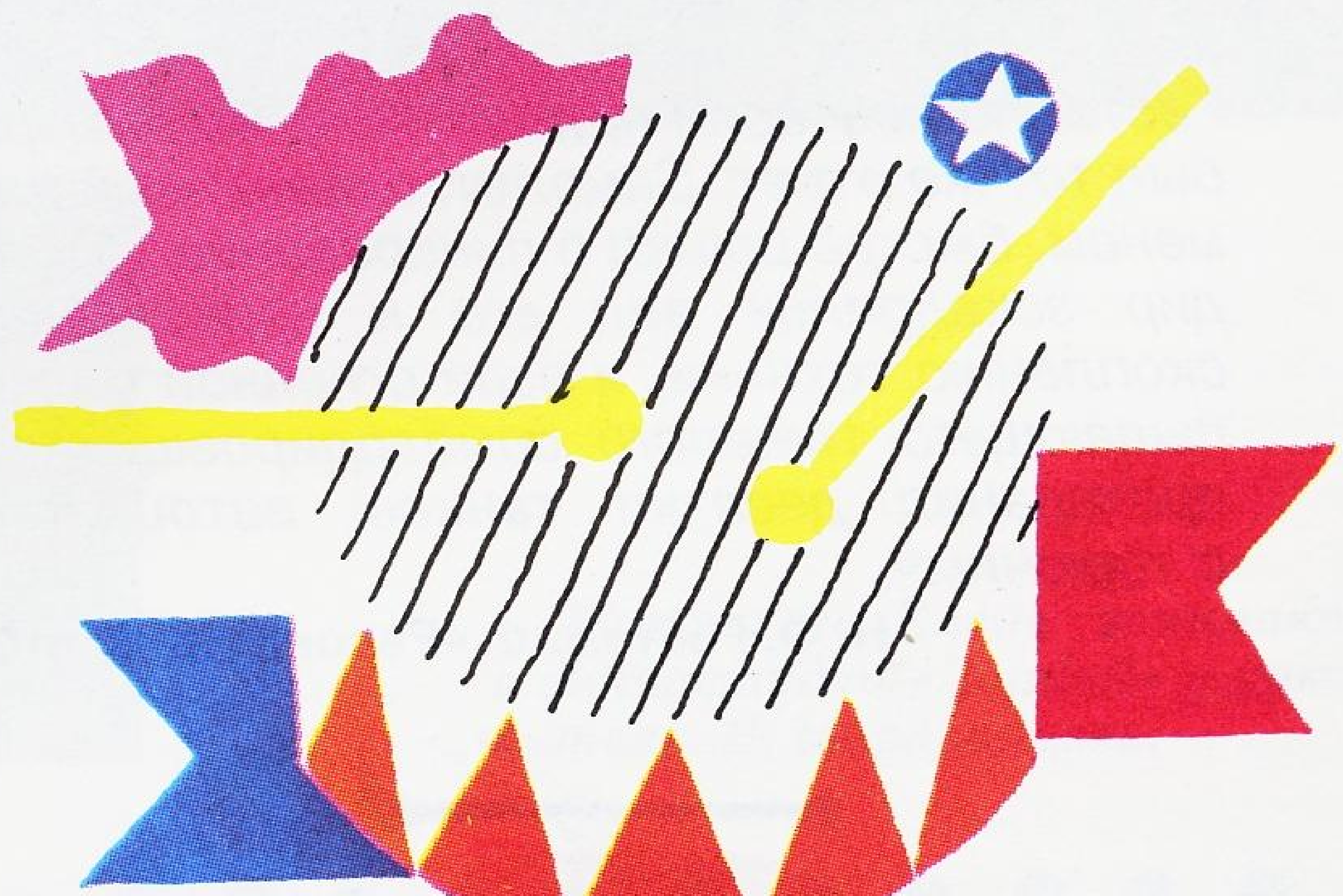
Но если вам все же кажется, что учителя слишком опекают вас, обратитесь за советом и помощью в школьный комитет комсомола, в райком комсомола. Советы дружины у нас доро́ги в райком комсомола не знают, забывают, что именно комсомол руководит пионерской организацией. Пользуйтесь также своим правом обращаться в любой совет пионерской организации, вплоть до Центрального Совета ВПО имени В. И. Ленина.

ОТ РЕДАКЦИИ: Сегодня состоялся сложный и серьезный разговор о том, как должна измениться жизнь в пионерской организации, о том, что такое пионерское самоуправление.

Может быть, кто-то из вас захочет задать вопросы Нине Никитичне СТРЕЛЬНИКОВОЙ, рассказать ей, что вам нравится и что не нравится в пионерской организации, именно с ней посоветоваться, как на деле осуществить самоуправление в дружине.

Тогда напишите нам в редакцию, а мы ваши письма передадим в Центральный Совет. На конверте поставьте девиз: «Обсуждаем Положение».

Рисунки К. ОРЛОВА.



ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем, Вникаем, Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

12 апреля — День космонавтики.

13 апреля — родился Семен Михайлович Буденный (1883—1973) — герой гражданской войны, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

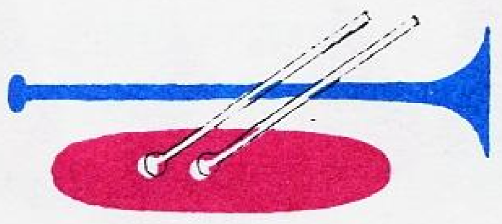
16 апреля — день рождения Эрнста Тельмана (1886—1944) — деятеля германского и международного рабочего движения.

> *«В народной школе Эрнст считался одним из первых учеников и пользовался всеобщей любовью.*
>
> *Самыми любимыми предметами были для него история, естествознание, математика, география и спорт; менее всего — закон божий. Эрнст выделялся, впрочем, не только своими способностями, но и замечательными чертами характера: он был сильным, смелым, справедливым, верным и отзывчивым товарищем, исключительно жизнерадостным, прекрасным рассказчиком. Даже усталый, после тяжелого трудового дня, он много часов просиживал над книгами».*
>
> **Д. Давыдович «Эрнст Тельман».**

22 апреля — 117 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

23 апреля — день рождения Николая Федоровича Гастелло (1907—1941), Героя Советского Союза, летчика.

> *«Капитан принял решение таранить врага горящим самолетом. Он приказал своему экипажу покинуть машину. Но в ответ услышал: «Мы остаемся с тобой, командир!» Гастелло повторил приказ. Но и на этот раз был тот же ответ. Самолет, охваченный пламенем, быстро вошел в пикирование. Командир эскадрильи вел его к наибольшему скоплению техники, и всей огненной массой пылающего тяжелого бомбардировщика он протаранил десятки танков, автоцистерн с горючим».*
>
> **Н. Ф. Гастелло «Рассказ о брате».**



СПОР-ПЛОЩАДКА

Ребята, апрель этого года — месяц XX съезда ВЛКСМ. Новые задачи союза молодежи, честный разговор о том, как живет, работает, учится комсомол,— вот главные темы съезда.

А как пионеры готовятся к съезду? Можно написать красочные рапорты, пригласить в гости делегатов и вручить им цветы. А можно повести принципиальный разговор о том, готовы ли члены твоего отряда вступить в комсомол.

Сегодня у нас на «Спор-площадке» две группы ребят: из Москвы и из Певека — самого северо-восточного порта Чукотки.

Москвичи — старшие пионеры-семиклассники из школы № 243. Класс их — обычный, отряд — не правофланговый. Мнение этих ребят разделяют и многие другие пионеры.

Гости из Певека — члены городского пионерского штаба. Их мнение — мнение активистов.

И москвичи и певекцы ответили на один вопрос: КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ Я ВСТУПАЮ В КОМСОМОЛ?

Итак, слово **москвичам.**

Чем живут комсомольцы, я не знаю

Саша МАЛАХОВ: Честно говоря, я не смогу вам объяснить, почему вступаю в комсомол.

Думаю, что комсомол — более активная организация, чем пионерская. Все-таки там люди постарше и поопытнее. Но чем живут комсомольцы здесь, рядом с нами, а не где-то на далеких стройках, я не знаю. К нам в отряд комсомольцы не приходили, хотя я читал, что комсомол руководит пионерами.

Пионерскую организацию я покидаю без сожаления: в отряде мы не были самостоятельными. Я надеюсь, что, когда я стану комсомольцем, в моей жизни появится что-то новое, по крайней мере мне бы этого хотелось. Но что именно, я пока не знаю.

Мы несамостоятельны из-за взрослых

Олеся ХОМЕЙКО: Я хочу вступить в комсомол, чтобы стать самостоятельным человеком. Думаю, что комсомол воспитает во мне чувство ответственности и долга. Сначала мне поручат маленькое дело, и я его выполню. А если не выполню, то мне станет стыдно.

В комсомоле любое дело будет важным. Например, шефство... Да, пионеры тоже шефствуют над ветеранами, но почти все, кто так говорит, только посылают им поздравительные открытки к празднику.

В нашем отряде каждый может припомнить только пару интересных дел за все пионерские годы, поход в лес да КВН с параллельным классом.

На каждом сборе за учительским столом у нас сидит классный руководитель и сама ведет этот сбор. Мы несамостоятельны из-за взрос-

лых, а как нам, пионерам, поступать, как пользоваться своими правами, не представляю.

ОТ ЮНКОРОВСКОГО ПОСТА «РВС»:

Уважаемый классный руководитель 7 «Б» класса! Просим вас на ближайшем отрядном сборе побыть гостем, а не ведущим. Смогут ли в этом случае пионеры 7 «Б» самостоятельно решить свои проблемы?

Где наши вожатые-комсомольцы?

Наташа МИТРОХИНА: Многие наши ребята не думали еще над тем: хотят они вступать в комсомол или нет?

Хотя в школе нас считают дружными, это не так, в классе — группки. Единственное, что волнует наших ребят,— «тяжелый» рок. Как-то мы попросили мальчишек подготовить «диско-огонек», раз они интересуются музыкой. Но они посмеялись и ничего не стали делать. Пионерская организация не авторитет для них. И разочарование в пионерской организации переходит у таких ребят в безразличное отношение к комсомолу.

Мы хотим, чтобы у нас были вожатые-комсомольцы, это изменит и пионерскую жизнь, и наше отношение к комсомолу. А то получается: мы сами по себе, а они, старшие, сами по себе.

В разговор включаются штабисты из **Певека.**

Надо учить ребят думать самостоятельно

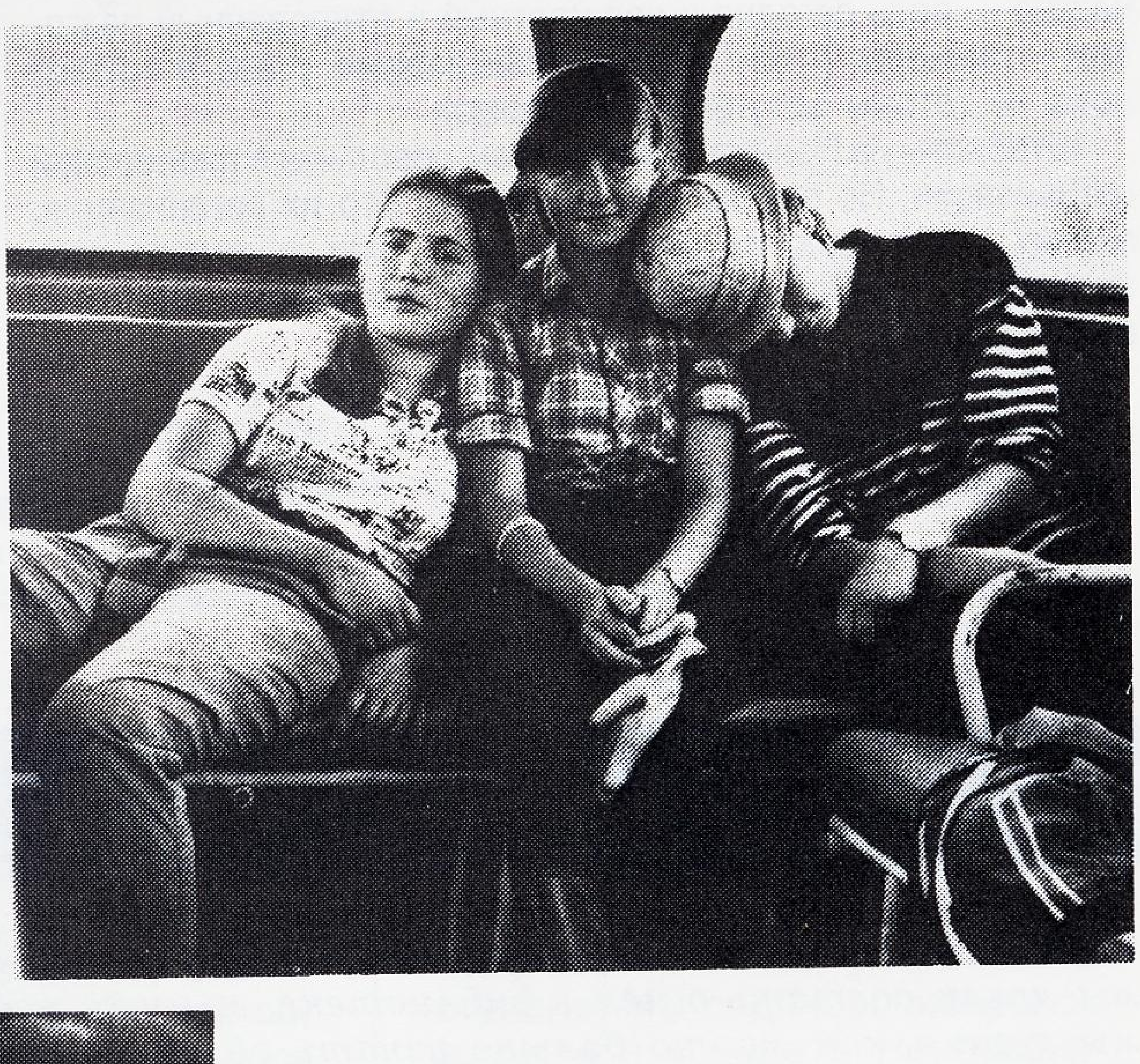
Аня ЛЕБЕДЕВА: Самоуправление многие понимают как дни, когда ученики ведут уроки вместо учителей. Мы же решили не играть в самоуправление, а думать самостоятельно все дни в году.

Как-то у нас заболела старшая вожатая. А на эти дни был запланирован дружинный сбор. Совет дружины не стал переносить сбор или дожидаться чьей-то помощи. Сбор готовили все отряды. Никто из старших нам не помогал. Этот случай нам показал, что и другие сборы мы можем готовить и проводить сами.

Каждый год мы ездим в Ленинград, в Москву, летом — в лагеря пионерского актива. Разговаривая с ребятами, мы узнаем, что пионерские отряды и дружины разобщены, они не чувствуют, что все они части одной организации. Это неправильно. У нас на Чукотке школы находятся далеко друг от друга, на вертолетах приходится доби-

ДЕВЧОНКИ ЕДУТ С ПРОПОЛКИ.— *Автор Елена ЕЛИНА, 14 лет, школа № 6, г. Красногорск.*

В РОДНОЙ ШКОЛЕ.— *Автор Михаил СМЕТАНИН, 15 лет, школа № 2, г. Красногорск.*



Михаил и Елена занимаются в фотостудии «Зоркий» у руководителя В. Мордвинцева.

раться, но мы все равно ездим по дружинам района. Отряды должны учиться друг у друга, дружить, обмениваться опытом.

Право вступить в комсомол надо заслужить

Саша РОЖНЕВ: Я вступал в пионеры в летнем пионерском лагере. До сих пор помню ту лагерную смену, и как серьезно, ответственно звенья обсуждали каждого октябренка, который хотел вступить в пионеры. Все бы отряды делали так.

Но мало взять на себя право решать, готов вступить октябренок в пионеры или нет. Пионеры обязательно должны готовить октябрят. В штабе мы завели специальную папку, куда собираем все, что может пригодиться для работы с октябрятами. И делимся этими материалами с дружинами района.

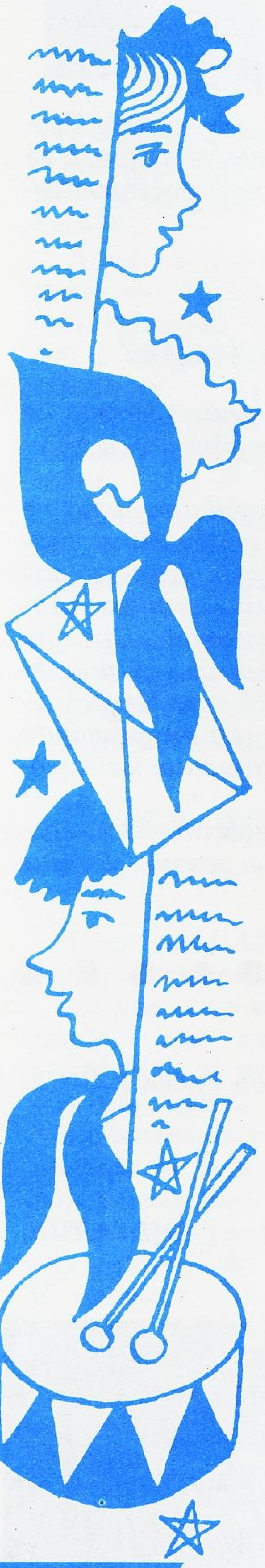
Мы, пионеры, должны быть требовательны к себе. Я даже думаю, чтобы организация жила не на бумаге, а на деле, не надо всех подряд принимать в пионеры. И не каждому пусть совет дружины дает рекомендацию в комсомол. Это право человек должен заслужить.

ОТ ЮНКОРОВСКОГО ПОСТА «РВС»: Юнкоры, давайте подумаем над тем, что мы сегодня услышали.

Москвичи говорили правильные вещи: пионеры не видят комсомольцев в своих отрядах, учителя слишком опекают ребят... Но позиция москвичей пассивна. Они не ищут выхода, ничего не предлагают и не делают. Если сказать честно — ведь сегодня у нас честный и откровенный разговор,— пионеры 7 «Б» класса, побывавшие у нас в гостях, пока не готовы вступать в комсомол.

Штабисты из Певека тоже не всем довольны в пионерской организации. Но они не отстраняются. Это их организация, значит, им и надо ее работу менять. Они занимают правильную, зрелую позицию людей, достойных вступить в комсомол.

Предлагаем и вам, ребята, ответить на вопрос:
КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ Я ВСТУПАЮ В КОМСОМОЛ?
На конверте поставьте девиз: **«Я и комсомол».**



ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Наш отряд носит имя пионера-героя Марата Казея. Все, что мы могли достать о нем в библиотеке, мы уже прочитали. Но мы хотим как можно больше узнать об этом замечательном человеке. Ребята, чьи отряды и дружины носят имя Марата Казея, откликнитесь. Наш адрес: 612124, Кировская область, Котельнический район, д. Шалеевщина, Шалеевская восьмилетняя школа, 7-му классу.

* * *

Саше Бочканову 13 лет. Он очень любит готовить и мечтает стать поваром. Саша знает много рецептов различных блюд. Кто хочет обмениваться с ним рецептами, пишите по адресу: 181261, Псковская область, Псковский район, п/о Похвальщина, д. 30, кв. 2.

ВОЗНИК ВОПРОС

Где провести День именинника?

Наш отряд осенью хотел организовать День именинника для ребят, родившихся в сентябре, октябре, ноябре. Именинники должны были выступить в роли хозяев: оформить класс, испечь торты, пирожные, другие угощения. А остальные ребята — в роли гостей: подготовить концерт, недорогие подарки, сюрпризы.

Но, когда мы пошли просить разрешения у нашего классного руководителя Валентины Васильевны занять кабинет на вечер, она нам ответила, что директор школы запретила подобные мероприятия.

ОТВЕТЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК НАМ ОТМЕЧАТЬ ПРАЗДНИКИ? КАК И ГДЕ СПРАВЛЯТЬ ДНИ ИМЕНИННИКА? Дома? Но ведь большинство родителей не решится на то, чтобы в их квартире одновременно находились 39 весьма темпераментных молодых людей. А потом учителя и родители удивляются: «Почему вы сидите в подъездах?»

Вита ГРИГОРЬЯН,
8-й класс, школа № 4,
г. Краматорск.

Вот какой серьезный вопрос возник у Виты.

Где отряду собраться вместе, чтобы отметить праздник?

В школе? Против учителя.

Дома? Против родители.

Юнкоры! А как ваш отряд выходит из положения? Напишите нам. Самый интересный опыт мы опубликуем в разделе «Отрядная копилка».

Четыре дня из жизни Татьяны Юдиной

В ЦК ВЛКСМ выбирают комсомольцев, молодых коммунистов. Людей в общем-то обычных.

И профессии у большинства из них самые обыкновенные: рабочие, хлеборобы, учителя, инженеры... Им доверено руководить работой комсомола между съездами. А на очередном съезде они отчитываются за свою работу.

В списке членов Центрального комитета ВЛКСМ, избранных на XIX съезде, есть и фамилия Татьяны Юдиной. Наверное, проще всего было бы перечислить все то, что сделала с мая 1981-го по апрель 1987 года Татьяна. И, поверьте, перечень дел лауреата премии Ленинского комсомола, депутата облсовета, товароведа пензенской торговой фирмы «Товары для детей» Татьяны Юдиной оказался бы внушительным. Но нам хочется, чтобы вы увидели не перечень, а человека.

«Здравствуйте, я ухожу...»

Секунду-другую Таня рассматривала черную табличку с золоченой надписью «Директор», а потом решительно толкнула дверь.

— Здравствуйте, Любовь Степановна, я ухожу, вот,— и положила на стол листок с заявлением.

Любовь Степановна молча принялась читать, а Таня торопилась высказать все то, что не вошло в две рукописные строчки заявления, что долго копилось у нее на душе и теперь вылилось в твердое и непреклонное решение уйти из секции игрушек магазина «Чебурашка» и из торговли вообще.

— ... Я никогда столько слез не видела... Думала, игрушки продавать — будто подарки всем делать. Сплошное удовольствие! А тут... Только и слышишь: «Купи, купи...» Дети ревут, родители злятся, а виноват продавец. В общем, ухожу. Нет у меня сил терпеть это.

— Таня,— неожиданно прервала Танин монолог Любовь Степановна,— ты кем после школы хотела стать?

— В педагогический поступать собиралась. А при чем тут это? — вопрос директора сбил Таню с мысли.

— Что, на экзаменах провалилась?

— Ничего не провалилась.— Теперь Таня обиделась.— Я, если хотите знать, даже не поступала. Мы под Новосибирском жили, я и хотела в Новосибирский педагогический поступать... А потом у нас... папа умер, и мама решила в родные места, сюда, в Пензу, перебраться. А куда она без меня? Так что сейчас не до института. А зачем вы все это спрашиваете?

— Хочу понять, какой человек от нас увольняться собрался. Так почему ты уходить надумала?

— Я же говорю...

— Погоди, погоди... Я слышала. Только мне показалось: не меня ты убеждала — саму себя... А ты не пробовала сделать что-нибудь для того, чтобы у тебя в секции было не так, как ты рассказываешь?

— А что тут сделаешь? Не могу же я им сама игрушки покупать?

— Покупать, конечно, не можешь, а дать им поиграть во все эти игры, подержать в руках игрушки — можешь. Да ты же педагогом хотела стать, чего я тебе объясняю!

— Как же тогда с главной заповедью торговли: покупатель не должен уйти без покупки?— улыбается Таня.

— А у нас покупатель особенный. Сама знаешь, родители не всегда могут купить то, что детям больше всего хочется. Да и приходят к нам чаще не за игрушками, а за туфельками, куртками, майками... Поэтому не важно, с покупкой или без нее уйдут от тебя твои маленькие покупатели. Главное — чтобы с хорошим настроением. А тех, кто пришел именно за игрушкой, ты должна, что называется, разглядеть и уж расстараться, показать товар лицом... Давай мы так порешим: твое заявление пусть полежит у меня, а ты подумай...

«Несколько замечаний к отчету»

В магазине к прилавку выстроилась длинная очередь, а у Тани совершенно не было времени. И тут...

— Здравствуйте! — расплылась в улыбке молоденькая продавщица.— Я вас узнала. Ведь вы Юдина, член ЦК ВЛКСМ, верно? — Таня растерянно кивнула.— Вы у нас в торге на комсомольском собрании выступали. Вы проходите, проходите, я вам без очереди отпущу. Пропустите ее, товарищи!

Наступило минутное затишье: очередь разглядывала Таню, а Таня — очередь. Тишину нарушила сама Таня:

— Ничего, я постою!

Уже у двери, когда она на ходу засовывала свертки в пакет, ее остановил парнишка лет двенадцати:

— Извините, а вы, правда, член ЦК?

— Правда.

— Тогда... Тогда вы должны нам помочь. Очень вас прошу,— заторопился мальчик, видимо, боясь, что его перебьют.— Мы все вас просим! Понимаете, у нас раньше клуб был. Потом руководитель уволился, и клуб закрыли... А там здорово было...

Таня взглянула на часы:

— Ты меня извини, сейчас мы с тобой все равно ничего не решим. Дай-ка мне адрес своего клуба, и я к вам обязательно приду. Договорились?

Лишь к обеду Таня вспомнила мальчишку. Взяла справочник, нашла нужный номер.

— Здравствуйте, вас беспокоит член ЦК ВЛКСМ Юдина,— начала она.— Меня интересует, что происходит с детским клубом по улице...

— А разве этот клуб в вашем районе? — пророкотало в трубке.

— Этот клуб в нашем городе. И открывали его для наших детей.

Она сделала еще несколько звонков, и повсюду ей объясняли, какая большая работа ведется в клубе. Даже перечислили, какие именно мероприятия прошли в этом году. Но не мог же мальчишка соврать?! После работы Таня отправилась в клуб проверить все сама...

Очень скоро она убедилась, что ее новый знакомый не врал. А врали (более мягкого слова подыскивать не хотелось) как раз взрослые... Это подтвердили и сидевшие тут же на лавочке ребята.

— Уж месяца три, как закрыли. Говорят, воспитателя найти не могут... Сначала еще студенты ходили. Из политехнического. Потом и они куда-то подевались... Да все равно завхоз завода весь этот... спортинвентарь забрал и у себя в кладовке запер...

Оказавшийся в домоуправлении начальник жэка долго мялся:

— Подумаешь, клуб! И других дел по горло.

— А почему же в отчетах пишете, будто все прекрасно?

— Так то отчет. Что же, в отчете все как есть писать?

Таня посмотрела на него с грустью и жалостью. Она помнила, с какой радостью встречали ребята открытие первых клубов. Знала, скольких это стоило трудов. Теперь таких клубов в городе больше ста. И большинство из них работают нормально. Но вот нашлись люди, которые, отрапортовав, решили свести хорошее дело на нет. Да, видимо, успокаиваться еще рано. Мало создать что-то нужное, надо еще суметь отстоять его.

— Что ж,— закончила Таня разговор со знатоком отчетов,— придется мне к вашему отчету сделать несколько замечаний. И сегодня же...

«У нас чужих нет...»

— ...А ты думаешь, с каким настроением я на работу прихожу? — Люся чуть не плакала.

— Но это не причина, чтобы на тебя покупатели жаловались.

— Тебе хорошо говорить. Ты вон у нас какая передовая. И депутат, и лауреат, и член ЦК комсомола... И муж у тебя, и сын, и квартира без очереди. А мне жить негде, понятно?

Таня улыбнулась:

— По-твоему, депутатам и лауреатам все без очереди достается? Мы с Сашей квартиру пять лет ждали. А насчет твоего жилья... Даже не знаю... Нет ведь у нас своего общежития...

— Общежитие у нас от твоего сочувствия не появится. Если ты такая общественница большая, обратилась бы, например, к строителям, у них в общежитии полно мест свободных...

В строительное управление Таня пошла вместе с Люсей. В приемной им преградила дорогу секретарша.

— Начальник занят. Он не принимает.

Таня представилась:

— Секретарь комиссии облсовета по делам молодежи Татьяна Юдина. По очень важному вопросу...

— И какой же важный вопрос привел к нам, грешным, столь высокое начальство? — усмехаясь, поднялся ей навстречу начальник управления.

Таня изложила суть дела.

— Не могу. Даже из уважения к вашему депутатскому мандату — не могу. Не имею права.

— Но ведь одно же дело делаем! Для одних людей!

— Сказал же: не мо-гу... А дела мы делаем разные. И люди у нас тоже разные. Вы — торгуете, мы — строим. И общежитие мы строили для своих.

— Для своих? Свои, между прочим, работают не в одном лишь вашем управлении...

Вечером, когда домашние улеглись, она достала блокнот. На каждом его листке сверху было напечатано: «Пензенский областной Совет народных депутатов».

«Прошу,— перо старательно выводило текст будущего письма в горсовет,— рассмотреть вопрос о предоставлении места в общежитии строительного управления Людмиле...» Таня задумалась. Решительно зачеркнула написанное и начала снова: «...рассмотреть вопрос о предоставлении работникам торговли свободных мест в общежитиях предприятий города». Затем опять задумалась и написала перед «прошу» еще одно слово: **настоятельно!**

«Зависит от нас!»

— ...А знаешь,— сказала Таня,— я ведь, как и ты, через месяц работы уходить из торговли собралась.

В глазах Наташи появился интерес.

— Пришла к Любови Степановне, поговорили...

— И что же она тебе сообщила? — хмыкнула Наташа.

— Это я тебе потом скажу... А тогда вышла я от нее, смотрю — из моей секции родительница сына чуть ли не силком тащит. Жалко мне его стало... Зачем, спрашиваю, ревешь? Давай лучше поиграем.

— Все равно ни дня не останусь! Так что свои сказочки про эти игры для других прибереги...

— Про игры? — Таня посерьезнела.— Ладно, давай о деле. Вот ты говорила, что тебе не по душе торговать вещами, которые никто не покупает. Да еще упреки от покупателей выслушивать... Тем более, когда от тебя все равно ничего не зависит.

— А что, разве неправда?

— Правда. И нам тоже было обидно. Понимаешь, мы — торговля. Приводной ремень между покупателями и промышленностью. И вот получается, что этот приводной ремень бездействует. Промышленность тянет в одну сторону, покупатель — в другую, а торговля — вообще неизвестно куда. И решили мы это положение изменить: для начала заключили с тремя фабриками договоры. Магазин обязывался сообщать на фабрику, как раскупаются товары, проверять спрос на новые, а фабрики, в свою очередь, в планах обещали эти рекомендации учитывать. Только в таком случае магазин гарантировал сбыт продукции...

— Так ведь договоры-то были только с тремя фабриками... А товары к нам идут, сама знаешь, со скольких...

— Верно. Но все же тогда это был хоть какой-то сдвиг! А сейчас можно работать так практически со всей промышленностью. И, значит, теперь мы просто не имеем права принимать неходовые товары! Наоборот, должны требовать то, что людям нравится. Разве это не интересно? Все как раз от нас и зависит... А Любовь Степановна меня тогда не удерживала. Просто просила подумать...

* * *

Я не сказал, как называется клуб, о котором шла речь. Не назвал фамилию начальника управления. И у Люси с Наташей в жизни совсем другие имена. Но это не значит, что описываемых событий не происходило. Они были. Но Таня попросила меня не раскрывать адресов и имен. «Вот если бы я эти проблемы решила, тогда...— объяснила она.— Зачем раньше времени хвалиться?» И, наверное, она права. Ведь дело не в конкретных адресах, согласны?..

Николай ЛАММ

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Владислав КРАПИВИН

Оранжевый портрет с крапинками

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Потомок мореплавателя

Ох как ругала она себя за эту фантазию — за то, что решила сойти с поезда в Каменке и добраться до Верхоталья катером. Наслушалась о красоте здешних берегов, вздумала полюбоваться!

Берега в самом деле были красивые — заросшие лесом, где перемешались ели, сосны и березы. Иногда из воды подымались отвесные ребристые скалы... Но катер оказался калошей, он еле полз против течения. Двигатель чадил, будто испорченная керосинка, на которой жарят протухшую рыбу.

Командовал катером парень чуть постарше Юли. Сперва он Юле даже понравился — за свою тельняшку и за фуражку с «крабом», почти такую же, как у Юрки. Но парень оказался нахальный. Сердито выкатывал белесые глаза и орал на пассажиров, чтобы не толпились на сходнях. У чахлой деревенской пристани с фанерной вывеской «Петухи» этот капитан заявил, что «Верхотальская станция забрала воду и дальше судно не пойдет, потому что у него осадка». На катере к тому времени из пассажиров остались, кроме Юли, две бодрые бабки да веселый небритый дядя с кошелкой и завернутыми в рогожу граблями. Дядя послушно выкатился на берег, а бабки заругались и проницательно высказали мнение, что не в станции и не в осадке дело, а в самом капитане, который хочет вернуться в Каменку к началу телефильма про Штирлица. А им теперь на старости лет восемь километров топать на своих двоих.

Юля тоже сказала, что это свинство.

Парень, однако, не смутился. Бабкам он сообщил, что спешить им некуда, потому что крематорий в Верхоталье еще не построен, а Юле сказал, что пускай лучше возвращается в Каменку и они вдвоем пойдут на танцы. Только пусть она во время танца нагибается получше, а то потолки в клубе низковатые. В ответ он услыхал насчет сопливых паромщиков, которые воображают себя магелланами. Но делать было нечего, пришлось высаживаться.

Бодрые бабки убежали вперед и проголосовали автофургону, который пылил на проселочной дороге. Дядька с граблями куда-то исчез. Юля без попутчиков зашагала по укатанной, но не пыльной колее. Ну и ладно!

Дорога то ныряла в лес, то выкатывала к самому берегу, места оказались интересные, чемоданчик был легкий, сумка на плече висела удобно, и шагалось хорошо. По сторонам краснели кисти рябины. День стоял нежаркий, хотя и солнечный. И одно было плохо — день этот клонился к вечеру, и Юля боялась, что не успеет до закрытия библиотеки.

Так и вышло. Когда она дотопала до города, расспросила, где библиотека, и выбралась к одноэтажному кирпичному дому, на старинной резной двери висел ржавый замок (наверно, тоже старинный, от купеческого лабаза). Юля потопталась на высоком гранитном крыльце, обозрела с него заречные окрестности с деревянными кварталами и лесом у горизонта, а потом через сад вышла на центральную улицу.

— Люди, где тут у вас гостиница? — спросила она двух пацанят с удочками. Мальчишки глянули снизу вверх, пощупали глазами нашивки на ее стройотрядовской курточке, и старший толково разъяснил, что гостиница на другом конце Верхоталья.

Все выходило одно к одному, и Юля начала

злиться. На судьбу и на себя. А мальчишки смотрели ей вслед, и она услышала за спиной:

— Во, жердина...

В ребячьих словах было больше восхищения, чем насмешки, однако настроение испортилось еще больше.

В двухэтажной гостинице на подоконниках цвела густая герань. Дежурная администраторша — рыхлая тетка в шлепанцах — жарила на плитке грибы. Она показалась Юле добродушной. Но в ответ на Юлины слова о жилье тетка непреклонно сказала:

— Ты что, голубушка! Тут строители нефтенасосной станции поселилися, не продохнуть. По двое на одной кровати... Это сейчас тихо, а чуть позже знаешь как оно будет!

Юля устало брякнула на пол чемодан. Села на табурет. Тетка смягчилась:

— Ты, видать, на работу сюда?

— Почти,— вздохнула Юля. И, надеясь разжалобить администраторшу, подробно объяснила, что закончила второй курс культпросветучилища, в июле была со стройотрядом в Артемовском овощесовхозе, а сейчас приехала на двухмесячную практику в детскую библиотеку. Приехать-то приехала, а куда деваться?

— Ну дак заведующая ихняя, Нина Федосьевна, пущай тебя и устраивает,— рассудила администраторша.— Она женщина строгая, образованная, но справедлива. При библиотеке али у себя в квартире и поселит, дом у нее большой. На улице Пионерской, бывшей Гимназической, напротив магазина «Фрукты-овощи». Там спросишь... Грибочков хочешь?

— Хочу,— опять вздохнула Юля.

— Вот и умница. Ты давай прямо со сковороды...

После неожиданного ужина стало веселее. Юля отправилась искать дом Нины Федосьевны. Снова через весь город. Впрочем, «город» — это было одно название. Кое-где встречались двухэтажные кирпичные дома явно девятнадцатого столетия — с полукруглыми окнами на верхних этажах и чугунным узором парадных крылечек. Попадались древние купеческие лавки с современными вывесками «Промтовары» и «Керосин». На запертых дверях ржавели могучие кованые петли. А в основном дома были деревянные, с палисадниками и лавочками у калиток.

Над крышами с затейливыми дымниками печных труб, над воротами с рассохшейся резьбой, над косыми заборами и тополями возвышался, будто горный массив, полуразрушенный серовато-желтый собор. Провалы его окон темнели, как пещеры, а купола и башни были похожи на облизанные ветрами вершины.

Юля догадалась, что это храм знаменитой в прежние времена Верхотальской обители. Когда-то сюда стекались паломники из многих городов. А сейчас в монастырских кельях и трапезных работал механический завод — самое крупное здешнее предприятие. Про завод Юля тоже знала: у них в канцелярии училища стоял сейф с большим клеймом «Верхотальский МЗ».

Дом заведующей Нины Федосьевны Юля отыскала легко. У калитки копошились куры: в подорожниках и жесткой траве «пастушья сумка» выклевывали букашек. Юля побрякала железным кольцом щеколды. Вышла девица лет пятнадцати, вполне столичного вида, в новеньких джинсах и майке с ковбоем и надписью «Rodeo». Естественно, сперва воззрилась на Юлю, потом сообщила, что «тетя Нина уехала в Каменку и вернется завтра прямо на работу».

«Вот и все,— подумала Юля даже с некоторым удовольствием.— Дальше ехать некуда...»

Оставалось топать на станцию и коротать ночь в зале ожидания. Вообще-то было не привыкать, в турпоходах и в стройотряде случалось всякое. Но, во-первых, там она была не одна. Во-вторых, здесь неудачи сыпались одна за другой. И главное, сама виновата!

Где Верхотальский вокзал, Юля понятия не имела и побрела наугад. А вернее, так, чтобы солнце светило не в глаза, а в спину. Через квартал она увидела зеленый домик с вывеской «Почта». Как ни странно, почта еще работала.

«Не заходи,— сердито сказала себе Юля.— Окажется, что письма нет, и тогда будет совсем скверно». И, конечно, пошла. И дала пожилой симпатичной женщине за стеклянной загородкой студенческий билет. Женщина полистала тощую пачку писем и сказала слегка виновато:

— Ничего пока нет. Заходите еще...— И улыбнулась.

Эта улыбка Юлю не утешила. Теперь и в самом деле все было так, что хуже некуда. К тому же снова захотелось есть. С самыми досадливыми мыслями Юля снова побрела по улице Пионерской, бывшей Гимназической. Но к досаде и унынию чуть-чуть, крадучись, уже примешивалось любопытство. По некоторому опыту жизни Юля знала, что жизнь изменчива. И если все абсолютно плохо, измениться может только к лучшему.

Через тополиный сквер Юля снова вышла на речной обрыв — недалеко от знакомой библиотеки и обшарпанной, но все равно красивой церкви. Легкая шатровая колокольня была похожа на ракету. Она возносилась над куполами, над деревьями, и под кружевным покосившимся крестом, на круглой, как мячик, маковке, горел в остатках позолоты солнечный огонек.

Щурясь на этот огонек, Юля пошла вдоль остатков кирпичной стены с бойницами. Стена упиралась в полуразрушенную башню с островерхой крышей и флюгером. На флюгере светились сквозные цифры: 1711. Фундамент башни был сложен из неотесанных гранитных глыб.

Юля по тропинке обошла башню и увидела, что из фундамента в метре от земли торчит короткая деревянная балка.

Верхом на балке сидел растрепанный мальчишка.

Он смотрел куда-то через реку, посвистывал и качал ногами в незашнурованных кедах и пыльных сбившихся гольфах морковного цвета. На нем была майка с короткими рукавами — тоже неопределенно-морковная — и шорты кирпичного оттенка в темных пятнах какой-то смазки. И весь мальчишка, облитый вечерними лучами, казался нарисованным оранжевыми и красными мазками. Даже загар был розоватый. Впрочем, слабенький был загар, это и понятно: к рыжим солнце прилипает неохотно. А мальчишка, безусловно, относился к племени рыжих. Но он был не просто рыж — в его нестриженных космах смешались оттенки апельсинов, томатного сока, терракоты и угасающих закатных облаков... Мальчишка услышал шаги и обернулся.

И Юля заулыбалась.

Было невозможно не заулыбаться, увидев мальчишкино лицо. Он смотрел, как смотрит с детских книжек сказочное солнышко. Весело сощурился и растянул до ушей потрескавшиеся губы. Маленький нос и щеки, словно маковым зерном,

усыпали мелкие, почти черные, веснушки. Причем одну щеку гуще, чем другую. На подбородке тоже сидело несколько веснушек, покрупнее.

— Привет,— сказала Юля.

Он мельком, без обидного любопытства, оглядел ее и сказал:

— Ага...здрасьте.— И заулыбался еще шире. У него были крупные желтоватые зубы, и один рос криво, но это ничуть не портило улыбку.

Секунды три они выжидательно смотрели друг на друга. Мальчик пригасил улыбку, перекинул ногу и соскочил в лопухи. Деловито спросил:

— Ну что, пойдем?

Следовало, конечно, узнать, куда «пойдем». Но мальчик вел себя так, будто они про все договорились. Юле стало интересно. Кроме того, «все к лучшему». И она кивнула.

Он зашагал впереди, по тропке среди репейников. Лопухи сердито чиркали по его ногам, а репьи хватали за майку, и он отрывал их на ходу. Несколько раз оглянулся: не отстает ли спутница?

В стене открылся круглый пролом.

— Сюда,— сказал мальчик.— Давайте чемодан.

— Ничего, я сама...— Юля пролезла вслед за проводником. С внутренней стороны стену украшали глубокие полукруглые ниши. Как в больших крепостях.

— Что здесь было? — спросила Юля.— Монастырь или кремль?

— Воеводство,— охотно откликнулся мальчик.— При Петре Первом. Вон в тех длинных домах солдаты жили, а там, где библиотека,— офицеры... Такие, в треугольных шляпах, со шпагами...

Он опять весело оглянулся.— Интересно, да?

— Еще бы,— сказала Юля.

— А воеводский дом не сохранился, сгорел. Он недалеко от церкви стоял, вон там...— Юлин проводник мотнул красными вихрами в сторону колокольни, потом остановился, задрал голову.

— Красивая, да?

Они стояли уже рядом с церковью, и она нависала над головами. Настоящая русская сказка раскинулась в вечернем небе с позолоченным облаком: узорчатые кирпичные башни с куполами в виде громадных луковиц, маковки, узкие проемы окон, карнизы и витые столбики, как в древних теремах. И над всем этим — ракетное тело колокольни, строго нацеленной в зенит...

— Ее все время художники рисуют, из разных городов приезжают,— сказал мальчик.— Она называется Покровская. Знаете, почему? Бабки говорят, что праздник Покрова раньше был, когда первый снег выпадал... А вы не художница?

— Нет,—откликнулась Юля.— Правда, немножко пробовала рисовать, для себя...

— Это хорошо,— негромко заметил мальчик и быстро спросил:

— Ну, полезем?

— Куда?

Он слегка удивился и кивнул на колокольню.

У Юли чуть захолодело под сердцем.

— А... нам не влетит?

Рыжий проводник снисходительно сказал:

— Туда все лазят, кто хочет. От кого влетит-то?

Над крутым церковным крыльцом блестела черным стеклом вывеска, на которой значилось, что здесь находится Верхотальский городской архив. Замок на двери (такой же большущий, как на библиотеке) убедительно доказывал, что в архиве никого нет. И кругом никого не было, только воробьи шуршали в темных кленах.

Мальчик решительно взял Юлин чемоданчик и сунул под гранитные ступени крыльца.

— Там никто не найдет, не бойтесь... Ну, пошли.

— Ох... пошли,— сказала Юля. И подумала, что ночевать не на вокзале, а в милиции — это еще хуже. Но признаться в таких страхах постеснялась. Да и любопытно было забраться на колокольню. И обижать мальчишку не хотелось, новый знакомый ей нравился. К тому же остаться опять одной — чего хорошего?

Они обошли церковь, и за березовыми кустиками, в кирпичной кладке алтарного закругления Юля увидела узкий вход без двери — просто узкую щель с полукруглым верхом. На миг Юле стало жутковато. Даже шевельнулось глупое подозрение: нет ли здесь какой-нибудь ловушки? Но мальчишка смотрел ясно и доверчиво. Раздвинул ветки:

— Вы идите вперед, только осторожно. Там винтовая лестница, ступеньки крутые. Если что случится, я вас сзади подхвачу.

Она глянула на него — маленького, тонкоплечего.

— Если случится «что», я тебя, пожалуй, раздавлю...

— Не, я жилистый.

Юля оказалась как бы в круглом колодце. Каменные стертые ступени уходили вверх туго завинченной спиралью. С высоты сочился неясный свет. Юля стала подниматься, то и дело хватаясь за верхние ступени — почти на четвереньках. Мальчик неотрывно лез за ней. Дышал он с шумным сопением. «Наверно, простужен»,— подумала Юля с неожиданным беспокойством.

Висевшая через плечо сумка цеплялась за камни. Юля пожалела, что не оставила ее внизу. И тут же мальчик сказал:

— Вам сумка мешает. Давайте ее мне, здесь углубление, вроде полочки. Оставим, а обратно пойдем и заберем.

Юля с облегчением сбросила с плеча ремень.

Ох и высоченная была лестница! Гудели ноги, от бесконечного спирального верчения кружилась голова. Наконец в полукруглый проем ударили оранжевые лучи, и Юля выкарабкалась в круглую каморку. Мальчик — за ней. Он сопел и улыбался.

— Устали? Это почти полпути...

— Ничего я не устала,— с фальшивой бодростью сказала Юля. Мальчик понимающе кивнул и полез в окно.

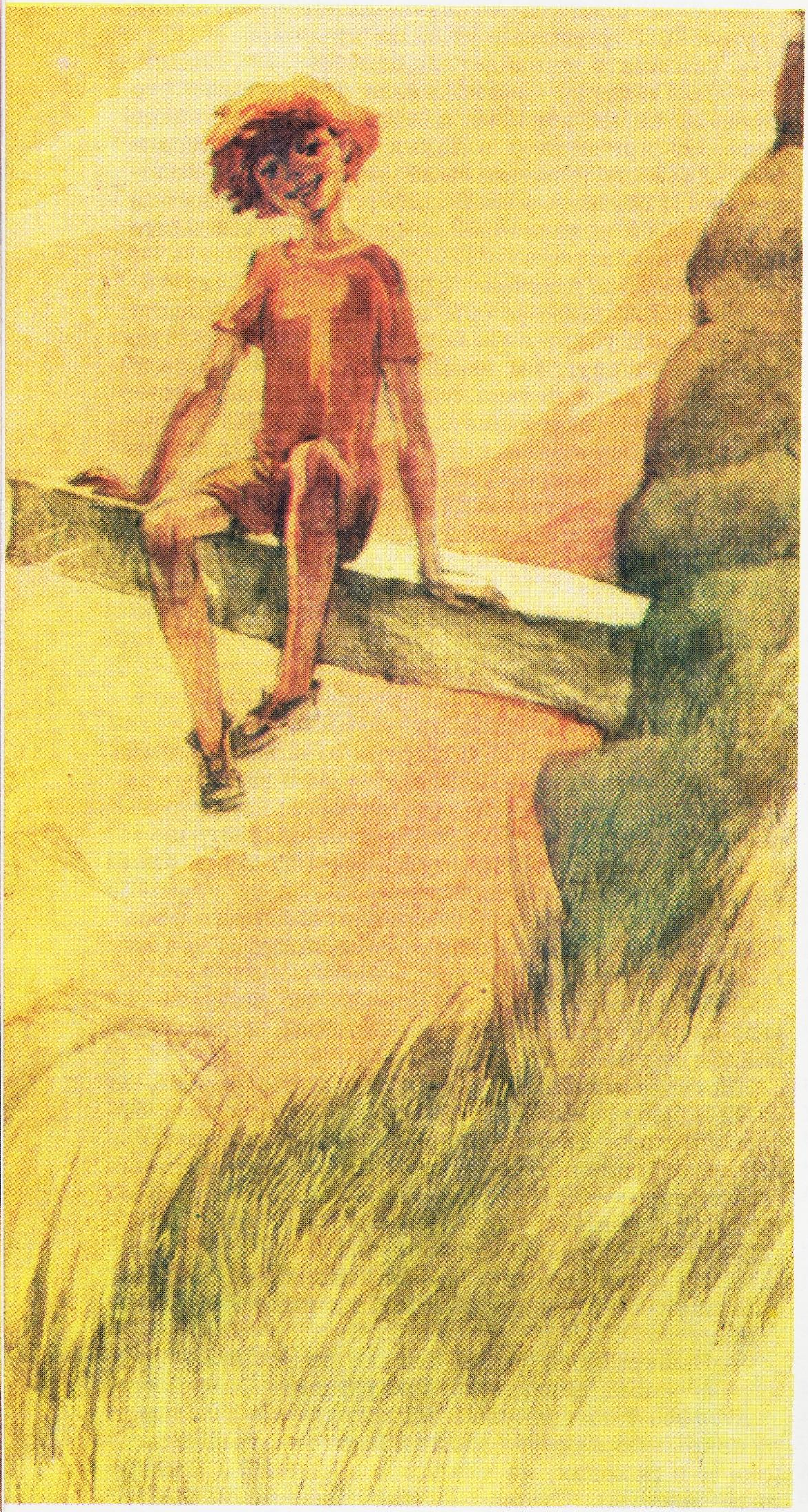
— Выбирайтесь сюда. Только потихоньку, тут карниз узкий. Вниз лучше не глядите...

Юля все-таки глянула вниз, когда из окна ступила на покрытую железом кромку. И тут же отвернулась (она и в походах, на скалах и обрывах, побаивалась высоты). Старые клены шелестели внизу. Видимо, здесь был край церковной крыши. Юля вцепилась в кирпичи. А мальчишка стоял в двух шагах, у темной кирпичной арки, протягивал руку и улыбался. И Юля вдруг заметила, что глаза у него разные: правый — просто серый, а левый — серовато-карий, с золотыми прожилками вокруг зрачка. В этом золотистом глазу на краю большого зрачка стреляла крошечными лучами искорка.

«Чертенок»,— усмехнулась Юля. Сжала губы, шагнула по кромке и тоже оказалась в арке.

Теперь они поднимались уже внутри колокольни.

С этажа на этаж вели шаткие лестничные марши. Пересохшие доски ступеней постреливали под ногами, от них взлетала тонкая пыль. Запах этой пыли смешивался с запахом старых кирпичей. Колокольня была восьмигранная. На трех ярусах



в каждой из восьми стен зиял громадный оконный проем с полукруглым верхом и перекладиной (на этих перекладинах, видимо, висели когда-то колокола). За пустыми проемами вырастал и словно подымался следом за Юлей темный лесной горизонт. Было жутковато и легко, как во сне. И только одно мешало впечатлению хорошего приключенческого сна: там и тут на кирпичах виднелись надписи. Всякие «Толи», «Васи», «Степы» и «Мы здесь были...» и названия городов. Юля заметила даже Читу и Владивосток.

— Ничего себе...— выдохнула она.— В какую даль едут, чтоб расписаться на здешних камнях.

— Идиоты,— отозвался мальчик (он по-прежнему карабкался следом за Юлей).— Думают, что, если распишутся на знаменитом месте, сами сделаются знаменитые...

— Значит, эта церковь очень знаменитая? — осторожно поинтересовалась Юля.

— Вы разве не знали? Она даже под охраной ЮНЕСКО.

Юля мельком удивилась, что этот пацан знает про ЮНЕСКО, и неуверенно сказала:

— Кажется, я слышала... А если она такая известная, то чего же такая... обшарпанная?

— Ее хотели реставрировать,— посапывая, ответил мальчик и хихикнул.— Каких-то дядек наняли кресты и маковки золотить. Говорят, золото им выдали, а они его — себе. А маковки бронзовой краской помазали. Ну, их посадили, конечно, а здесь все так и осталось... Вот, все. Пришли.

Они оказались на верхней площадке. Над головами уходил в сумрачную высоту конус шатровой крыши. В нем темнели переплетения балок и железных брусьев. Юля только мельком глянула вверх и сразу шагнула к окну.

За высокими арками окон распахнулся золотисто-зеленый вечерний мир. Облака лежали над землей, как плавучие острова в прозрачной воде над морским дном. Невысокое, но яркое еще солнце висело над кромкой леса. Городок раскинулся внизу кучками затерянных среди деревьев крыш. Даже монастырский храм казался отсюда не очень большим. За домами одиноко дымила черная труба, наверно, это была электростанция, которая «забрала воду». Но воды еще хватало. Талья в своих верховьях была довольно широка. От края до края земли она легла, как розовато-серебристая просторная дорога. Лишь кое-где чернели на воде коварные пятнышки: там торчали со дна валуны, выдавая мелководье.

Земля была удивительно большая, но уютная и ласковая. Над городком, над рекой, над лесами лежало спокойное молчание. И Юля, переходя от арки к арке, забыла про усталость и огорчения. Она будто растворилась в этом покое.

— Любуетесь? — сказал позади нее мальчишка.— Хорошо, да?

— Угу...— медленно ответила Юля и оглянулась.

Мальчик стоял к ней спиной в светлом проеме, прямо против солнца. Расставил ноги и ладонями уперся в боковые края арки. Он казался вырезанным из черной бумаги, только в волосах вспыхивали огоньки, да круглые оттопыренные уши просвечивали, как лепестки шиповника. Юля усмехнулась этим ушам, но тут же опасливо сказала:

— Смотри, не слети вниз.

— Нет, я здесь привык...— Он крутнулся на пятке и прыгнул к Юле.— Я сюда сто раз лазил. А вам здесь нравится?

— Еще бы!.. И не говори мне, пожалуйста, «вы». Я еще не такая уж... пожилая.

Он по-птичьи наклонил к плечу голову и глянул снизу вверх.

— А вам... тебе сколько?

— Девятнадцать.

— У-у...— сказал он вроде бы с уважением, а в золотистом глазу опять метнулась искор-

Юля по тропинке обошла башню и увидела, что из фундамента в метре от земли торчит короткая деревянная балка. Верхом на балке сидел растрепанный мальчишка.

ка.— А мне одиннадцать. Через месяц будет, в сентябре.

— Ясно. Меня зовут Юля...

— А меня...— Мальчик склонил голову на другое плечо.— У меня имя старинное. Даже не угадаете... не угадаешь, какое.

— И не буду,— улыбнулась Юля.— Говори сам.

Он выпрямил голову, подтянул съехавшие шорты и веско произнес:

— Меня зовут Фаддей.

— Ух ты! — сказала Юля.

— Это не просто так. Это в честь одного знаменитого предка. Угадай, какого!

Юля, стараясь угадать, наморщила лоб и поморгала. Никто, кроме Фаддея Булгарина, жандармского агента и недруга Пушкина, в голову не приходил.

Маленький Фаддей опять брызнул искоркой левого глаза:

— Антарктиду кто открыл?

— Антарктиду? Сейчас... ага! Беллинсгаузен и Лазарев!

— Вот! А Беллинсгаузена как звали?

— М-м...

— Фаддей Фаддеевич,— со скромным торжеством сказал мальчишка.— У меня про него книга есть, и там портрет. Он даже похож на меня немножко, и волосы такие же... Ну, там не цветной портрет, но я же все равно знаю.

— И что же он, правда, твой родственник? — со смесью недоверия и уважения поинтересовалась Юля.

— Ну да,— небрежно откликнулся Фаддей.— Он мамин какой-то пра-пра-пра-... двоюродный дедушка.

— Разве Беллинсгаузен из этих мест?

— Так и я не из этих! Я сюда просто каждое лето приезжаю, к тете Кире!

Юля удивилась. Она была уверена, что мальчишка — местный житель. Он так подходил к здешним улицам и заросшим берегам.

— А откуда ты?

— Из Среднекамска,— сказал он и почему-то вздохнул.

Юля понимала, что и Среднекамск — едва ли родина знаменитого мореплавателя. Но все равно обрадовалась:

— Мы почти земляки! У меня там дядя живет, мамин брат. Он мастер цеха на авторемонтном заводе.

— Я даже не знаю, где там такой завод,— опять вздохнул Фаддей.— Город-то большущий, заводищев всяких полным-полно... И школ почти двести... А здесь всего три...— Он вдруг поднял веснушчатое лицо и сказал совсем о другом: — Ты вон до той балки дотянешься?

Невысоко над головой проходил ржавый брус. Толщиной с хорошее полено. Юля встала на цыпочки и кончиками пальцев тронула холодное железо.

— А я ни разу допрыгнуть не смог,— печально признался Фаддей.— Подсади меня, пожалуйста.

Юля усмехнулась и подхватила мальчишку за бока, ощутив сквозь майку птичьи ребрышки. Потомок адмирала был легонький, и она шутя вскинула его над головой. Фаддей вцепился в брус и повис, покачивая ногами. Морковные гольфы сбились в гармошку, а один кед шлепнулся на пол.

— Здесь висел главный колокол,— сообщил из-под балки Фаддей.— Думаешь, зачем висел? Чтобы в праздники звонить? Вовсе даже нет, это тревожный колокол был. Здесь часовые дежурили. Если враги подкрадутся, они сразу — бамм! — Он качнулся сильнее и повторил громким голосом: — Бамм, бамм!

На нем горели рыжие солнечные пятна.

Юля снова оглядела горизонт. Солнце уже почти касалось леса.

— Надо спускаться,— нехотя проговорила Юля.

— Подожди,— отозвался Фаддей.— Я колокол... Бамм!

Юля засмеялась и дернула его за ногу.

— Ну, колокол-бубенчик, пора...

Он прыгнул на пол и заскакал на одной ноге, натягивая башмак.

— Фаддей...— сказала Юля.— Тебя так и звать «Фаддей» или можно поуменьшительнее?

— Можно Фаддейка...— Он стрельнул исподлобья золотой искоркой.— Я же еще не Беллинсгаузен.

«Фаддейка — это очень хорошо! — подумала Юля.— Это в самый раз. Фаддейка он и больше никто».

— А ты можешь ответить на один вопрос, Фаддейка?

Он весело распрямился.

— Хоть на тыщу.

— На один... Это здорово, что ты меня сюда привел. Но почему? Ни с того ни с сего, незнакомого человека...

— А... разве...— Он как-то старательно заморгал.— Ой-ей-ей... Разве вас не тетя Кира послала?

Юля молчала.

— Ой-ей-ей...— Фаддейка запустил пятерню в свои космы.— Она сказала: посиди на берегу у башни, придет одна тетенька... то есть молодая женщина, приезжая... Я, говорит, обещала, что ты ее на колокольню сводишь. Она, говорит, стариной интересуется...

Юлю кольнула ревнивая досада: не ее, значит, ждал Фаддейка. Но сразу она встревожилась:

— А где же та женщина? А тебе не влетит теперь?

— Ой, влетит,— охотно откликнулся Фаддейка. И решительно взял Юлю за рукав: — Пошли!

— Куда?

— К тете Кире. Ну, к нам домой. Скажешь, что я не виноват. А то мне знаешь как... Пошли!

— Но я же... Я не знаю... А это куда? Далеко?

— Не далеко. Средне. Вон там, за рекой, видишь красную крышу с двумя антеннами? Вот за тем домом еще квартал. Идем. Ну... Юля...

Не пойти — было бы все равно, что оставить Фаддейку в беде. Да и... не все ли равно, куда идти, если идти некуда?

— А это по пути на вокзал?

Фаддейка сразу как-то потускнел.

— Зачем тебе на вокзал? Ты разве уезжаешь?

— Наоборот, приехала. А на вокзале буду ночевать, больше негде.

— Ночевать — это ночью. А пока еще не ночь,— рассудил Фаддейка.— Пошли!

Внизу солнца уже не было видно, а закат светился ровный и широкий. И река от него светилась. Юля и Фаддейка прошли над плавной водой по зыбкому мосту. Он был подвесной и дощатый настил качался между быками-ледорезами.

Фаддейка шагал сбоку от Юли и поглядывал чуть виновато. Посапывал. Потом спросил:

— Не боишься? На этом мосту многие боятся с непривычки.

— У меня, между прочим, первый разряд по туризму... А ты сам-то не боишься?

— Вот еще!

— Ну да! Правнуку знаменитого моряка не полагается...

Он, кажется, слегка надулся. Заподозрил насмешку, что ли?

Юля примирительно сказала:

— А у меня один знакомый моряк есть. Курсант. Он сейчас на парусном корабле плавает, почти как Беллинсгаузен. У них практика.

— Ух ты! А он на чем? На «Товарище» или на «Седове»?

— На «Крузенштерне»... Не скачи, свалишься.

— Не свалюсь. Хочешь, понесу твой чемодан?

— Да уж сама дотащу...

— А ты мне потом про него расскажешь?

— Про чемодан?

— Про моряка!

— Когда «потом»? — грустно спросила Юля и подумала про вокзал.

— Ну... после разговора с тетей Кирой.

— Ох, Фаддейка, я ее боюсь. И тебе попадет, и мне...

— Что ты! Она посторонних не воспитывает... Ты ей сперва ничего не говори, может, той женщины и не было. Тогда все обойдется.

— А что я скажу? Зачем пришла?

— Поглядим,— деловито разъяснил он.— По обстоятельствам.

Дом тети Киры был старый. Старинный даже. С жестяными флюгерами на башенках покосившихся ворот, с черным от древности страховым знаком и с рассохшимся кружевом наличников.

Фаддейка бодро толкнул тяжелую калитку. В заросшем дворе красновато темнели громадные гроздья рябины и светилось несколько березовых стволов. Было пусто. Фаддейка кивнул на скамейку у крыльца:

— Ты посиди минутку, я сейчас.— Поддернул гольфы, заправил майку и нырнул в дом.

Юля поставила на лавочку чемодан. С высокой березы упал на него желтый листок. Август...

Прошла минута. Оглядываясь, возник на крыльце Фаддейка. За ним — тетя Кира. Она оказалась очень пожилая, сухощавая, с седым валиком волос.

— Здрасьте,— совсем по-школьному, поспешно сказала Юля. Тетя Кира показалась ей похожей на старую учительницу.

— Добрый вечер,— улыбнулась тетя Кира и легко шугнула Фаддейку со ступенек.— Это вас он, значит, привел? Я, говорит, квартирантку тебе отыскал... Я уж и не знаю. В пристройке у меня жили в июле двое отдыхающих, молодожены, но тогда тепло было, а сейчас-то осень на носу. Продрогнете там ночью...

— Она закаленная,— подал голос Фаддейка.— У нее первый разряд по туризму.

— Брысь ты, нечистая сила,— засмеялась тетя Кира. И Юля засмеялась: так все хорошо складывалось.

— Я правда закаленная. В одеяло завернусь — и хоть в открытом поле...

— Ну смотрите, если понравится... Вы, наверно, на практику в школу приехали?

— В библиотеку. В детскую...

— К Нине Федосьевне, значит! Вот она обрадуется! А то все одна да одна... А если холодно будет в пристройке, там печурка есть на крайний случай. Завтра дрова привезут...

И Юля почувствовала, что она любит затерянный в северных лесах городок Верхоталье.

Вот только пришло бы сюда письмо...

Ночные страхи

Как это чудесно — вытянуться среди прохладных простыней, чтобы усталость сладко разбежалась по жилкам, и лежать с ощущением полного уюта и с мыслями о счастливом окончании неудачного дня.

Стоячая лампа с белым фаянсовым абажуром неярко и ровно светила на желтоватые доски стен и потолка, на большой табель-календарь за прошлый год, на ошкуренные чурбаки (они были вместо табуреток) и застеленный зеленой полинялой клеенкой стол. На столе празднично сияла с белыми горошинами кружка. Будто сказочный мухомор на лужайке. Юля безотчетно радовалась этому яркому пятнышку — оно украшало комнату и придавало ей обжитой вид. Юля вздрогнула от неласковой мысли, что сейчас могла бы ютиться на вокзальной лавке.

...Тетя Кира (то есть Кира Сергеевна) принесла матрац, положила его на широкий топчан и сама постелила для Юли простыни.

— На сегодня так. А если покажется жестко, завтра достанем из кладовки кровать, у нее сетка панцирная.

— Не будет жестко,— заверила Юля, оглядываясь. Пристройка была небольшая, вроде верандочки — с окном во всю стену. По стеклам скребла тяжелыми кистями рябина. В углу белела кирпичная печка.

Кира Сергеевна рассказала, что пристройку ставил ее муж, хотел оборудовать здесь мастерскую, да вот... говорят, от первого инфаркта не умирают, а он сразу. Три года уж прошло... Директором восьмилетки был. А она до пенсии работала смотрителем здешнего музея. Сын в армии после института, на Дальнем Востоке, младшая дочь в Челябинске учится, а старшая недавно замуж вышла, живет неподалеку, в Ново-Северке, да все же не рядом, не под одной крышей.

— Вот и осталась одна в «родовом поместье». Дом-то еще дед строил... Так и живу. То сама по себе, то вдвоем с племянником. Он второй год уже подряд на каждые каникулы приезжает. Заботы с ним, конечно, всякие, да все равно веселее.

— Он славный у вас. Добрый такой,— сказала Юля.

— Добрый-то добрый, а всякое бывает. Когда парень без отца растет, воспитание какое-то случайное получается. Дерганое...

Юля вежливо помолчала. Потом неловко спросила насчет платы за квартиру.

Кира Сергеевна отмахнулась:

— Да сколько не жалко. Какая здесь квартира-то...

— Но все-таки...

— В гостинице пятьдесят копеек в день за место берут, давайте и вы так.

— Ой... Даже слишком как-то дешево.

Кира Сергеевна засмеялась:

— А у нас ведь не Сочи и не Крым. Да и вы не на отдыхе. А стипендия-то, наверно, так себе...

— Я в стройотряде работала.

— Давайте так, Юля. Если будете с нами завтракать и ужинать, тогда — рубль. А обедать вам лучше в столовой «Радуга», она рядом с библиотекой.

На том и договорились.

— Только еда у нас не ресторанная,— предупредила Кира Сергеевна.— Не обидитесь?

— Да что вы!

— Я себе по-простому готовлю. А Фаддейка, душа окаянная, вообще ничего не ест, мучение одно. Кожа да кости, избегался. Мать приедет, опять недовольна будет — немытый да тощий. А что я сделаю? Вот объявится — пускай сама чистит, причесывает и откармливает.

— А что, он один у матери? — деликатно поинтересовалась Юля.

— Один, слава богу. Куда еще-то при ее жизни? Только и мотается то по стране, то по заграницам. Как это фирма-то у них называется? «Станкоэкспорт» или что похожее...

Юля распаковывала чемодан, вешала одежду на спинку единственного стула, а Кира Сергеевна негромко и ненавязчиво рассказывала:

— Я ей говорю: «Сколько можно так жить, не девочка уже, четвертый десяток идет». А она: «Это ритм времени, Кирочка, мы с тобой в разные эпохи живем»... Может, и правда? Я ее на двадцать семь лет старше, нас шестеро было в семье, она

младшая. Вот и попала под эти ритмы... Мы с мужем почти три десятка без всяких современных ритмов прожили, а она вот... Ох и заболтала я вас, Юля. Смотрите, вон вешалка у двери. А утюг Фаддейка принесет. Вы только не церемоньтесь с ним, с племянничком моим, он такой прилипчивый. Если будет надоедать, шуганите его...

Фаддейка не стал надоедать. Притащил утюг, шепнул, что «все обошлось», и умчался. Не было его и за ужином.

— Свищет где-то,— вздохнула Кира Сергеевна.— Небось, опять с мальчишками костер жгут в овраге, картошку пекут...

...Юля нажала кнопку лампы. Упала темнота, и в ней синевато засветилось окно: полная ночь на дворе еще не наступила. В сумерках прорезались черные листья рябины, смутно забелел березовый ствол. В широком просвете стала видна верхушка ели — острая, будто шатер колокольни.

Вспомнив про колокольню, Юля подумала о Фаддейке: где его носит нелегкая на ночь глядя? Видать, вольная птичка...

И словно в ответ она услышала негромкий выдох:

— Ю-ля-а...

Это было чуть погромче шелеста рябины. И там же, за окном. Юля опять включила свет. В неярких лучах за стеклом, как на глянцевой фотобумаге, проявился знакомый веснушчатый портрет с расплющенным носом.

— Ты что, Фаддейка? — громко сказала Юля.

Он отодвинул оконную створку. Спросил шумным шепотом:

— Можно к тебе?

— Можно. А почему не через дверь?

— С той стороны тети Кирино окно...— Он ловко сел верхом на подоконник — одна нога снаружи, другая в комнате.— Ты не испугалась?

— Чего?

— Ну... женщины часто пугаются, если под окном мужчины...

Юля развеселилась:

— Иди сюда, мужчина. Ты зачем пришел? Просто так поболтать или по делу?

— По делу...— Он скакнул с подоконника, сел на чурбак посреди комнаты. Повертел головой, будто первый раз видел эти стены. Посопел.

— Ну, а что за дело-то? — напомнила Юля. И опять улыбнулась из-за кромки одеяла.— Может, еще на какую-нибудь башню поведешь?

— Нет...— Он старательно вздохнул, потерся оттопыренным ухом о плечо и сообщил, глядя в потолок: — Я признаться пришел. Что наврал.

— Да?.. А что ты наврал?

— Про ту женщину. Про тети Кирину знакомую. Я ее придумал...

— Да? — опять сказала Юля. И замолчала, размышляя, как отнестись к такому признанию. Интересно, что она почти не удивилась.— Ну, придумал, так придумал. А зачем все это?.. А, Фаддейка?

— Непонятно разве? — Он взглянул на Юлю прямо и чуть насупленно.— Захотел познакомиться с тобой, вот и все.

— Это я понимаю. А *зачем*?

— Ну вот... — Фаддейка забавно развел руками.— Зачем! Потому что я такой уродился. Потому что мне всегда интересно про нового человека: что в нем хорошего?

— И ты решил, что во мне что-то хорошее?

— Решил. Ты же полезла на колокольню!

— Ну... да, это доказательство. А откуда ты узнал, что я здесь новенькая?

— Сразу же видно! Идешь, на все смотришь, как первый раз. И чемодан. И сумок таких, как у тебя, здесь ни у кого нет... Ой...

— Ой,— сказала и Юля.

— А где сумка? — шепотом сказал Фаддейка и замигал желтыми коротенькими ресницами.

— Вот именно, где?

— Там осталась?

— Конечно! Ты же не достал из ниши.

— А ты не вспомнила.

А Юля не вспомнила. Ей хватало и чемодана. Ослепительно желтую сумку с черным старинным самолетом на боку и надписью «AIRLINE» она купила перед самым отъездом в Верхоталье и не успела к ней привыкнуть.

— У тебя в ней что было? — подавленно спросил Фаддейка.

— Практический дневник и направление. И всякое...

Было еще старое Юркино письмо с фотографией. И тетрадка с отрывочными дневниковыми записями, которые она делала в стройотряде...

— Пошел я,— вздохнул Фаддейка и встал.

— Куда?

— Как куда? За сумкой.

Фаддей вел Юлю дальше.
Вдруг Юля почувствовала, что за рукав зацепилось какое-то острие.
Она повела рукой и нащупала частую решетку.
— Постой. Здесь что-то непонятное...

— Подожди! — испугалась Юля. Она представила, как Фаддейка лезет там по лестнице в кромешной темноте, в глухоте.

— Утром сбегаешь и заберешь,— нерешительно сказала она.

— Ага, «утром»! А если на рассвете туристы туда потащатся? У них теперь такая мода появилась: рассвет на верхотуре встречать.

— Думаешь, сопрут?

— А думаешь, оставят? Я пошел.

— Там же темнотища сейчас и страх...

— Фонарик возьму.

— Я с тобой,— тоскливо и решительно сказала Юля, ощущая, как замечательно в постели и как жутко не хочется туда. Ох, рано она порадовалась, что кончились неудачи...

А Фаддейка... хоть бы сказал: не надо, не ходи! Нет, он сказал другое:

— Выбирайся через окно. Я подожду у калитки.

Быстро темнело. Река еще отражала остатки заката, а крутой дальний берег чернел непроницаемо. За кромкой обрыва не видно было огоньков, смутной тучей клубился старый прибрежный сад. Колокольня была еле различима.

Юля мысленно простонала, когда представила, сколько опять шагать: через мост, потом по высоченной лестнице, затем по темному саду... Фаддейка бодро топал рядом и мигал фонариком. Юля печально сказала:

— Вот узнает Кира Сергеевна про наши похождения, будет нам...

— А как она узнает? Тебя она не караулит, а про меня привыкла, что поздно бегаю.

— С тобой не соскучишься,— вздохнула Юля.

— Ага.

Перешли мост (он был бесконечный, и под ним журчала и хлюпала вода). Совсем стемнело. Ступеней лестницы было не разглядеть. А они — кривые и старые, ноги поломаешь.

— Посвети,— попросила Юля.

Фаддейка опять мигнул фонариком и сказал.

— Я батарейку берегу, она старая.

— А на мосту включал и включал, когда не надо...

— Я проверял... Держись за меня.

Кончилась и лестница с бесконечным поскрипыванием ступенек и хлябаньем брусчатых перил. Черный густой сад надвинулся на Юлю и Фаддейку, окружил мохнатой темнотой, запахом увядающих листьев.

— Держись за меня,— опять сказал Фаддейка и сам взял Юлю за руку. Рыжий свет фонарика метнулся по высоким сорнякам и в них запутался. Фаддейка бесстрашно устремился в чащу, и Юля тянулась как на буксире. Жесткие стебли скребли по джинсовым штанинам. Было жутковато, но както не по-настоящему. Будто во сне.

За рукав зацепилось какое-то острие, вроде наконечника пики. Юля повела рукой и нащупала частую решетку.

— Постой. Здесь что-то непонятное...

— Все понятное,— шепотом сказал Фаддейка.— Здесь могилки старые, раньше кладбище было...

— Ты нарочно меня здесь потащил?— слабым голосом спросила Юля. Ей хотелось тихонько завыть с перепугу.

— Конечно. Здесь короткая дорога... Ты не боишься?

Тогда она рассердилась. На себя и на этого обормота:

— Я за тебя боюсь, дурень. Обдерешься или глаз выколешь...

— Не-е... Пришли уже.

Они уперлись в решетчатую загородку церковного двора. Многих прутьев не было, везде лазейки. Когда пробрались, Юля, опасливо озираясь, прошептала:

— А ночного сторожа здесь нет?

Фаддейка хихикнул:

— Только привидения. Бывший воевода и его солдаты.

— Да ну тебя...

Подошли к черному входу на колокольню, и Фаддейка строго сказал:

— Стой здесь. Я сейчас...

Юля не успела заспорить, он ускользнул в черноту, там желтой бабочкой пометался и пропал свет фонарика. «Полезу следом»,— отчаянно решила Юля. Но не успела. Фаддейка выкатился назад, невредимый и веселый.

— Вот твоя сумка.

— Ой... вот хорошо. Спасибо, Фаддейка.

— За что?— хмыкнул он. И спросил:— Пошли обратно?

— Только не через могилки, ладно?

— Сейчас можно по берегу.

От церкви на обрыв их привела невидимая в траве, но ощутимая своей твердостью дорожка (видимо, мощенная кирпичом). Ночь совсем почернела, даже на западе исчез белесоватый полусвет. Река была почти неразличима. На том берегу уютно горели окошки. Но ярче этих огоньков сияли белые большие звезды, а между ними светилась звездная пыль. Кроме белых звезд, были переливчато-голубые и желтые.

Фаддейка показал на одну, голубоватую:

— Вот это Юпитер. В хороший бинокль у него спутники видно. Мне наш сосед, студент Вася, бинокль давал... А Марса сейчас не видать...— Он помолчал и добавил другим голосом, снисходительным:— А ты ничего, не боязливая.

— Ты тоже ничего...

Фаддейка посопел и вдруг признался:

— Нет, я часто боюсь. Только я себя... ну... перегибаю. Я первый раз на колокольню, знаешь как боялся лезть! Прямо все внутри дрожало. А я потом еще раз, еще...

— Когда страх пересиливаешь, это и есть смелость,— сказала Юля.

— Наверно...— шепотом ответил Фаддейка.

Они вышли на верхнюю площадку лестницы, и Юля остановилась. «Какой длинный день получился»,— подумала она.

Хорошо было под звездами. Только слишком прохладно. Юле показалось, что Фаддейка вздрогнул.

— Зябнешь? — обеспокоилась она. — Куртку тебе дать?

— Нет, нисколько не холодно... А знаешь, почему я стараюсь страх перегибать? Потому что от него всякие предательства бывают.

— Это верно,— вздохнула Юля.

— А когда человек изменником делается, это хуже всего в жизни,— тихо сказал Фаддейка.— Я этого больше всего на свете боюсь.

В печальном его полушепоте ощутилась вдруг такая тревога, что Юля поежилась и ладонями сжала Фаддейкины плечи — тонкие и теплые.

— Да ты что! Чего ты боишься? Никогда с тобой такого не случится...

— А если вдруг нечаянно...— тише сказал он.

— Разве это бывает нечаянно?

Фаддейка шевельнул плечами под Юлиными ладонями. Сумрачно шмыгнул носом и прошептал:

— Иногда такой дурацкий сон снится, будто я кого-то предал случайно и тут уж ничего нельзя сделать, хоть убейся. Если даже убьешься, это ведь все равно не исправишь...

— Какие у тебя сны неуютные...— опять поежилась Юля.

— Ну нет, мне и хорошие снятся. Но такой — тоже...— Фаддейка ускользнул из-под Юлиных рук и спросил уже другим голосом, побойчее:— А если у тебя два друга и так получается: если спасти от беды одного — значит, изменить другому? Как тут быть?

— Ну... по-моему, так не бывает.

— Это вообще-то не бывает, но вдруг один раз случится?

— Тогда... я даже не знаю.

Фаддейка молчал с полминуты. Потом решительно сказал:

— А чего тут не знать? Надо помогать тому, у кого беда сильнее.

— Да... наверно. А с чего у тебя, Фаддейка, такие мысли? Грустные какие-то...

— У меня всякие мысли. Потому что думаются. А с чего — трудно сказать.— Он вдруг по-взрослому усмехнулся.— Люди про все на свете спрашивают: с чего да почему. И хотят, чтобы одна простая причина была. А причин всегда целая куча, и они перепутываются.

— Это верно... Пойдем домой, Фаддейка.

Он вдруг взял ее за руку быстро и привычно, как братишка.

— Пойдем, Юля.

Кино вниз головой

Утром Фаддейка стукнул в окно и позвал Юлю завтракать.

В кухне стояла на столе вареная свежая картошка с тонкими кожурками, лук, помидоры и молоко. Кира Сергеевна сказала, чтобы Юля садилась, не церемонилась, а Фаддейку спросила:

— Руки-то вымыл?

— И лицо! Честное слово! Даже чуть веснушки не соскоблил.

— Чучело,— вздохнула Кира Сергеевна.— Юля, он вам вечером не надоел? Это такой болтун и липучка...

Фаддейка незаметно мигнул Юле: не проболтайся о ночных похождениях. Юля тоже подмигнула и сказала, что нисколько не надоел, поговорили про то, про се, самую чуточку.

Фаддейка, кусая картофелину, вдруг высказался:

— Когда пойдешь на практику, надень какое-нибудь платье. А то Нина Федосьевна скажет: «Ах-ах, работница библиотеки в штанах!» У здешних женщин несовременные взгляды.

— Фаддей!— сказала Кира Сергеевна и со стуком положила вилку.

Но Юля понимала, что Фаддейка прав.

Самой ей казалось, что стройотрядовское обмундирование для ее внешности в самый раз, а в «девичьем наряде» она похожа на украшенную бантиками оглоблю. Но библиотека — не строительство коровника и не турбаза. Юля надела босоножки и серое платье — мамин подарок. В этом платье она все-таки похожа на человека. Настолько, насколько может походить на человека девица баскетбольного роста, с длинноносым лицом, вечными прыщиками на подбородке и жиденьким хвостом пегих волос.

Юля припудрила подбородок перед карманным зеркальцем, подхватила сумку и шагнула на крыльцо.

Там ее караулил Фаддейка.

— Я тебя до библиотеки провожу. Можно?

— Конечно!— обрадовалась она.

И Фаддейка стрельнул золотой искоркой из глаза.

Когда шли Береговой улицей к мосту, Юля спросила:

— А что, эта Нина Федосьевна очень строгая?

— Еще бы! А с теми, кто книжки портит, вообще ужас...

— Кажется, ее все здесь знают...

Фаддейка с удовольствием сказал:

— Здесь вообще каждый каждого знает. Это ведь не Москва. И не Среднекамск.

— Я смотрю, тебе здесь больше нравится, чем в Среднекамске...

— Как когда... Здесь интересно, старины много всякой. И ребята не деручие и не дразнючие.

Юля очень осторожно и ласково спросила:

— А что, Фаддейка, разве в школе тебя дразнят?

Он шевельнул плечами:

— Да вот еще! Откуда взяла?

— А я думала, что... ну, из-за волос.

Он удивился:

— Потому что рыжий? Да нисколечко! За это в старые времена дразнили, а сейчас наоборот! Рыжий — даже модно! У нас в классе трое таких, как я... Не в этом дело.

— А в чем?

— Ну... да ты не думай, что у нас плохие ребята! Только у них всегда нет времени. Кто на музыку бежит, кто в олимпийскую секцию, кто еще куда... Получается, что людям некогда дружить.

— А здесь?

Фаддейка рассудительно сказал:

— Одноклассников-то не выбирают, а здесь играй, с кем нравится.

Юля хотела деликатно возразить: мол, и в Среднекамске не обязательно друзей только в классе искать. Но Фаддейка заговорил опять. Уже по-другому, весело:

— Тут знаешь какие придумывальщики есть! Мы на той неделе воздушный шар из бумаги сделали, с дымом. И он по правде полетел! Красный, как марсианский глобус.

— А разве бывают марсианские глобусы?

— Конечно... Юль, а хочешь, я короткую дорогу покажу, не через мост? Я брод знаю, глубина не больше, чем тебе до колена. Хочешь?

Юля зябко поежилась.

— Я... наверно, хочу, но не сейчас. Мне за прошлые сутки хватило приключений.

Нина Федосьевна оказалась вовсе не строгой. Наоборот, была она очень милая и приветливая. Чем-то походила на Киру Сергеевну. Так похожи бывают пожилые женщины, всю жизнь проработавшие в библиотеках, театрах или музеях.

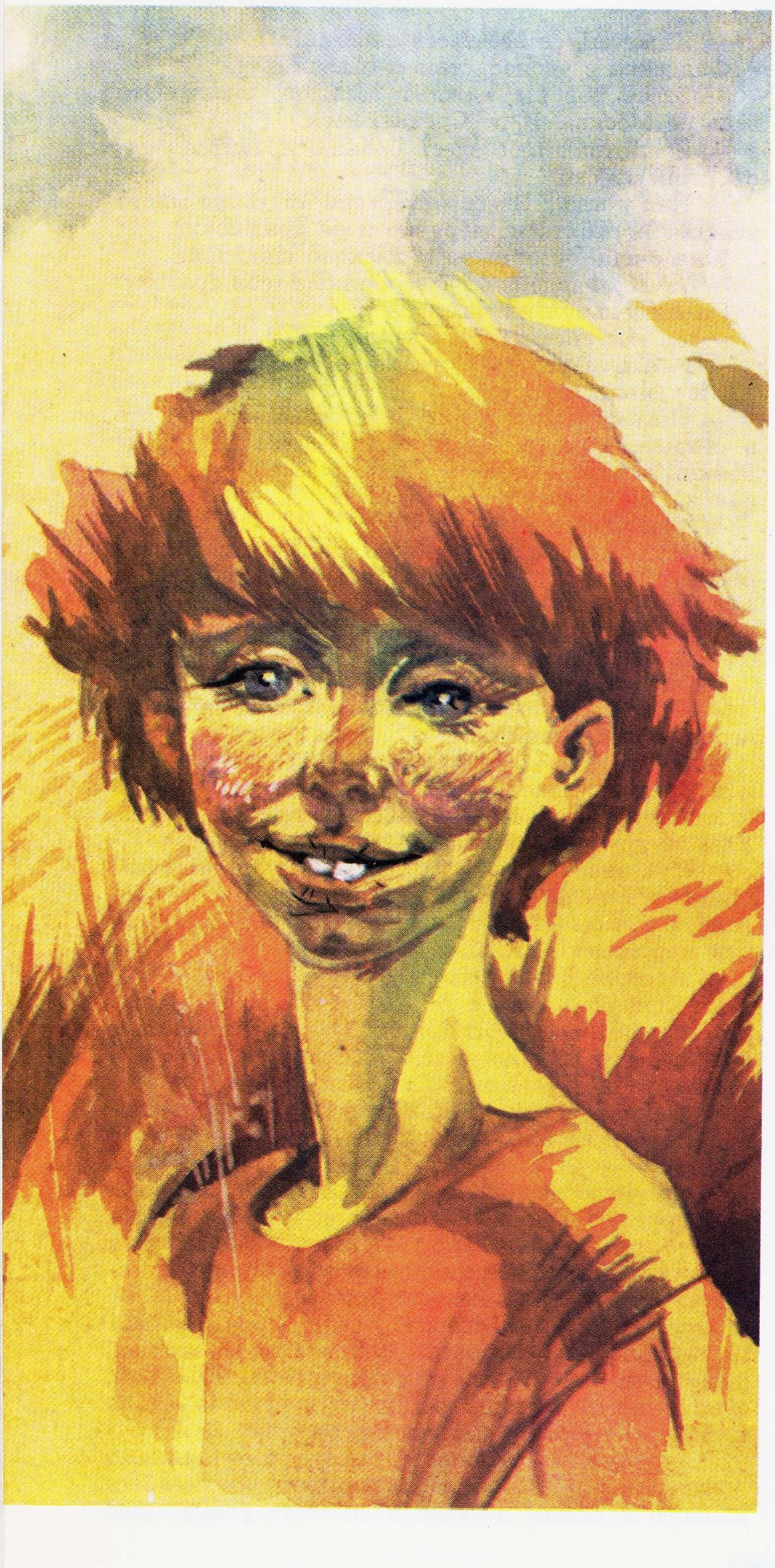
Юле Нина Федосьевна очень обрадовалась. Во-первых, по доброте душевной, во-вторых, потому что «видите ли как получилось, Юленька, одна наша сотрудница вышла на пенсию и уехала к сыну, а вторая в декретном отпуске. И я кручусь, кручусь и ежедневно прихожу в отчаяние...»

Она мелко засмеялась, прижимая кончики пальцев к седым вискам. Юля тоже улыбнулась

и подумала, что здесь ее то и дело называют Юленькой. Версту коломенскую...

— Только работа, Юленька, будет для вас, наверно, скучноватая,— читателей сейчас мало, а дело такое: надо перебрать и сверить каталоги, переписать некоторые карточки абонемента. В них полный хаос...

Юля сказала, что работу она видела всякую, скучать не станет, а веселиться, если придет такое настроение, будет после рабочего дня. При этом почему-то вспомнила Фаддейку. И не откладывая взялась за дело.



Фаддей Сеткин.

Сначала она принялась разбирать по алфавиту читательские карточки, которые молодая работница абонемента (ныне пребывающая в декрете) действительно держала в «порядочном беспорядке». Неожиданно дело оказалось совсем не скучным. За каждым именем Юле представлялись живые мальчишки и девчонки: аккуратные отличницы, берущие книжки по программе; растрепанные троечники, которые читают в основном про шпионов и про космос; юные изобретатели — те, что глотают, как «Трех мушкетеров», «Занимательную физику», «Теорию относительности для всех» и свежие номера «Техники — молодежи»; октябрята, спорящие из-за очереди на «Буратино» и «Волшебника Изумрудного города»; десятиклассники, которые перед экзаменами выпрашивают на лишний денек Белинского и Добролюбова...

Некоторые карточки были просто готовые портреты и характеры. Трудно разве представить, например, второклассника Николая Вертишеева, дважды бравшего «Приключения Незнайки», или Эллу Лебедушкину, читающую биографию Рахманинова из серии ЖЗЛ?

Могли, конечно, быть ошибки. Вертишеев мог оказаться тихим мальчонкой, который никогда не вертится на уроках, а Лебедушкина — неуклюжей девицей, не умеющей сыграть гаммы... Но вот попался портрет знакомый и точный! «Фаддей Сеткин»...

— Ой, Нина Федосьевна! Это же Фаддейка, да? Племянник Киры Сергеевны?

Нина Федосьевна охотно оторвалась от ящика с каталогом.

— Ну, разумеется! Вы уже познакомились? Ах да, вполне понятно...

— Ох, познакомились, — сказала Юля. — Весьма даже...

Нина Федосьевна покивала и поулыбалась:

— А знаете ли, Юленька, он славный мальчик. Правда, замурзанный и немного шумный...

(Юля уже поняла, что больше всего Нина Федосьевна боится шума, и это казалось непонятным у заведующей детской библиотекой; но зато других недостатков у Нины Федосьевны, кажется, вообще не было.)

Юля охотно согласилась с краткой Фаддейкиной характеристикой и заглянула в карточку.

Читательские интересы Фаддея Сеткина были крайне разнообразны. Если не сказать — беспорядочны. «Приключения Электроника» и «Оливер Твист», «Словарь юного астронома» и «Воспоминания о сынах полков», «Сказки народов Севера» и «В плену у японцев» капитана Головнина. А еще — «Казаки» Толстого, «Малыш и Карлсон» и «Мифы Востока»...

— Ну и ну,— сказала Юля.

Нина Федосьевна опять покивала:

— Бессистемное чтение, но что поделаешь... И ходит нерегулярно. То глотает семь книжек за неделю, а то не показывается полмесяца. Но с книжками очень аккуратен! Новые даже обертывает... Правда, один раз мы с ним поссорились.

Юля вопросительно подняла глаза.

— Нет-нет, не из-за неряшества. Мы крупно поспорили из-за «Аэлиты». Вы же знаете, Юленька, детям эта книга всегда нравится, а наш милый товарищ Сеткин прочел и заявил категорически: «Чушь!..» Я даже очки уронила. «Как,— говорю,— ты можешь так об Алексее Николаевиче?..»

А он знаете что? «Если Алексей Николаевич, значит врать можно?» «Что значит,— возмутилась я,— врать? Это же фантастика! Писательское воображение! Ты же сам столько фантастики перечитал и всегда хвалил!» И что же отвечает мне этот юный ниспровергатель классиков? «Фантазировать надо тоже с умом! На Марсе все не так. «Марсианские хроники» Брэдбери и то лучше»... Я, и сама неравнодушна к Брэдбери, это, безусловно, талант, но... В общем, я не выдержала и сказала, что таких критиков следует ставить носом в угол. И расстались мы сухо.

— А потом?— смеясь, спросила Юля.

— Он не появлялся неделю. А затем откуда-то узнал про мой день рождения и притащил целый сноп васильков. При этом был в новой рубашке и сиял, как начищенный колокольчик.

— Он и сегодня хотел прискакать,— вспомнила Юля.— Обещал в обед меня навестить.

Но Фаддейка пришел только в конце дня. Встрепан и помят он был больше обычного, к оранжевой майке прилипли золотистые чешуйки сосновой коры. Он сообщил, что тете Кире привезли дрова и пришлось их укладывать на дворе в поленницу.

— Таскал, таскал, чуть пуп не сорвал,— он стрельнул искристым глазом в сторону Нины Федосьевны.

— Фаддей...— страдальчески сказала она.

— Ой, простите, Нина Федосьевна! Я нелитературно выразился, да?

— Юля, может быть, хотя бы вы займетесь воспитанием этого гамена?— простонала Нина Федосьевна.— Кира Сергеевна, видимо, уже отчаялась.

— Займусь,— пообещала Юля и показала Фаддейке кулак. Он потупил глазки, но тут же дурашливо сказал:

— Гамен — это парижский беспризорник? Вроде Гавроша? Значит, здесь у нас Париж, ура! Да здравствует баррикада на улице Шанврéри!

— Не Шанврéри, а Шанврерú,— подцепила его Юля.

А Нина Федосьевна скептически произнесла:

— Можно подумать, ты читал «Отверженных»...

— Можно подумать, нет!— возмутился Фаддейка.

— Он читал детское издание про Гавроша,— снисходительно разъяснила Юля.

— Фиг тебе! Я все читал!

— Фаддей...— опять простонала Нина Федосьевна.

— А чего она... У нас дома десять томов Гюго, подписное издание.

Юля хмыкнула:

— И ты осилил?

— «Отверженных» осилил. И «Собор Парижской Богоматери»... Только маленько пропускал всякие длинные описания... Нина Федосьевна, Юле уже можно домой? Она будет меня воспитывать по дороге.

Когда шли к дому, Юля сказала:

— И чего это утром ты наплел, что Нина Федосьевна строгая? Она добрейшая душа... На тетю Киру похожа.

— Ну и что же, что похожа? Тетя Кира всякая бывает. Когда добрейшая, а когда ой-ей-ей.

— Ну, ты, наверно, и ангела небесного можешь до «ой-ей-ей» довести...

Фаддейка хихикнул:

— Не, я хороший...— И сказал серьезно:— В этом году у нас с тетей Кирой контакт. А в прошлом году мы еще по-всякому... Притирались друг к другу.

— Притиралась терка к луковице. Сплошные слезы...

— Ага... Мне от нее один раз тогда знаешь как влетело...— Фаддейка сказал это со странной мечтательной ноткой.

— За что?

— В том-то и дело, что ни за что... Я сижу, молоко пью, а она говорит: «А ну-ка дыхни». А потом: «Покажи-ка, голубчик, карманы». А там окурок и крошки табачные... Ой, что было!

— Всыпала, небось?— пряча за усмешкой сочувствие, спросила Юля.

— Да не-е... На губу посадила.

— Куда?

— На гауптвахту. Говорит, выбирай: немедленно едешь домой или будешь сидеть до ночи под арестом. В сарае.

— И выбрал сарай?

— А что я, ненормальный — домой ехать? Здесь вон как здорово, а там в лагерь отправят.

— Да еще и досталось бы от мамы за курение,— с пониманием заметила Юля.

Он вскинул возмущенные глаза:

— Да ты что? Думаешь, я по правде курил, что ли? Мы с ребятами мыльные пузыри с дымом пускали! Дым в рот наберем, пузырь надуем, он и летит вверх. А потом лопается, как бомба...

— Все равно дым во рту — это гадость.

— Ну, пускай гадость. Но не курил же!

— А тете Кире ты это объяснил?

— Думаешь, она слушала? Как разошлась... Ну, я решил: пусть ее потом совесть мучает. Целых три часа сидел, почти дотемна.

— Потом выпустила?

— Уже собиралась, да я раньше забарабанил.

— А чего? В темноте неуютно стало?

— Да причем «неуютно»? Гауптвахта-то была ведь... без этого. Без удобств. Сколько вытерпишь?

Юля засмеялась. Фаддейка весело посопел и сказал:

— Тут я ей все и объяснил. Она сперва, как ты, говорит: «Все равно это гадость!» А я ей доказал, что это научный эксперимент был, а люди из-за науки еще не такие гадости терпели. Она засмеялась: «Вот и пострадал за науку, как Галилей». А потом говорит: «Ладно, помиримся, не сердись на старую тетку...» А я и не сердился.

— А не обидно было невиноватому сидеть?

— Обидно немного. Зато интересно. Я до тех пор ни разу арестантом не был! А тут почти как по правде... Всякие мысли думаются, когда сидишь. Воспоминания всякие...

— Какие?

— Ну, разные! Про Буратино, как его Мальвина тоже ни за что в чулан посадила. Про Железную Маску... А то вдруг показалось, что я к врагам в плен попал и меня завтра расстрелять должны. Даже хотел подземный ход рыть, да тут кино началось...

— Что?! Ты с телевизором сидел?

Он засмеялся и замотал головой так, что рыжие космы разлетелись пламенными языками.

— Там свое кино получилось! Тайное... Вот придем, покажу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Музафар АЛИМБАЕВ,
лауреат Государственной премии
Казахской ССР

Какие бывают слова

Мама —
Любимое слово.
Камень —
Весомое слово.
Пламя —
Горячее слово.
Знамя —
Набатное слово.
Школьник —
Прилежное слово.
Друг —
Задушевное слово.
Ветер —
Летучее слово.
Родина —
Лучшее слово!

Бастанги

Если папа едет в гости,
Если мама едет в гости,
Кто ж тогда хозяин в доме —
Догадаетесь вы после.

Созовет друзей хозяин
И соседских, и с окраин.
— Бастанги?[1] — его лишь спросят.
— Бастанги! — в ответ хозяин.

Бастанги!
Бастанги!
Стол накрыть мне помоги!

Вот арбуз, а вот конфеты,
Все секреты из буфета,
Все, что прятал холодильник,
Все, что только дарит лето!

Ах, как весело с друзьями
Поделиться новостями,
О которых не расскажешь
Даже папе, даже маме.

Пусть придут они попозже —
Ведь они с друзьями тоже,
Да и есть у них притом
На кого оставить дом!

---

[1] Бастанги́ — детское застолье, устраиваемое без родителей.

Перевел с казахского Юрий КУШАК.

Рисунок И. ПАНКОВА.

Мельница

Глядит
На облако вдали
И машет крыльями, как птица,
Но оторваться от земли
И в небеса
Летать пуститься
Не может:
Дело не дает,
Да и забот — невпроворот...

Так и стоит она весь век
Там, где поставил человек:
Бренчит какие-то слова
И крутит,
Крутит жернова,
День изо дня упорно
Перетирая зерна...
На радость людям
Ест и ест
Хлеба, что выросли окрест.

Кто что любит

Орлу
Всего милей
Вершины гор,
А соловью —
Листвой шумящий бор.
Любой рыбешке
Всех милей река,
Как ни была бы
Та река
мелка...

А что же любит
Всей душой батыр?
Он любит весь
Кипящий жизнью мир.

И пенье птиц,
И цепи гор, и реки,
Но всех сильней —
Единственный навеки
Тот чудо-край,
Где свет увидел он:

Солончаки,
И — степь
Со всех сторон.
И — зной,
И — будто бы струна,
Трепещущая
тишина...

Перевел Игорь МАЗНИН.

Павел ПОПОВИЧ,
заместитель начальника Центра подготовки космонавтов, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

НА ЗЕМЛЕ И В КОСМОСЕ

В поселке над Днепром

Первые радостные да и горестные воспоминания связаны для меня с моим родным Узином, маленьким поселком на берегу Днепра неподалеку от Киева. Впрочем, поселком он был лет сорок назад, сегодня это уже город.

Так вот, летом 1941 года в Узин вошли фашисты. Кажется, всякая жизнь у нас замерла. Не звучали на Днепре по вечерам песни, опустели улицы. Даже собаки забились куда-то и не подавали голоса. Но спокойствие это было обманчивым. И стар и млад старались как можно больше навредить фашистам.

Меня назначили погонщиком быков. Навьючив как-то на одного из них огромный тюк, я, вместо привычной команды «пошел», резко свистнул. Мне хотелось хоть чем-нибудь досадить толстому очкастому фашисту, который сидел в бричке. Как я и ожидал, от свиста лошадь, запряженная в бричку, рванулась, и фельдфебель, исполнив сальто, неуклюже плюхнулся на землю. Я засмеялся. Фашист был взбешен. На меня уже неслась огромная овчарка. Дальше все произошло в мгновение ока. Я схватил вилы, овчарка, ощетинившись, прыгнула. Все свои силы вложил я в этот удар.

Натренированная на безоружных военнопленных, собака не ожидала сопротивления. Даже не заскулив, она упала рядом со мной. Не успел я еще опомниться от нападения страшенной фашистской псины, как получил удар по голове. Последнее, что я увидел, был фельдфебель, замахивающийся плетью. От удара по лицу во рту стало солоно от крови. И все слилось с облаками, которые медленно плыли по небу...

Меня выходили родители. Но еще долго не покидал я дома и не показывался на улицу. При виде фашистов меня начинало трясти: не от страха — от ненависти. Я мечтал о том дне, когда под ударами нашей армии они уберутся с нашей земли. Наконец-то этот день настал. В Узин пришли солдаты с красными звездами на пилотках. Позднее я узнал, что при освобождении моего родного города погибло немало людей. Значит, своей жизнью я должен продолжить те дела, которые были предназначены им. И я всегда старался помнить об этом.

«...О доблестях, о подвигах, о славе»

Когда окончилась война, мне шел шестнадцатый год. Сегодня многие из вас и в меньшем возрасте уже твердо знают, куда пойти учиться, какую профессию выбрать. И большинство, как правило, стремится к популярной профессии, престижной. На этом иногда настаивают ваши родители. Да и вы чаще думаете об известности, о славе, которую может принести та или иная профессия, а не о самой профессии.

Но хотелось бы уточнить: нет такой профессии — «известный актер», «известный пианист». Есть просто актер, просто пианист. Приставка «известный» дается не с дипломом, а за талант и большой труд. И замечу: «известность» в хорошем смысле, общественное внимание — это удел не только артистов, писателей, художников, музыкантов. Разве комунибудь не известно имя хирурга Амосова, строителя Злобина, хлебороба Мальцева? Человека славит не профессия, а его отношение к труду, к делу.

Как же выбрать профессию по душе? Наверное, главное — заниматься тем, что интересно, и не бояться трудностей. Поверьте, чем труднее задача, чем больше сил вложено в ее решение, тем радостнее чувство победы: «Я смог сделать и это!»

А еще юность — удивительное время. Можно много искать, много пробовать. И не бояться при этом ошибок. Жалко, когда ребята замыкаются в привычных стенах: из школы — на улицу, с улицы — на

вечеринку. Разве не интересно, к примеру, уже в шестнадцать лет увидеть великие стройки Сибири, в восемнадцать — льды Арктики, в двадцать — безбрежные просторы океана? Кто-то может возразить мне: это, мол, невозможно. А вы попробуйте. Может быть, это и будет первым вашим самостоятельным шагом.

Велика и необычайно красива наша Родина, и каждому найдется дело по душе.

Выбираю небо

Но это было, так сказать, лирическое отступление... В 1946 году я пошел в седьмой класс. И хотя тетрадей и учебников не хватало — одна книга на десятерых,— учиться было очень интересно. Жилось нашей семье нелегко, времена стояли тяжелые: хлеба мало, с одеждой туго... Вот и начал я работать весовщиком на сахарном заводе.

Хлеб оказался трудным. Работал в ночную смену, так как днем ходил в школу. Исхудал. Чувствовал, что силы быстро улетучиваются. На каникулы приехал из Белой Церкви мой друг — Леша Компанеец. Он учился в ремесленном училище. Увидев мое состояние, был немногословен:

— Ты должен поехать со мной в ремесленное училище.

Я засомневался, примут ли меня, ведь я окончил всего семь классов. Но Леша и здесь нашел выход:

а что, если учиться и в школе, и в училище одновременно?

Решил попробовать. После окончания училища мы вместе с Компанейцем махнули учиться дальше, в Магнитогорский индустриальный техникум. Так в мою жизнь вошла дымная, огнедышащая, похожая издали на многотрубный корабль Магнитка.

Небо пришло позднее. Однажды в техникуме появился инспектор аэроклуба. Он рассказал о самолетах, летной профессии. Наша группа слушала его, затаив дыхание. Инспектор предложил тем, кто учится без «хвостов», прийти в аэроклуб. Записалось девять парней и три девушки. Поднять руку и сказать: «Запишите меня»,— не хватило духу. Но только закрылась дверь за летчиком, как я не выдержал и бросился за ним... Колотилось сердце, чувствовал, что наступил, может быть, самый важный миг в моей жизни. Я знал, что делаю выбор... «Запишите»,— попросил я...

Сначала были тихоходы УТ-2, потом учился, пересел на более быстрые самолеты и, наконец, сел на «реактивного конька».

Маленькие двери в большой космос

До звезд было еще очень далеко. Ах, если бы все представляли, какой длинный и нелегкий путь необходимо проделать, чтобы получить право на полет в космос! И как это странно ни звучит, но космонавт — профессия очень даже земная.

Лично я стал космонавтом так. Это было в 50-х годах. Лечу на самолете. Обыкновенный полет. Неожиданно в стратосфере двигатель выключается. Возможно, виноват я сам, например, нарушил режим пилотирования. Высота, естественно, стремительно падает. Сделалось жутковато. Мобилизовался до предела. И после многих усилий — разумеется, в дело пошли воля, знания, пилотажные навыки, опыт и желание жить — заглохшая турбина заработала! Представляете ощущение?

Приземлился. Ожидал неприятного разговора или даже взыскания. Я не знал, что случилось с двигателем, каковы причины отказа. Собрался авторитетный консилиум инженеров. Думал: а вдруг сам по неосторожности заставил турбину замолчать,

а потом «доблестно», как у нас говорят, возвращал ей дыхание?

Но после тщательного анализа претензий ко мне не возникло.

Выхожу из душной штабной комнаты на улицу. Облегченно вздохнув, направляюсь на аэродром, к своему родному самолету. У стоянки меня обгоняет машина. Из кабины выглядывает начальник штаба полка.

— Попович, вас в штаб части.

— Меня? — Вновь настроение падает до нуля... Значит, анализ дал что-то новое.

— Да, вас. Точнее, в политотдел.

«Неужели уже и там известно об аварии?» С досадой поворачиваю назад. А мысли, как дождевые тучи: одна мрачней другой.

Вошел к начальнику политотдела, а там врач. «Видимо, они все уже знают». Мысль не слишком радостная. Отношение к врачу у летчиков однозначное: он твой защитник, он же... ну, вы меня понимаете.

— Капитан Попович по вашему приказанию прибыл,— рапортую с дрожью в голосе.

Начальник политотдела смеется:

— Мы не приказывали, а приглашали. Знакомьтесь, представитель института...— и называет авторитетное, но малоизвестное учреждение.

Врач представляется запросто, по-штатски:

— Николай Николаевич!

Тут же приглашают сесть и начинают разговор. Говорим о здоровье, о полетах, о настроении. Неожиданно спрашивают:

— На новой технике летать не желаете?

— И у нас техника не старая,— отвечаю не очень вежливо, с некоторой обидой на неосведомленность собеседника.

— А на более новой? Скажем, на космической?

— Кто же от такого откажется?! Готов хоть сейчас. Но...

— Сейчас, конечно, рановато,— охлаждает гость мой пыл. — Выслушайте до конца. Завтра, когда хорошенько подумаете, сообщите свое решение.

Очень скоро я поехал в Москву.

Так все это начиналось...

Потом я проходил через мелкое сито медицинских комиссий, экспериментов. Многие летчики, которые приехали со мной, не дождавшись завершения обследования, уезжали обратно в свои летные части. Их можно было понять: медики были столь придирчивы, во время медкомиссий обнаруживались ранее неизвестные дефекты здоровья человека. Это могло закрыть дорогу не только в космос, но и в небо. Не все решались рисковать...

Если говорить образно, подготовку космонавта можно сравнить с прохождением через множество разномерных дверей. За первой, широкой, в которую могут войти десятки и даже сотни людей, находятся другие двери. И с каждым шагом двери становятся все более узкими. Загадочный и суровый мир звезд впускает в свои владения только сильных и закаленных жизнью людей.

Но предварительный отбор — это только «цветочки», а «ягодки» — это уже сама подготовка.

Немного о «ягодках»

Как обрести силу духа? Лучший союзник для этого, на мой взгляд, труд. Самые страшные враги — лень и расхлябанность. Нужно стараться побороть в себе «не хочу» и говорить: «Я должен...». Не хочется делать зарядку, хочется подольше поспать, а ты собери волю и встань. Все курят, а ты не кури. Хочется посмотреть фильм по телевизору, но не сделаны уроки, значит, надо сесть за письменный стол...

Постепенно придет чувство, что ты владеешь своими эмоциями, руководишь поступками, привычками. Это большой шаг. Однако не надо думать, что придет момент, когда ты сможешь сказать себе: «Все, я схватил бога за бороду, и теперь можно расслабиться!» А расслабишься — пеняй на себя...

Вот нас приняли в отряд космонавтов. Некоторым из нас показалось, что все — цель достигнута, можно капельку, ну совсем немножко отключиться, отдохнуть. И что же? Как вам, наверное, известно, не все из первого отряда космонавтов побывали в космосе... А ведь они были талантливыми, способными людьми, но... Мы вместе готовились, вместе переживали радости и печали.

Первый отряд жил одной семьей. Когда случилось несчастье с одним из нас (он, купаясь, сломал шейный позвонок), это был удар для всех. С тем, кто уходил, мы расставались как с самым близким и дорогим человеком... Однако новая профессия предъявляла самые жесткие требования к кандидатам на старт. Поблажек тут быть никаких не могло. И самыми строгими судьями себе и своим товарищам были мы сами.

А подготовка наша носила да и носит самый разносторонний характер. Возьмем, к примеру, «эксперимент на выживаемость». Он помогает научиться в экстремальных ситуациях не терять голову и принимать верные решения.

Бывает, высаживают с вертолета группу в среднеазиатскую пустыню. Прямо на бархан. А бархан, как раскаленная сковородка. И кругом только этот горячий песок. Тенек есть только там, где высадили врачей. Но до их лагеря пять — семь километров. Казалось бы, пустяки, каких-то пять километров, долго ли дойти... Отмахает человек сгоряча сразу три, а то и четыре километра. Вот он, лагерь, уже

виден, уже рукой до него подать. Видно-то видно, да двигаться человек не может: ноги не идут. А тут еще ветер дует, песок несет. Решает передохнуть. Спускается в ложбинку, ставит палатку и ждет в ней, ждет, когда силы вернутся. Но они не возвращаются. Лишь хуже становится: жара, духота выматывают окончательно, до последней капли. Как же быть? А следовало разбить палатку и дождаться ночи, ибо ночью можно и десять километров пройти.

В последние годы возросла роль научной подготовки космонавтов. Это, конечно, не случайно. Космос все в большей степени делается «рабочим». В связи с этим более ответственной становится роль космонавтов как индивидуальных исследователей. Кем только нам не приходилось быть на орбите: и астрономами, и геологами, и медиками, и химиками, и даже металлургами...

О тех, кто рядом

И в космосе, и на Земле тяжело без друзей. Быть может, в космосе даже тяжелее. Я люблю своих друзей. К этим людям я иду, когда мне трудно, когда требуется совет. Не раз круто менял мою судьбу Алексей Компанеец. О нем я уже рассказывал. Другим таким человеком стал для меня Юрий Гагарин. Он был необыкновенно добр к друзьям, его можно было попросить о чем угодно. Но это, однако, не значит, что на работе он сохранял «панибратские» отношения. Он первым замечал какой-нибудь непорядок, оплошность и был строг к нарушителю.

Он стал всемирно известен в 27 лет и погиб в 34 года, девятнадцать лет назад, но и сегодня я чувствую его рядом. И это мне очень помогает.

Дружить надо уметь. Если в твоем сердце есть место для зависти и лжи, у тебя никогда не будет настоящего друга. А в космосе уверенность в товарище приобретает особое значение.

И еще. Наша работа очень серьезна. И именно поэтому никогда не следует забывать о юморе. Это чувство должно быть всегда при нас. И на Земле, и в космосе. Вспоминается мне такая история.

Все люди, как известно, делятся на две категории. Первая (более многочисленная) — это те, кто не очень верит в существование летающих тарелок, и вторая — те, кто утверждает, что собственными глазами эти тарелки видел. Лично я, конечно же, отношу себя ко второй группе.

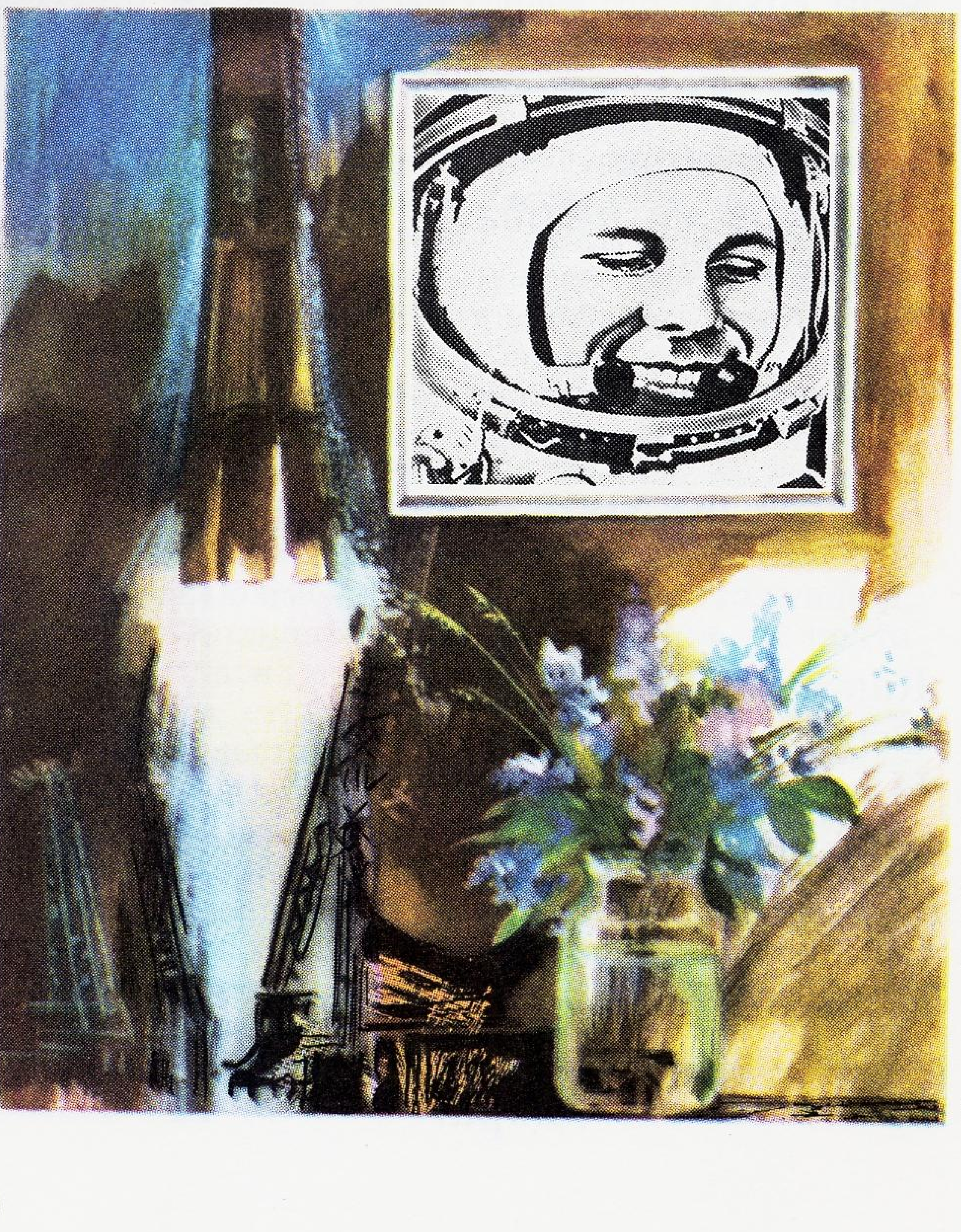
Моя встреча с НЛО (неопознанным летающим объектом) состоялась во время полета на орбитальном комплексе «Салют-3» — «Союз-14».

Один из дней выдался на редкость тяжелым. Закончив работу, я занял свое место у борта станции, почитал немного и вскоре заснул. Проспал часа два, а потом чувствую: кто-то посторонний пробирается в корабль. Я насторожился, а незнакомец приближается прямо ко мне и неожиданно нападает. Наотмашь, со всей силы бьет меня по лицу — то по одной щеке, то по другой. Сомнений быть не могло — это инопланетянин, незаметно пробравшийся к нам в корабль с летающей тарелки. В другой ситуации я бы наверняка постоял за себя. Но сдерживаю эмоции — надо сберечь это существо для науки. На подмогу зову своего напарника — Юрия Артюхина. Он подбадривает меня, призывает вести себя достойно, но аккуратно. Но я не выдержал и как тресну этого инопланетянина! Да так сильно, что... сразу проснулся.

Оказалось, книга, которую я читал перед тем, как заснул, плавает по станции, листы ее от вентиляции шелестят и задевают мое лицо. Когда я понял, что произошло, то долго смеялся. Смеялся и Артюхин. А что лучше смеха укрепляет, восстанавливает силы, которые так нужны в космосе?

Что же касается НЛО — не знаю, есть ли они. Но, может быть, это и к лучшему. Ведь если бы мы, взрослые, знали ответы на все вопросы, то что бы осталось делать вам, тем, кто придет нам на смену и на Земле, и в космосе.

Записал А. НЕМОВ.



Рисунки В. САФРОНОВОЙ.

Валерий АУШЕВ

Рассказ вальщика леса

— Мне жалко лес валить!
Да что зря
говорить,
Одно лишь утешает,
Что лес у нас
возводит города,
Дома, дворцы и школы
украшает...
Без леса — никуда!
И все же боль сосны,
Когда пилу подносишь,
Как будто боль зубную
переносишь.
Потом погрузчик —
Челюстями щелк...
Стволами лесовоз
Нагрузит с верхом...

Тут вальщик
Неожиданно умолк
И заспешил:
— Мой пятый «а»
приехал,
Мои орлы,
А я у них —
Вожатый.
Сегодня сбор:
На вырубке щербатой
Сажаем бор!

Алексей ЛОГУНОВ

* * *

Как славно жить на свете,
Особенно — весной!
Иду, а теплый ветер,
Как пес, бежит за мной.

Оттаяла макушка
У лысого бугра,
И пахнет свежей стружкой
С колхозного двора!

«Весна». Картина японского художника Ватанабэ Кадзана (1793—1841).

О том, как воспринимать художественное творчество жителей Азии, рассказывает научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока Галина Борисовна ШИШКИНА.

Мудрость и красота

Давным-давно жил в одной восточной стране богатый молодой купец. Однажды к нему пришел его бедный сосед, ученый, у которого тяжело заболел маленький внук. Нужно было позвать врача, нужны были деньги на лекарства. Ученый принес купцу самые ценные вещи, которые были у него: книгу и серебряную чашу, и предложил их приобрести. Тот засмеялся и сказал: «Зачем мне они? В моем доме хватает посуды, а книги мне не нужны. Я тебе и так деньги дам». Ученый усмехнулся: «Какие опрометчивые слова говоришь ты, о досточтимый. Это не просто вещи, а прекрасные произведения искусства. Книга создана замечательными мастерами книжного дела. Взгляни, каким дивным почерком написаны эти чудесные стихи, полюбуйся на изысканные орнаменты, которые радуют глаз и веселят душу. А чаша? Она прекрасна, она несравненна. На ней лежит печать гармонии и вдохновенного труда».

Купец слушал и смотрел во все глаза, как будто и вправду никогда не видел ни книг, ни чаш. Впервые в жизни он услышал удивительные слова — «произведение искусства», «гармония» — и не очень-то понял, что они значат. В его доме и в лавке полным-полно дорогих и красивых вещей, может быть, они все тоже произведения искусства?

— Многие — да,— ответил ученый.— Но не всякая дорогая вещь — произведение искусства. Вот висит у тебя сабля на стене, сразу видно, вещь богатая. На ножнах так и сверкают крупные драгоценные камни. Но, прости, уважаемый, эти ножны нельзя считать произведением искусства. Их сделал не слишком опытный ремесленник. Посмотри, как грубо он нанес на металл рисунок, а обилие разноцветных камней буквально кричит о высокой цене и лишает вещь строгости и благородства.

Изумленный купец дал ученому денег и попросил его прийти, как только выздоровеет его внук. Он хотел, чтобы ученый объяснил все более подробно. Когда мудрый старец снова появился в доме богатого соседа, то попросил купца показать ему свою любимую комнату и дать в его распоряжение нескольких слуг.

На следующее утро купец, как всегда, отправился завтракать. Войдя в комнату, он увидел, что все в ней странно изменилось. На полу и на стенах вместо прежних ковров с тонкими узорами и блестящим мягким ворсом теперь были грубошерстные, с расплывчатыми рисунками. Воду для омовения рук подали в кувшине некрасивой приплюснутой формы. Еду принесли в неказистой посуде на незамысловатом подносе. Слуги были одеты не в обычные нарядные одежды, а в халаты и шаровары из плохо окрашенной материи. Тут же висела и сабля. Теперь она показалась купцу и в самом деле нелепой. Одним словом, все стало или уныло тусклым, или кричаще пестрым. У купца сразу испортилось настроение от такой картины. Тут в комнату вошел ученый. В руках он держал простой глиняный кувшин, прежде купец никогда не обратил бы на него внимания. Ученый задумчиво улыбнулся. Купец удивился про себя: чем так радует старика эта глиняная посудина? Присмотрелся внимательней. Вообще-то кувшин был неплохой. Сделан из хорошей розоватой глины, красивой формы... Вдруг он ощутил, что ему приятно смотреть на кувшин и глаза его отдыхают от безвкусного убранства комнаты.

— Вещи, которыми ты пользовался,— заговорил ученый,— которые украшали твою комнату, были в основном хорошими, красивыми изделиями. Они прекрасно гармонировали, то есть сочетались друг с другом. Но ты этого не замечал, не придавал им большого значения. А вот саблей гордился, потому что купил ее за большие деньги, и блеск драгоценных камней казался тебе высшим выражением красоты. Но когда привычные вещи сменили на худшие, ты сразу почувствовал себя неуютно в новом окружении: произошло нарушение гармонии, иными словами — единства всех предметов, которое делало помещение нарядным и веселым. И тогда сам увидел, что дорогая сабля оказалась ничуть не лучше уродливых дешевых вещей.

Неожиданно раздался нежный звук, который коротко прозвучал, как колокольчик, и оставил после себя тихое эхо. Что это? Ученый рассмеялся и снова легонько ударил палочкой по кувшину, и снова послышался мелодичный звон.

— Я не знаю имени мастера, создавшего кувшин, но это был большой художник. Смотри, он почти ничем не украсил его, кроме узорчатого пояска, но какая легкая, стремительная линия обрисовывает тулово и горлышко. Питье из этого кувшина для человека, чувствующего красоту, будет намного вкуснее, чем из обычного, ремесленного. Когда я ударяю палочкой, тогда не только глаз видит гармонию этой вещи, но и ухо слышит ее, потому что мастер выбрал хорошую глину, тщательно приготовил, умело провел обжиг. Ко всем, даже самым простым операциям он подошел творчески, как художник. Произведение искусства возникает, когда талантливый человек, не жалея времени и сил,

отдает работе все свои знания, умение, выдумку и свою любовь к красоте. Создания его радуют людей, украшают их жизнь. Я бы сказал, что искусство — это праздник человеческой души! — закончил старый ученый.

Много легенд, сказок, мифов создано народами Востока, но историю про ученого и купца не знают ни в одной стране Азии. Эта сказка родилась несколько лет тому назад на занятиях Клуба юных искусствоведов в Государственном музее искусства народов Востока в Москве. В клуб приходят ребята, которых интересуют культура и искусство стран Востока, однако вскоре они убеждаются, что в основе восточного искусства, несмотря на его своеобразие и необычность, лежат те же законы красоты, которые свойственны и искусству стран западного мира. Замечательный японский поэт X века Кино Цураюки сказал: «Пусть в Китае и у нас говорят на разных языках, но если отражение луны одинаково, могут ли быть разными сердца людей?»

Примерно до середины XIX века европейцы смотрели на Восток свысока, считая его безнадежно отсталым, неразвитым, интересуясь лишь его экзотикой и диковинами. Они отдавали должное великолепным восточным товарам: прекрасным тканям, удивительному китайскому фарфору, изделиям из слоновой кости и ценных древесных пород, жемчугу и бирюзе, лакам, коврам. Но богатства духовной культуры народов Востока были спрятаны от европейцев за необычностью быта и самого облика людей Востока. А жителям азиатских стран культура и внешний вид европейцев точно так же казались странными, даже смешными, нелепыми. И только наш быстрый XX век показал людям, что планета наша одна на всех, что все народы, живущие на ней, зависят друг от друга. А значит, нам необходимо знать и понимать не только язык друг друга, но и душу. О душе народа в первую очередь говорит его культура.

На встречах клуба шла речь об умении понять, почувствовать культуру и искусство других народов, о том, как отличить настоящее произведение искусства от ремесленного изделия, подделки. Ребята учились смотреть экспонаты, открывать порой неприметную с первого взгляда красоту. Они узнали, что в каждом предмете, созданном художником, есть своя «изюминка»: в одном — необычное цветовое сочетание, в другом — прекрасная форма, в третьем — удивительная игра линий, и постепенно история про ученого и купца наполнялась для них новым содержанием. Поначалу ребята воспринимали ее просто как занимательную сказку, а после года занятий уже хорошо понимали смысл урока, который ученый дал купцу.

Предлагаем и вам познакомиться с несколькими экспонатами из собрания музея. Созданные в разное время, в разных районах Азии, принадлежащие к разным видам искусства, эти произведения не только интересны сами по себе, но и ярко представляют своеобразие культур народов Востока.

«Пустота содержит все»

Если бы европейский художник, изображая, допустим, пейзаж, оставил часть холста незаписанным, то его произведение воспринималось бы как незаконченное. А для традиционной китайской или японской живописи пустое пространство в картине имеет чрезвычайно важное значение: оно символизирует космос. Согласно восточной философии, космос — источник всякой жизни, «пустота содержит все». Все приходит из пустоты, и все уходит в нее.

В картине японского художника Ватанабэ Кадзана (1793—1841) «Весна» нежный пейзаж дан как бы намеком, но так мастерски, что этого вполне

Сузани — декоративное панно. Узбекистан, XIX век.

достаточно, чтобы зритель в своем воображении мог завершить прекрасный образ весенних гор, покрытых чарующей дымкой цветущих вишен, почувствовал тихое, радостное настроение двух путников, ощутил свою причастность не только этому тихому уголку, но и всему беспредельному миру Природы.

Работа души зрителя требуется для восприятия любого настоящего произведения искусства, но в дальневосточной живописи она является особенно важной. Можно человеку объяснить непонятное, подтолкнуть его воображение, но истинную радость от встречи с искусством он может испытать, только оставшись наедине с творением художника.

«Райский сад»

Бывает так, что человек долго, старательно всматривается в произведение, но оно не раскрывается ему. Это происходит оттого, что в иных случаях зрителю необходимы и некоторые знания.

Например, не каждый из тех, кто впервые увидит замечательные узбекские сузани — декоративные вышитые панно,— сразу оценит их по достоинству. Для этого в первую очередь нужно иметь общее представление о народном искусстве, о его склонности к яркой декоративности, цветным орнаментам. Во-вторых, нужно знать, что сузани в традиционном узбекском доме покрывали днем постели, завешивали стенные ниши, где хранились различные вещи. Большие, нарядные вышивки с крупными орнаментами очень украшали строгие, почти без мебели комнаты с глинобитными стенами. Красочные образы сузани напоминают цветущий сад: здесь и цветы, и гибкие ветви с фигурными листьями, и плоды. Во время праздников, свадеб сузани в наши дни украшают наружные стены домов и ограды дворов. Вышивки словно сохраняют тепло человеческих рук, выдумку мастериц, и в то же время они доносят до нас некоторые представления жителей Средней Азии. Круг, к примеру, часто изображает гранат, символ добрых пожеланий. Обилие красного цвета также не случайно: считалось, что этот цвет оберегает от болезней и дурного глаза. Для окрашивания нитей использовались растительные краски; выбор их был невелик, но опытные мастерицы, применяя всего 3—4 цвета, умели создавать яркие, выразительные сочетания.

Хотя у сузани основное назначение было самое будничное, некоторые из них стали истинными произведениями искусства. Они вобрали в себя представления узбеков о красоте. Встреча с ними доставляет большое удовольствие всем людям, уважительно, с пониманием относящимся к культурному наследию каждого народа.

Забавный мудрец

Каких только богов, больших и малых, добрых и злых, красивых и уродливых, не придумали люди за тысячи лет! В индийском искусстве среди сонма божеств нередко можно встретить изображение забавного толстяка с головой слона. Это популярный в народе бог мудрости Ганеша. Искусство скульптуры в Индии распространено очень широко. Наружные стены индийских храмов иной раз почти сплошь покрыты скульптурами.

Деревянный рельеф с изображением Ганеши выполнен в XVIII веке и когда-то был частью оформления огромной колесницы бога Джаганатха,

Бог мудрости Ганеша. Индия, XVIII век.

которая представляла подобие храма. Маленький рельеф с Ганешей явно был не самым заметным и важным среди большого количества других. Однако, оторванный от общего ансамбля, он не потерялся и выглядит как самостоятельное произведение искусства. Он сделан из очень твердой породы дерева — тика, который называют индийским дубом. Резчика не испугала твердость материала, он мастерски выполнил почти объемную фигуру Ганеши, всего несколькими деталями создал впечатление пышного тропического леса. Ганеша выглядит вполне серьезно и даже торжественно, но очень легко представить, как он вдруг почешет свой толстый животик, хитро улыбнется и... примется за свои проказы.

Индийские боги часто изображались многорукими и даже многоголовыми, что свидетельствовало об их могуществе. Несмотря на это, они предстают в мифах и легендах очень похожими на людей. Ганеша изображается всегда умным, веселым, справедливым. В нескольких легендах рассказывается о том, почему у него оказалась голова слона. Ганеша родился прелестным младенцем, рассказывает одна из легенд, и его мать, богиня Парвати, устроила великий пир в честь своего сына. Она пригласила множество богов, и все они восхищались красотой ребенка. Только один сидел хмурый и не поднимал

Госиса, легендарный китайский поэт. Нэцкэ работы мастера Доракусая. Япония, конец XVIII века.

глаз от стола. Парвати потребовала, чтобы он тоже взглянул на ее сына, бог долго отказывался, чем сильно обидел Парвати. Наконец он сдался, посмотрел на мальчика и... все гости в ужасе вскочили со своих мест: у мальчика исчезла голова. Как оказалось, уходя из дома, этот бог поссорился со своей женой. Она не хотела отпускать его на пир, а когда муж все-таки отправился туда, жена с досады послала ему вслед заклятие: «Первый, на кого ты бросишь взгляд, лишится головы!»

Все на празднике растерялись, но отец ребенка — великий, могущественный бог Шива сказал, что, если сейчас же к телу ребенка приставить любую голову, он оживет. Раздумывать было некогда, мимо проходил слоненок, его голова волшебным образом оказалась на плечах сына Шивы. Мальчик ожил, но теперь у него была голова слона. Парвати продолжала рыдать. Однако Шива сказал, что голова слона не помешает Ганеше, когда он вырастет, стать самым веселым, умным и любимым богом в Индии. Так и произошло.

Вглядываясь в творения далеких мастеров, вслушиваясь в легенды и предания, мы учимся у других народов пониманию не только красоты, но также мудрости и добра.

Поэт-труженик

Пожалуй, никакой другой народ в мире, кроме японского, не достиг такого разнообразия и совершенства в искусстве миниатюрной скульптуры. Маленькие скульптурные фигурки, получившие название нэцкэ, распространились в Японии с XVII века, когда у мужчин-горожан вошло в обычай носить у пояса трубку, кисет, кошелек, державшиеся на шнурке с помощью брелока — нэцкэ. Мастера-резчики изготавливали нэцкэ из дерева, слоновой кости, металла, камня. В нэцкэ нашли широкое отражение повседневная жизнь и быт простых японцев, а также их сказки и легенды. Мастер Доракусай, живший в XVIII веке, изобразил легендарного китайского поэта Госису, который якобы на одном из поэтических состязаний написал превосходные стихи, держа в одной руке кисть, а в другой — массивную бронзовую курильницу. Этим он хотел подчеркнуть, что труд поэта, легкий на первый взгляд, тяжелее и утомительнее физической работы. Скульптор замечательно передал напряжение всей фигуры поэта, его сосредоточенность. Несмотря на крохотный размер (высота 4,9 см), нэцкэ легко выдерживает увеличение, что свидетельствует о большом мастерстве автора. Лучшие нэцкэ отличаются тонкой передачей деталей и выразительностью, с ними связаны занимательные сюжеты. Не случайно в последние годы интерес к этому своеобразному виду декоративного искусства Японии значительно вырос во всем мире.

Три лика керамики

Перед вами три керамических изделия: две фарфоровые вазы и глиняный кувшинчик. На первый взгляд кувшинчик и одна из ваз, та, что покрыта однотонной светлой глазурью, теряются рядом с яркой, броской росписью другой вазы. Но

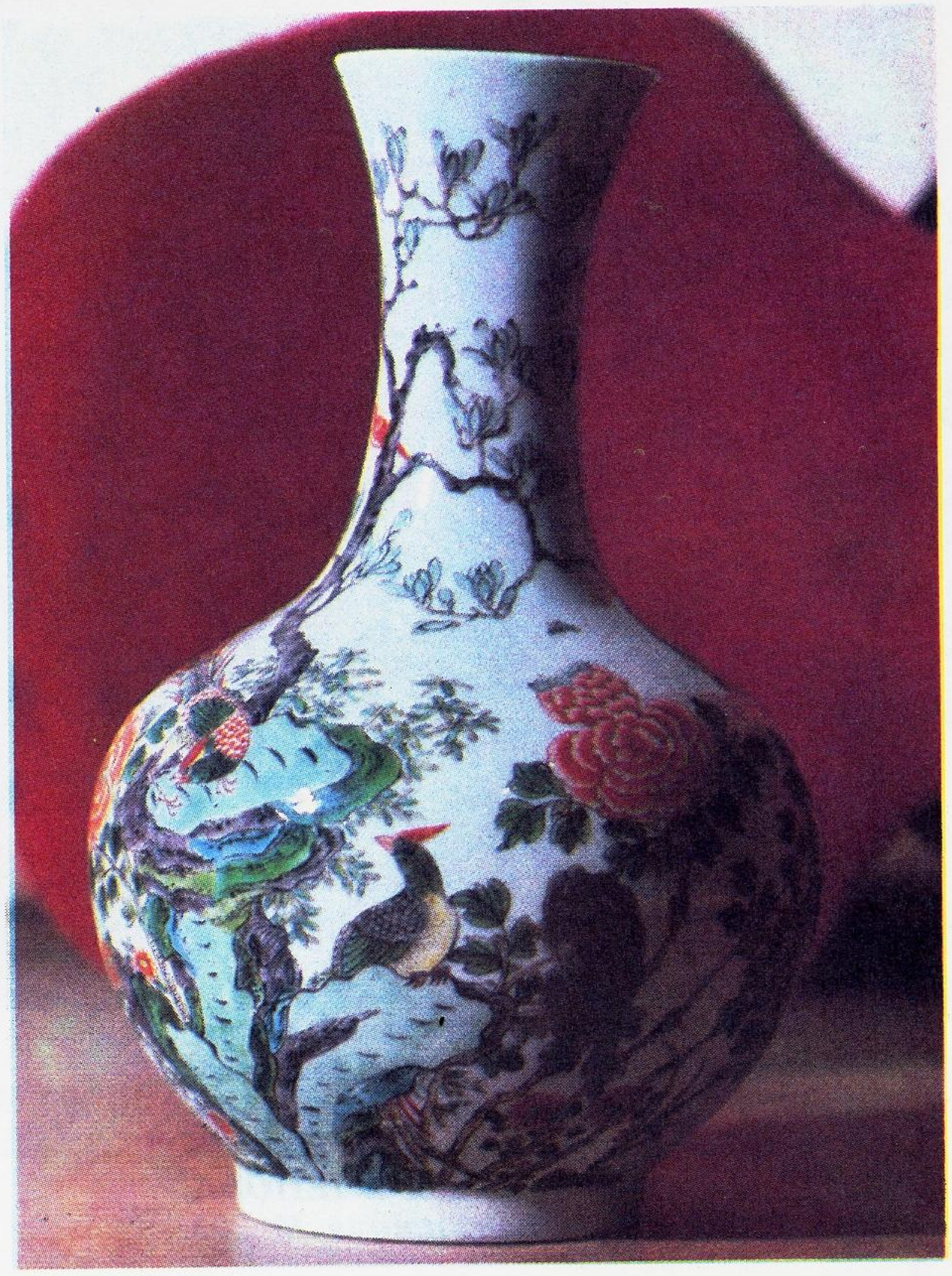
Лепной кувшинчик. VI век.

давайте, как ученый с молодым купцом, посмотрим на них внимательней.

Сосуды в форме кувшина встречаются практически у всех народов мира. Но облик их столь разнообразен, что только диву даешься. Наш кувшинчик был найден во время археологических раскопок на Кавказе, в Дагестане. Его изготовили в VI веке н.э. без применения гончарного круга. И хотя форма его вполне правильна, ручная лепка чувствуется в его слегка неровной поверхности. Необычный, своеобразный характер кувшинчику придает, конечно же, горловина в виде головы поросенка. Сосуды в виде животных у всех народов имели, помимо практического, еще и символическое значение: считалось, что они охраняют и содержимое сосуда, и дом, где он находится.

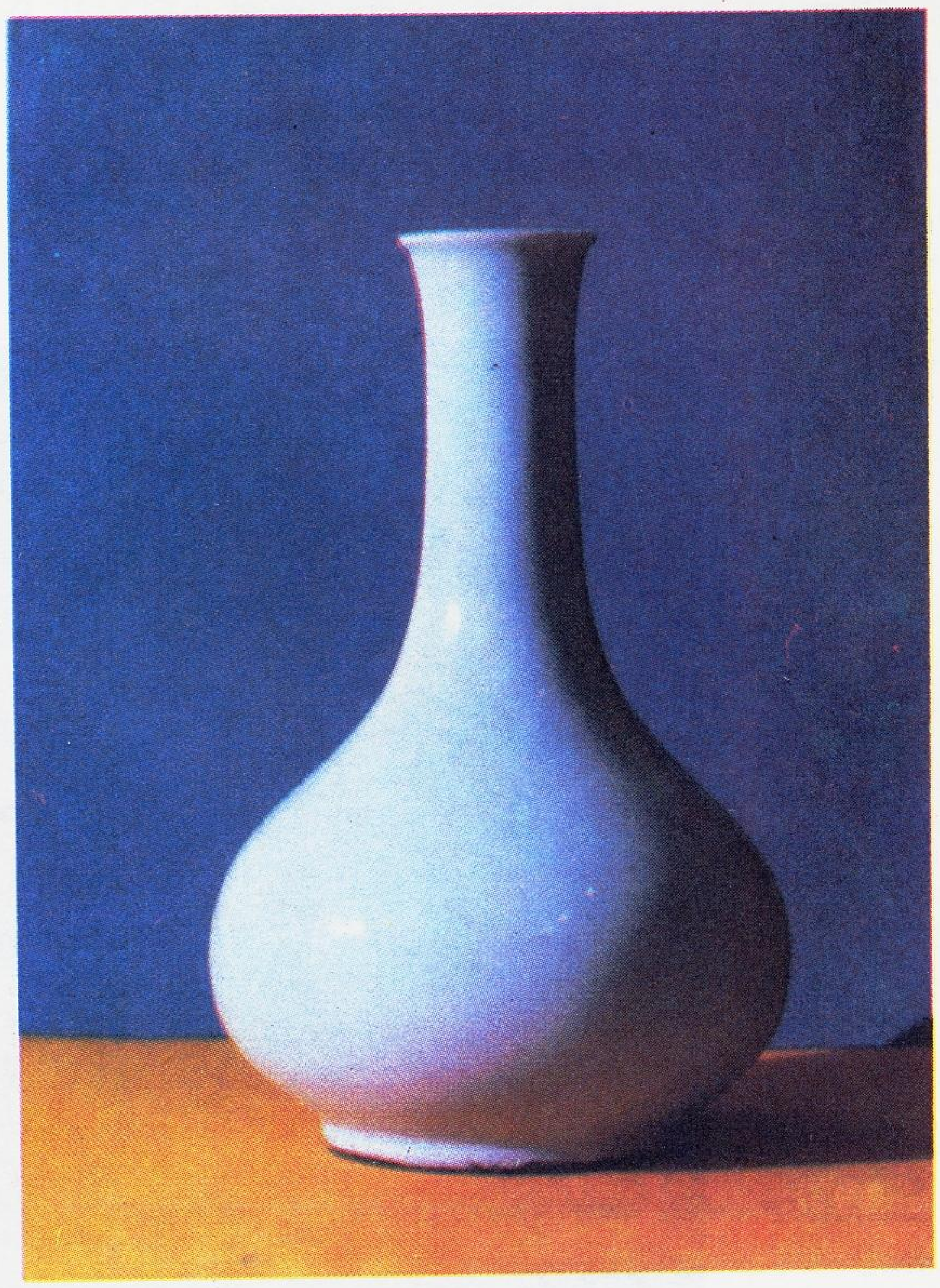
Удивительно, как умели народные мастера чувствовать форму, линию, пропорции! Посмотрите, как изящно тулово переходит в неширокую горловину, как красиво подчеркнута эта линия налепным жгутом. Мастер сумел создать очаровательный образ кувшина-зверушки — образ добрый, немножко смешной и художественно точный. Это произведение хранит свои тайны, но верится, что оно не просто использовалось в хозяйстве, но и было добрым духом семьи древних горцев.

У ваз, как и у кувшина, шаровидные тулова, но какие они все непохожие! В китайской вазе XVIII века форма во многом подчинена росписи. Стенки тулова круто круглятся, как бы специально для того, чтобы дать побольше места многоцветным изображениям цветов, птиц, деревьев. Но и роспись тоже связана с формой. Она более насыщенна в нижней части, что придает как бы большую устойчивость вазе, а вверху роспись уступает место ярко-белому фону, которым сам мастер явно любовался. Белый цвет считался в Китае одним из важных достоинств фарфора, который должен быть «белым, как снег, звонким, как гонг, и блестящим, как озеро в тихую лунную ночь». В вазе точно соблюдено соотношение между формой и росписью, отчего облик ее, празднично-нарядный и гармоничный, значительно выиграл.



Ваза с пионами и фазанами. Китай, 1-я половина XVIII века.

Корейская ваза, XIX век.



Корейская ваза создана в XIX веке. Ее гармония построена на иных принципах. За внешней скромностью таится приглушенная изысканность, за простотой формы — высокое совершенство. Внимательно глядя на ее чуть сплющенное тулово, начинаешь постепенно ощущать, что оно предназначено для того, чтобы в него налили воду, а строгое высокое горло — для того, чтобы в него поставили один-два цветка.

И можно быть уверенным, что с нежным тоном глазури прекрасно будут сочетаться любые цветы и ветки.

В сказке молодой купец крепко подружился с ученым, благодаря которому ему открылся неведомый прежде великий мир красоты, присутствующий даже в небольшом, но настоящем произведении искусства.

Хочется надеяться, что для многих ребят мир прекрасного станет тоже близким и понятным, не разделенным на Запад и Восток. Однако, чтобы это произошло, нужно много смотреть, читать, думать, не ожидая, что кто-то придет и поможет, как ученый купцу, хотя такие счастливые встречи в жизни тоже случаются.

Вовсе не обязательно быть эрудитом и блистать познаниями в области культуры и искусства. Главное — чтобы прекрасное делало душу добрее, радостнее, очищало ум и пробуждало все самое лучшее, что есть в человеке.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

«Здравствуй, «Кораблик»! Посылаю тебе свои стихи, посвященные дню рождения Владимира Ильича Ленина, которые я написала, когда училась в 6-м классе».

Таня СЛЕПОВА,
город Ленинград, школа № 393.

Слово о Ленине

Над Россиею знамя реет,
Трудовое алое знамя.
Его завещал нам Ленин,
Поднял его над нами.
Он мечтал о будущем светлом.
Все сбылось. Его дело живет.
По его мечтам и заветам
Мы идем к коммунизму, вперед.
Не забудут о нем поколенья.
Пусть хоть годы, столетья пройдут,
С днем рожденья, товарищ Ленин!
Пионеры! Отдать салют!

*

Ирине ДАВЫДОВОЙ 11 лет, она шестиклассница школы № 4 города Орехово-Зуево Московской области.

Мир

МИР — это что-то большое, огромное.
МИР — это небо синее, звездное.
МИР — это много планет. Для меня
Лучшая в МИРЕ планета — Земля!

Есть и другой мир в большом этом МИРЕ:
Мирно, спокойно живем мы в квартире,
Трудимся, учимся в школе, растем,
Песни о мирном МИРЕ поем.

Ире СИЛАНТЬЕВОЙ 14 лет, она живет в Москве, учится в школе № 228, в 8-м классе. Стихи сочиняет давно, с 6 лет.

* * *

Зачем живу? Чтоб Мир счастливым стал
Чтоб сеять рожь и выплавлять металл.
А если Мир нарушит
Коварный враг и атом,
Его обезоружим мы,
Нам атом станет братом.
Нам войны не нужны.
Пусть мирно спят все дети.
Вот зачем живу я
На этом белом свете.

В деревне летом

Избушка с русской печкой.
Березки у ворот,
Лес за тихой речкой,
Стадо коров идет.

Кудахчут куры на насесте,
Горланят петухи,
И льется вкусный запах
У речки от ухи.

Бабуля возится у печки,
Таская чугунки,
Щенок разлегся на крылечке,
Вернулись рыбаки.
Несут улов из карасей.
И снова полон дом гостей.

*

Алеша МЯСОЕДОВ живет в городе Иваново, учится в 7-м классе школы № 1. Алеша сочиняет стихи и песни, любит рисовать, увлекается техникой.

Закат на море

Солнце светит в глаза,
И в лицо бьет радостный шум.
Бегу туда, где заката полоса,
На закат посмотреть спешу.

Бегу посмотреть,
Как солнечный свет
Уходит на своем пароходе.

И когда закат догорал
Своею ниточкой красной,
Проводив старый день, я сказал
Новому дню: «Здравствуй!»

Ненастье

Небо бело, и снег сероватый,
Проблеск счастья,
И ветки берез...
Я люблю зимою ненастье,
Я люблю, когда все слилось.
Тихо снег снегопадом падал,
И стоял последний мороз.
Я плутал в тиши снегопада
И веселье в себе я нес.

*

«СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД»
нарисовала Рано САИДОВА, 10 лет.

*

Москвичка Ира СЕДЛОВСКАЯ давно переписывается с Капитаном «Кораблика», по его советам переделывает свои стихотворения. Вот одно из них.

Симфония

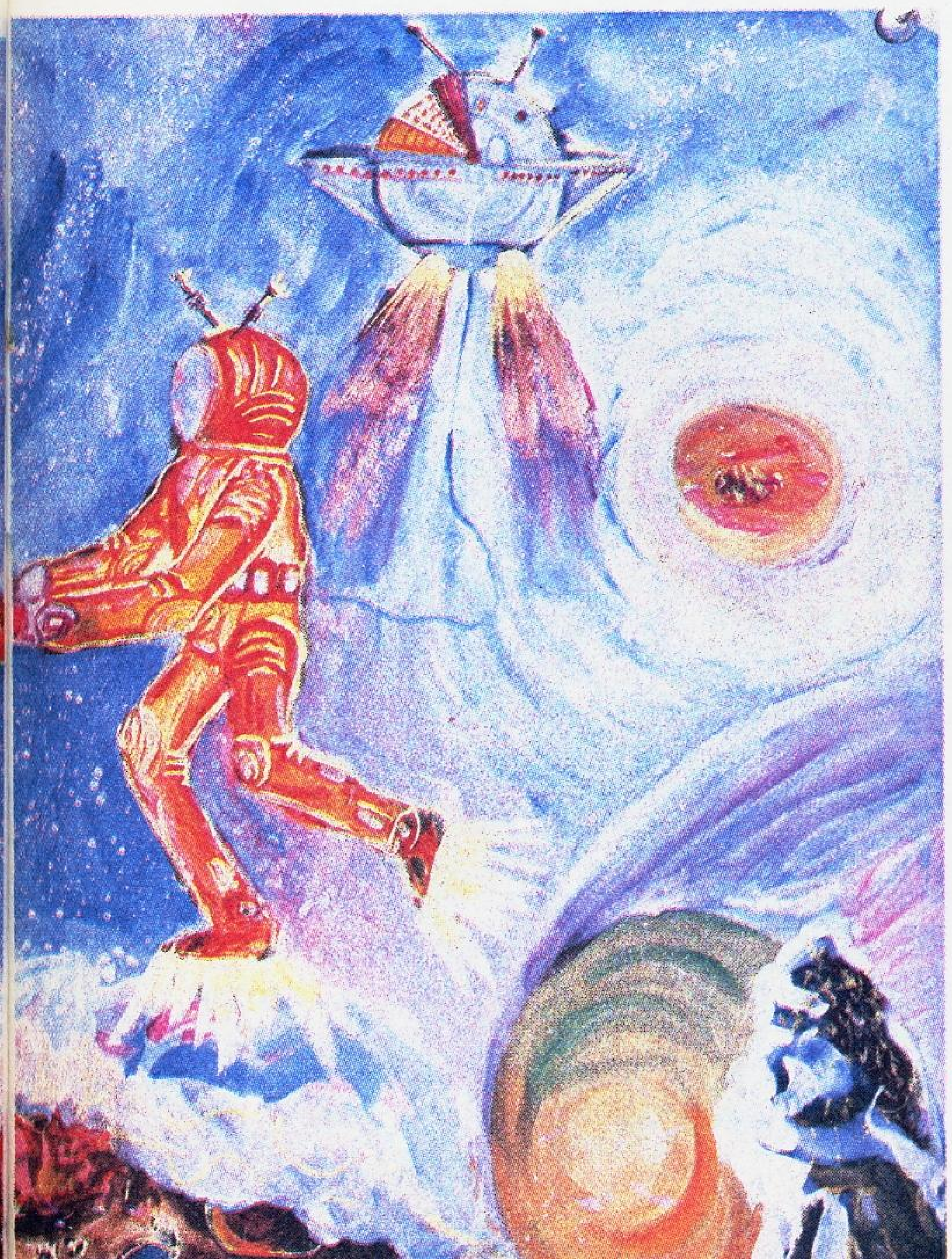
Природа проснулась, умылась, оделась.
Послушать симфонию ей захотелось.
Сидят на ветвях музыканты-щеглы.
Нарядны, изящны и очень милы.

Места занимают синицы, скворцы,
Зарянки и зяблики. Вот молодцы!
Внизу, на пенечке,— журавль-дирижер.
Артисты готовы. Тональность — мажор.

Симфония — гимн «Прославленье Весны»,
Мелодии гимна полны новизны.
Торжественны звуки; в них радость, мечты...
Прекрасно! Чудесно! Примите цветы!

Прошлым летом Капитан спросил у Иры, сколько ей лет. На вопрос она ответила стихами.

В сентябре мне 10 лет.
Это много или нет?
Думаю, уже немало:
Говорят, я взрослой стала.
Почему же часто я
Слышу строгое «нельзя»?



«В КОСМОСЕ — МИР!» — *работа Владика ЛАЗАРЕНКО, 11 лет.*

Александр ЛЕСЬ

Скатерть-самобранка, или Сказка о том, как Иван-богатырь для всех счастье добыл

Рисунки А. БОРИСОВА.

Было это в стародавние времена.

В суровом краю, в деревеньке малой жил молодец, по имени Иван-богатырь. Росту он был богатырского и силу имел великую, красив и статен был, но презирал он черный труд крестьянский и время проводил в праздности.

Укоряли люди Ивана, что ведет он жизнь бездельную, когда вокруг народ спины не разгибает, из нужды не выбивается. На то отвечал Иван:

— Кабы разом весь народ сытым да счастливым сделать, я бы не то что труда — жизни бы не пожалел! А сохой тощую землю ковырять — не по мне это дело!

Слушали старики Ивановы слова и головами качали, а молодые поддакивали да за ним повторяли.

Проезжали через ту деревню купцы, на ночлег остановились. Рассказали они о чуде чудном: будто за далью дальней, за лесом дремучим, у мертвой дубравы живет чудище страшное — колдун силы необыкновенной, Ведуном прозываемый. Прячет-де он от людей скатерть-самобранку. А скатерть та безо всякого труда сколько есть народа прокормить может.

Как прослышал про то Иван, решил идти, добыть у чудища скатерть-самобранку и всех навек от нужды избавить.

Отковали Ивану палицу девятипудовую, чтобы с колдуном биться, собрали хлеба да припасов разных в дорогу, да и проводили в дальний путь с добрым напутствием.

Пошел Иван-богатырь в даль далекую: через поля, через леса, мимо деревень сивых да городов белокаменных. Мелкие речушки перешагивает, большие вброд переходит; леса да горы пред ним расступаются, перед его силой богатырскою.

И вот среди лесов дремучих набрел он на поляну малую.

Стоит посреди той поляны избенка — по окошко в землю ушла, по крышу мохом поросла. На пороге избенки сидит старик седой, во все белое одетый. Поклонился ему молодец и спрашивает:

— Не скажешь ли, добрый человек, где мне чудище найти, что Ведуном прозывается? Я с ним сразиться иду.

— Скажу,— отвечает старик,— отчего ж не сказать. Я и есть Ведун. Меня, стало быть, ты ищешь.

Не поверил Иван-богатырь, рассердился:

— Смеешься надо мной, старик? Я не затем семью семь лесов прошел да девятью девять рек переплыл, чтоб твои потешки слушать!

— Не смеюсь я над тобой! — отвечал старик и встал перед Иваном во весь рост. Борода его длинная на траву белыми волнами упала.— Я зовусь Ведуном, только не чудище я, а старик, который счет своим годам потерял. Тайны трав да корений ведаю, болезни лечу, зло отвожу — вот и идет обо мне молва. А добрая слава всегда злыми наговорами обрастает, как ладья речной слизью. Люди злые да завистливые распускают обо мне слухи злобные, колдуном да чудищем меня обзывают. Так что ко мне ты шел; я — тот, кто тебе нужен.

Смутился добрый молодец:

— Прости ты меня, старый человек, за слова мои грубые. Поверил я недобрым людям — со злом к тебе шел. Сказывали купцы проезжие, что есть у тебя скатерть волшебная, которая сама поит и кормит. Ее и шел я у чудища отнять в бою честном.

Нахмурился старик:

— Есть у меня такая скатерть. Но коли ты пришел в чужой дом, чтоб не свое силой взять, то не называй это честным делом.

Еще больше смутился Иван:

— Не кори меня, добрый человек. Не для себя только хотел я скатерть добыть — народ накормить досыта хотел. С рассвета до заката люди

в стороне моей родимой трудятся, а сыты не бывают.

— Ну что ж,— говорит старик,— дам я тебе эту скатерть, коли сослужишь ты мне за три дня три службы да за четвертый день службишку.

Согласился Иван-богатырь с радостью. Оставил его старик у себя, спать уложил.

Утром, на рассвете, будит старик Ивана-богатыря.

— Вот,— говорит,— тебе, молодец, первая служба. За поляной моей увидишь мертвую дубраву. Тысяча дубов столетних стоят стеной непроходимой; вверху ветвями переплелись, внизу корнями сцепились — все соки из земли выпили и сами умерли. Надо эти дубы выкорчевать, земле роздых дать. Сделаешь до заката?

— Сделаю,— отвечает Иван-богатырь.

Трудно пришлось Ивану — хоть сила в нем богатырская, но к труду привычки нет, сноровки не хватает. Сто потов с него сошло, ладони в кровь стерлись, пока выкорчевал чащобу. С закатным лучом солнца вырвал из земли последний дуб.

Приплелся в сумерках в избенку.

— Выполнил,— говорит,— твою службу. Разверни-ка, дедушка, свою самобранку — устал я да голоден очень.

— Нет,— отвечает старик.— Ты покуда не заслужил скатерть, а сам я ею не пользуюсь. Ем то, что лес дает. И ты того поешь.

Съели они по жмене лесных ягод да по два ореха, запили водой дождевой и спать легли.

Утром, едва заря, вновь Ведун разбудил молодца.

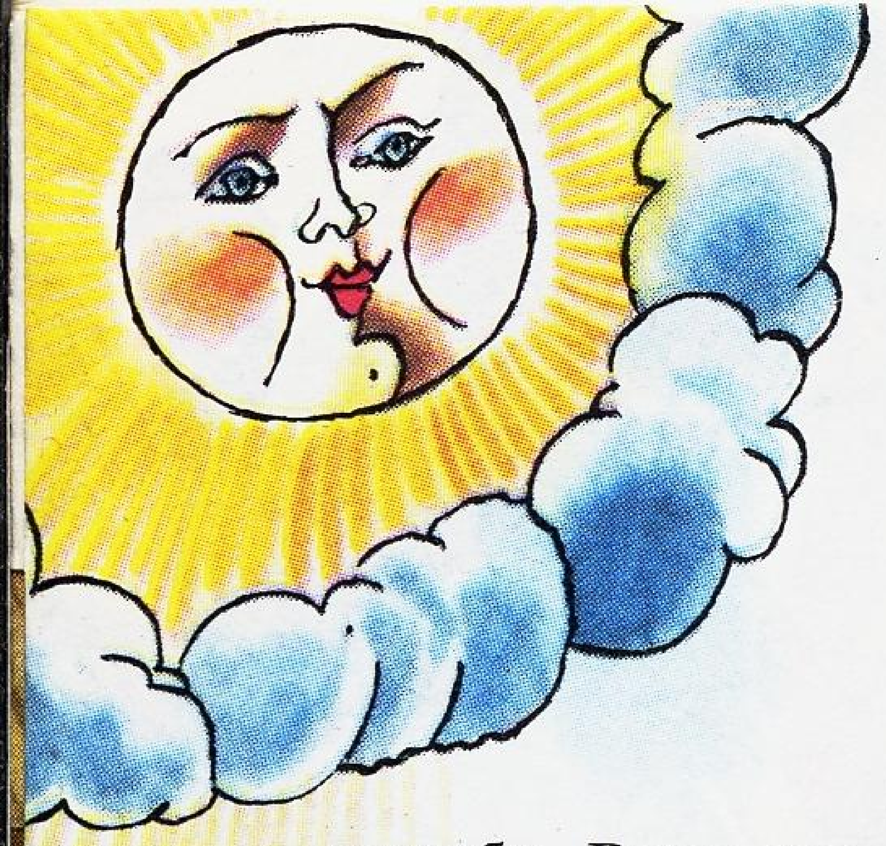
— Сегодня сослужи мне вторую службу. Земля, что ты раскорчевал, борозды ждет. Да только ни коня, ни сохи, ни другой крестьянской снасти у меня нет. Надо соху сладить да ту землю вспахать. Сделаешь до заката?

— Сделаю,— отвечает Иван.

Чтоб соху-то сладить — одной силы мало. Вновь пришлось Ивану-богатырю туго, пока из дубового корневища, самого большого да крепкого, соорудил он соху, а палицу девятипудовую к ней вместо сошника приладил. Впрягся в нее — сам себе и конь и пахарь — и принялся за работу. Тяжко потрудился Иван-богатырь, сапоги в пыль стоптал, однако до заката управился — вспахал поле!

Приполз в избенку.

— Выполнил я,— говорит,— и сегодняшнюю



службу. Вели скатерти-самобранке подавать пить, есть — голоден я.

— Нет,— говорит старик.— Сослужишь третью службу да еще службишку, получишь скатерть в свое пользование, тогда и будешь с нее пить-есть. А пока ешь, что лес дает.

Поели они опять лесных ягод с орехами да запили водой дождевой.

Лег Иван-богатырь спать, а уснуть не может. Чудно ему, что старик сам впроголодь живет и его, Ивана, голодом морит, когда у него скатерть-самобранка есть. Не обман ли тут? Может, и нет у старика никакой скатерти? Однако решил обождать, посмотреть, что дальше будет. А про скатерть больше не спрашивать.

Утром, еще роса не упала, будит старик Ивана-богатыря.

— Настал,— говорит,— черед третьей службы. Поле, что ты вчера вспахал, без воды истомилось. Есть поблизости могучий родник, да запрятан он в скале. Надо ту скалу расколоть, живую воду освободить. Сделаешь до заката?

— Сделаю,— говорит Иван.

Пошел к той скале, а ей и краю не видно. Взял свою палицу девятипудовую и давай ею скалу крушить. Весь день долбил, не переставая, палицу до рукоятки сбил, однако пробил скалу — потекла из нее вода, сначала тоненькой струйкой, а затем широким ручьем. Жадно пила земля ту воду, силы свои восстанавливала.

Вернулся Иван-богатырь к избенке, поел молча лесных ягод да спать лег.

Проспал молодец до полудня, проснулся, а Ведун ему и говорит:

— Что ж, Иван, сослужил ты мне за три дня три службы — осталась еще службишка. Ступай, брось в землю эти зерна да возвращайся за скатертью-самобранкой,— и дает Ивану крохотный мешочек. Заглянул Иван в мешочек, а там щепоть пшеничных зерен. Удивился Иван — стоило из-за такой малости жилы рвать,— но ничего не сказал. Пошел, раскидал по полю зерна. Вернулся, а старик уж самобранку ему подает:

— Получай, молодец, волшебную скатерть-самобранку. Положи ее перед собой и скажи: «Накорми-напои всласть меня одного».

Взял Иван скатерть и залюбовался: узоры на ней золотом шиты, кайма жемчугами унизана, а бахрома по краям серебряной нитью перевита.

— Накорми-напои всласть нас двоих! — только сказал Иван эти слова, развернулась скатерть, а на ней всяческое угощение, питье и сладости — и все на двоих. Обрадовался тут Иван несказанно, Ведуна стал приглашать. Старик, однако, от угощения отказался, а пообедал, как и в прежние дни, лесными ягодами да орехами. Иван же богатырь съел все за двоих, да еще ему мало показалось. Но второй раз просить скатерть не стал — старика постыдился.

Положил Иван-богатырь скатерть в котомку, поблагодарил Ведуна, поклонился ему в пояс, да и зашагал в обратный путь напролом, через чащу лесную.

Идет Иван день, идет другой. Захочет есть — сядет под деревом, скатерть перед собой положит, прикажет: «Накорми-напои всласть меня одного». А скатерть уже знает его аппетит — на троих подает. Поест, попьет Иван-богатырь, растянется на траве во весь рост, да и размечтается о том, как принесет он своим землякам сладкую жизнь вольготную, без труда, без забот.

Шел так Иван-богатырь долго ли, коротко ли — забрел в темный лес. Напали тут на него девять разбойников, ограбить хотели. Раскидал их Иван-богатырь, чуть не зашиб до смерти. Взмолились разбойники:

— Не губи нас, добрый молодец! Не от хорошей жизни мы на тебя напали. Седьмой день как волки по лесу рыщем — маковой росинки во рту нет. Думали, хоть у тебя хлебцем разживемся.

Засмеялся Иван-богатырь, достал скатерть-самобранку, шепнул: «Накорми-напои всласть нас десятерых». Расщедрилась скатерть — пей, ешь до отвала. Наелись разбойники, напились досыта, а потом и говорят Ивану:

— Возьми нас с собой, добрый молодец. Мы ведь в разбойники подались, чтобы есть, пить вдоволь да не работать. А с твоей скатертью мы враз честными людьми станем. Оно ведь грабить тоже не мед. Попадется молодец вроде тебя — ребра переломает.

Согласился Иван-богатырь: все разбойников на земле поубавится, а скатерть, она всех прокормит. И пошли они дальше вдесятером, молодецкие песни распевая.

Скоро леса поредели, стало жилье попадаться. Иван-богатырь с товарищами в каждой деревне, в каждом городе скатерть раскидывал, пир затевал, угощал всех щедро. Народ вдоволь пил, ел, веселился. Многие к их компании приставали, чтоб всегда без труда сытыми быть. Теперь уж целая рать за Иваном шла. Как на обед садились — доброе поле собой укрывали. В центре — Иван, как крикнет над скатертью: «Накорми-напои всласть нас тысячу!» — и пошел пир горой, аж небесам жарко.

Однако, чем ближе к родной сторонке, тем больше стало на их пути разоренных деревень встречаться. Люди там черны от голода. Те еще охотней к Ивановой рати пристают: им уж разносолов не надо — хоть бы хлебца ломоть. Уже целый океан людской за Иваном-богатырем катится. На привалах скатерть волшебная всех кормит-поит.

Так и пришел Иван-богатырь со своей ратью на родную землю. А там опустошение, какого свет не видывал: ни травинки, ни былинки вокруг, земля пустая, пыльная.

Не узнали земляки Ивана, решили, что враг пришел с несметным войском разорить их. Вышли навстречу, от слабости шатаются, детишек на руках несут.

— Остановись, чужинин! — просят.— Поверни назад свое войско. Нечего тебе у нас взять. Свалилась на нас беда страшная — голод пришел. Только три черных сухаря у нас и осталось.

Смотрит Иван: у детей в руках три черных сухаря заплесневелых.

— Не грабителем я к вам пришел, люди добрые! Принес я вам радостную жизнь, привольное житье. И голодать вы больше не будете!

И метнул Иван на пыльную землю скатерть-самобранку:

— Накорми, напои всласть нас всех сколько ни есть!

Развернулась скатерть, а на ней — три черных сухаря.

Поднял Иван-богатырь глаза — на него детишки смотрят, пустые ручонки к грудкам прижимают.

Понял тут молодец, чем скатерть-самобранка кормила его и всю бездельную братию. Сгреб он скатерть в охапку, растолкал народ и пустился бежать.

Днем и ночью бежал, дороги не разбирая. Ворвался в дремучий лес, пробился на поляну малую, упал на порог замшелой избенки. Отдышался, поднял голову: над ним старик Ведун стоит.

Вскочил Иван-богатырь:

— Что же это за скатерть у тебя, старик? Она же у других кусок отнимает, чтоб меня кормить!..

— Так оно и есть,— отвечает старик.— Скатерть, даже волшебная, ни пахать, ни сеять не может. А сладкая еда да питье из воздуха не родятся.

Обхватил молодец руками буйну голову, упал на колени.

— Что же я наделал, окаянный! Тысячи людей от земли оторвал, несбыточной мечтой поманил. Люди и так жили впроголодь, а я их совсем разорил!

— Не горюй, молодец! Знаю, доброе у тебя сердце и хотел ты для всех счастье добыть. Только не за тем чудом ты в путь отправился. Чтоб всех счастливыми сделать, другое чудо надобно.

И повел старик Ивана туда, где меж деревьев свет пробивался. Вышли они к полю, что Иван корчевал, пахал да засевал. Только не узнал богатырь поля, зажмурился от света нестерпимого. Ходит перед ним золотыми волнами, сияет на солнце невиданная пшеница — литой колос. А в колосе зерно — с яйцо голубиное.

Старик Ведун усмехается:

— Вот она, скатерть-самобранка — земля наша. Только она всех накормить может. Но для этого ей твой труд нужен. Трудом своим ты ее, мертвую, за три дня в плодородное поле превратил.

Собрал Иван-богатырь небывалый урожай, нагрузил воз до неба и повез по земле разоренной. Помогал людям поля пахать, хлеб сеять. Везде его богатырской силе дело нашлось.

Заколосилась по всей земле чудо-пшеница. Разогнул народ спину, раздвинул нахмуренные брови, улыбнулся счастливо.

Так Иван-богатырь сдержал слово: добыл счастье для всех.

Агния Барто

(1906—1981)

Агния Барто в детстве мечтала стать балериной. Она училась балетному искусству и даже окончила балетное училище. Когда я ее впервые увидел — молодую, высокую, красивую,— бросалась в глаза ее артистичность, легкость походки. Но балериной Барто не стала. Потому что совсем другое призвание было у нее. Не балериной родилась она, а поэтом. Поэтом детским. Танцевать любят все девочки, а писать стихи стремятся далеко не все. Агния Барто начала писать стихи чуть ли не в первом классе. И стремление к поэзии росло с каждым годом, становилось все сильнее.

Агнии Барто посчастливилось встретиться со многими замечательными деятелями советской культуры — Луначарским, Горьким, Маяковским, Маршаком, Чуковским. Они-то и распознали в ней талант детского поэта.

С первых лет своей литературной жизни Агния Львовна чутко прислушивалась к детям. Я помню ее всегда окруженной детьми. В школе, клубе, пионерском лагере, Доме детской книги, библиотеке, у себя дома... И те, кто с ней ездил по разным странам,— а Агния Барто объехала почти весь мир,— вспоминают, что в любой стране она стремилась прежде всего встретиться с детьми. Агния Львовна писала по этому поводу: «Нужны не отдельные встречи с детьми, а постоянные живые наблюдения». И потому, пожалуй, достоянием миллионов детей, а затем и взрослых (ведь все дети становятся взрослыми!) стали стихи Барто. Кто из нас не помнит, например, такие строки: «Идет бычок, качается...» или «Лешенька, Лешенька, сделай одолжение...»? Иногда, выступая перед детьми, Агния Львовна делала вид, что забыла строчку,— и сейчас же весь зал ей дружно подсказывал...

Одной из первых и самых важных для поэта была книга «Братишки». Это книжка о детях разных стран, об интернациональном детском братстве. Детей не берут в солдаты, они не сражаются с винтовкой на поле боя, но они являются между тем первыми страдальцами войны: ее безответными жертвами. Агния Барто это видела своими глазами, когда в 1937 году побывала на писательском конгрессе в Испании, охваченной пламенем гражданской войны.

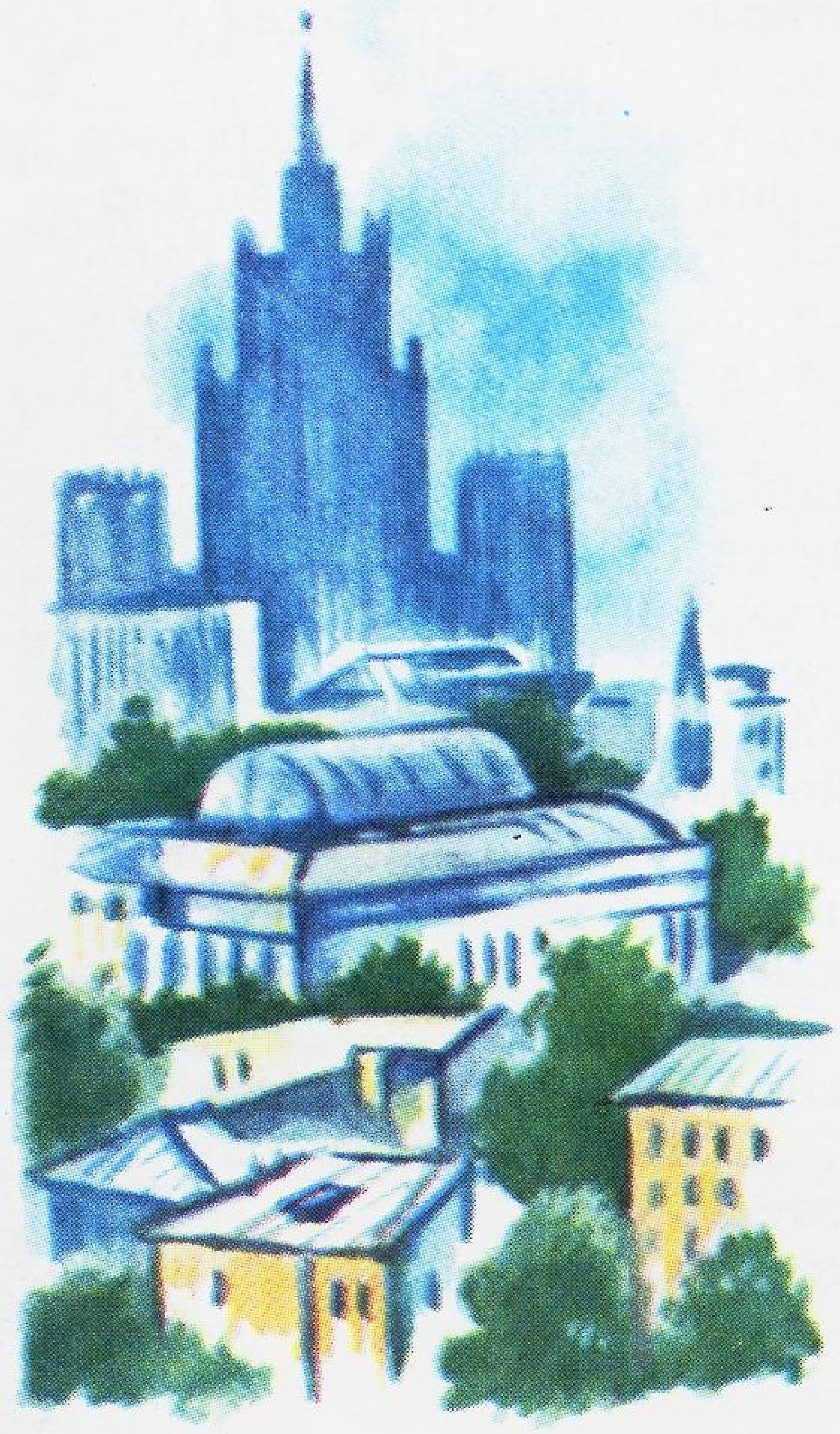
А после Великой Отечественной войны на радиостанции «Маяк» Агния Барто много лет подряд вела передачу «Найти человека». К ней в редакцию приходили сотни, тысячи писем от людей, которые во время войны потеряли родителей, братьев, сестер. И писательница зачитывала эти письма по радио, старалась по самым маленьким приметам помочь отыскать близких. 927 семейств соединились благодаря передаче «Найти человека»!

Агния Львовна Барто была известной и в нашей стране, и за рубежом общественной деятельницей. К ее голосу прислушивались во всем мире. За свою прекрасную поэзию она была удостоена высоких наград Родины — Ленинской премии и Государственной премии СССР. Еще многие-многие поколения пронесут сквозь всю свою жизнь добрые и вечные стихи Агнии Барто.

Лев РАЗГОН

Агния БАРТО

Бабочка в городе



Весенний день... В окно трамвая
Влетела бабочка живая.
Влетела бабочка в окно,
Цветная, как в цветном кино.

— Вот пассажирка без билета! —
Ей говорит кондуктор вслед.
Она уже далеко где-то,
Ее давно в трамвае нет.

Она летала по вагону,
Оранжевая, с ободком...
Она уже в кустах зеленых
На новом сквере городском.

Она на солнышке резвится,
Она считает всю столицу
Огромным садом, цветником.

На букву «Л»

Не удивляйтесь — я влюблен,
Хотя и сам я удивлен,
Понять не в состоянье,
В каком я состоянье.

Влюбленный, удивленный,
Хожу я за Аленой,
За шапочкой зеленой.

Я с ней недавно во дворе
Случайно рядом сел,
И вот ищу я в словаре
Слова на букву «л»:
«Любовь», «Любить»,
«Любимым быть»...

Словарь меня не подведет.
Сижу, склонясь над ним,
И узнаю: «Любимый тот,
Кто кем-нибудь любим».

Я изучаю вновь и вновь:
«Любить — испытывать любовь».

Нет, я, по правде говоря,
И начитавшись словаря,
Понять не в состоянье
В каком я состоянье.

Влюбленный, удивленный,
Хожу я за Аленой,
За шапочкой зеленой.

Я лишний!

Окапывали вишни.
Сергей сказал: — Я лишний.
Пять деревьев, пять ребят —
Я напрасно вышел в сад.

А как поспели вишни,
Сергей выходит в сад.
— Ну нет, теперь ты лишний! —
Ребята говорят.

Я люблю ходить вдвоем

Я люблю ходить вдвоем
В поле, в лес, на водоем,
Я люблю пускаться в путь
Не один, а с кем-нибудь.

Я люблю кричать: «Гляди!
Посмотри! Постой-ка!
Видишь, речка впереди,
Лодок, лодок сколько!..»

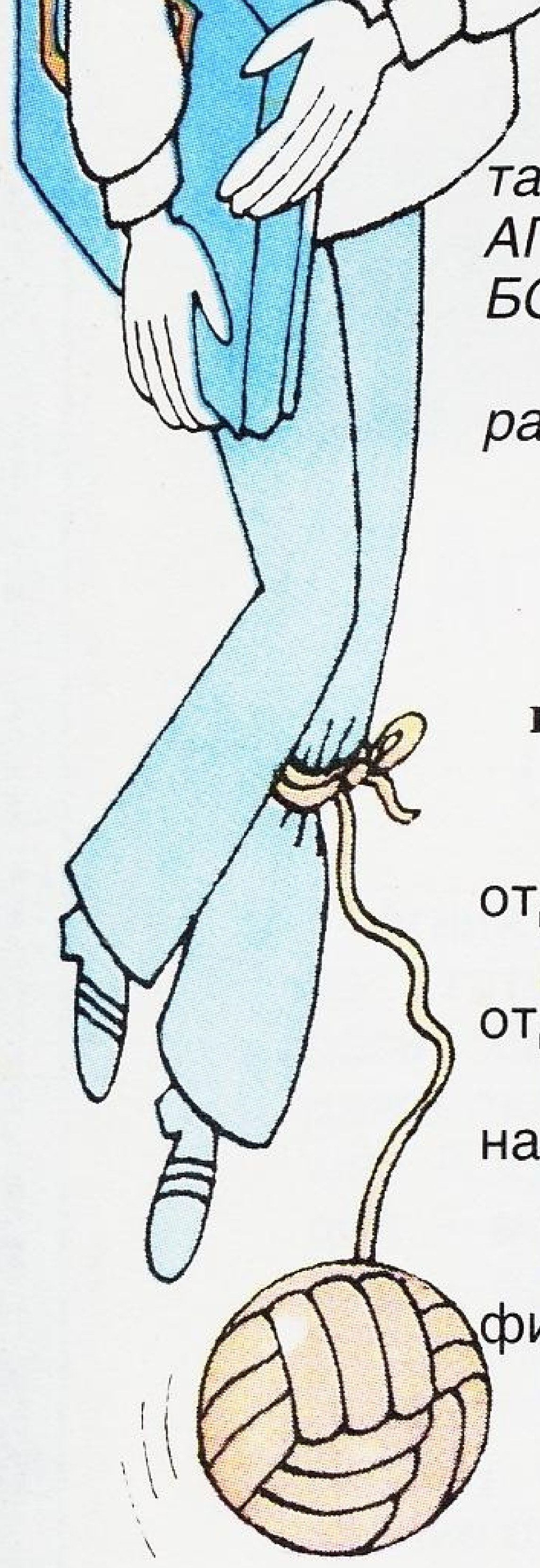
И с обрыва, с высоты
Я зову: «Ау! Где ты?
Погляди с обрыва,
Как вокруг красиво!»

Я один брожу в лесу...
(Так бывает редко.)
Задрожала на весу,
Закачалась ветка.

Белка в зелени густой
Скачет в перелеске.
Крикнуть некому: «Постой!»
Я один...

Мне красотой
Поделиться не с кем.

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ.



Думаете, это наша обычная ПЕРЕМЕНКА? Ничего подобного!

Этот номер журнала вы когда получили? В первый день месяца? Если нет — считайте это первоапрельской шуткой! А если да — то все равно с ПЕРВЫМ вас АПРЕЛЯ! Потому что ПЕРЕМЕНКА будет не ОБЫЧНАЯ, а САМАЯ-ПРЕСАМАЯ БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНКА В ГОДУ.

Что же на этой ПЕРЕМЕНКЕ делать? Как всегда: одним — отдыхать, другим — работать! А чтобы было ясно, кому чем заниматься, мы издаем целых два приказа.

Итак, звонок!

ПРИКАЗ № 1

в ознаменование САМОЙ-ПРЕСАМОЙ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНКИ В ГОДУ.

1. На САМОЙ-ПРЕСАМОЙ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНКЕ категорически предлагается отдохнуть следующим писателям:

Павлу ФРЕНКЕЛЮ — от своей напряженной работы заведующего серьезным отделом очень серьезного журнала «Детская литература»;

Виктору КОНЯХИНУ — от написания больших юмористических рассказов за написанием малых;

Льву УСТИНОВУ — от сочинения пьес и сделать это уже второй раз в году;

Григорию ОСТЕРУ — от своих «Тридцати восьми попугаев» и прочих мультфильмов;

Михаилу КАНЕВСКОМУ — от работы врача за распеванием песенок.

(О тех, кто будет не отдыхать, а работать на этой ПЕРЕМЕНКЕ, см. ПРИКАЗ № 2.)

Не очень научный трактат о том, где живут некоторые слова

Слово «лен» живет в зеЛЕНке,
в кинопЛЕНке и продЛЕНке,
в семикласснице АЛЕНке —
я семь лет в нее влюбЛЕН.

А моя сестрица Ира
проживает в слове «лИРА»,
в СИРАкузах есть квартИРА,
там, представьте,—
тоже Ира.

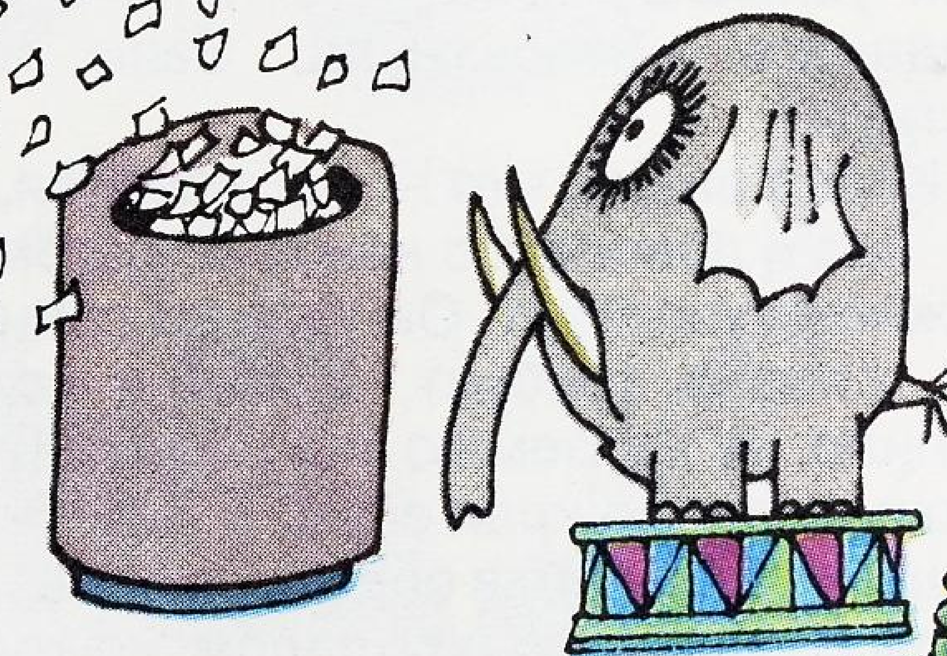
Где живет словечко «ах»?
В АХиллесовых пятАХ,
там, где крАХ,
и там, где страХ,
в трАХеите, в АХинее,
Ну, и
в АХовых стихАХ!

Наш зооуголок

Когда у Серого волка брали интервью, он с гордостью заявил, что весь состоит из серого вещества: и мозги, и хвост, и все остальное...
Не то, что некоторые...

Мечта

Наташа Сорокина мечтает скорее вырасти и работать в цирке. Для этого она каждый день по часу рвет бумажки и бросает их в урну. Наташа тренируется, чтобы стать в цирке хорошим билетером.



В мире увлеченных

Документы по истории своей парты собирает Витя Акимов.
В его коллекции уже 68 надписей, вырезанных различными режущими инструментами, и 267 всевозможных чернильных пятен.

Червяк

То —
по суше.
То —
по луже.
Где —
пошире.
Где —
поуже.
Все
ползет,
ползет
Червяк
и
Не кончится
Никак.

Зебра

На поле резвятся лошадки.
Играют в пятнашки и прятки.
А зебра стоит за кустами,
Стесняясь к ним выйти в пижаме.

Драчливый Козел

Жил в одном лесу рогатый-прерогатый Козел. Страх как драться любил. Да не просто драться, а со скандалом. Мало ему было в драке победить, ему еще и до, и после кого-нибудь оскорбить надо.

Ну, подраться еще полбеды, а чтобы тебя оскорбили — кому охота... Вот и сворачивали с его дороги звери лесные, никто связываться не хотел.

Однажды в том лесу сверху жуткая молния сверкнула, а снизу такой гром ударил, что задрожала земля, затряслась, и там, где речка была, овраг бездонный образовался.

А Козлу что? Козлу на все наплевать: идет себе на водопой к бывшей речке, копытами по траве постукивает да по сторонам грозно покрикивает:

— У кого рога есть — подходи, а у кого нет — проваливай!

Еж услышал топот — отполз в сторону. Лягушка догадалась — отпрыгнула, Заяц и тот под куст шмыгнул.

А Козел видит, что все его боятся, по углам прячутся,— вот и доволен: с каждым шагом себя все важней и важней чувствует. Он уж и на солнце косо поглядывает, словно требует, чтобы и солнце дорогу ему уступило. А на землю и не смотрит.

Дошел так до края обрыва бездонного, не заметил, как шагнул, да там, в обрыве, и исчез на веки вечные...

Может, Козлу-то и поделом, но хорошо бы и другим понять: если все уступают тебе дорогу — подумай, туда ли ты идешь?

Известно, что послушным детям достаточно полезных советов. А как быть с детьми непослушными? Совсем недавно ученые открыли, что на них лучше всего действуют советы вредные. Поэтому два следующих стихотворения рекомендуется читать только непослушным.

* * *

Например, у вас в кармане
Оказалась горсть конфет,
А навстречу вам попались
Ваши верные друзья.
Не пугайтесь и не прячьтесь,
Не кидайтесь убегать,
Не пихайте все конфеты
Вместе с фантиками в рот.
Подойдите к ним спокойно,
Лишних слов не говоря,
Быстро вынув из кармана,
Протяните им... ладонь.
Крепко руки им пожмите,
Попрощайтесь не спеша
И, свернув за первый угол,
Мчитесь быстренько домой.
Чтобы дома съесть конфеты,
Залезайте под кровать,
Потому что там, конечно,
Вам не встретится никто.

* * *

Если не купили вам пирожное
И в кино с собой не взяли вечером,
Нужно на родителей обидеться
И уйти без шапки в ночь холодную.
Но не просто так бродить по улицам,
А в дремучий темный лес отправиться.
Там вам сразу волк голодный встретится,
И, конечно, быстро вас он скушает.
Вот тогда узнают папа с мамою,
Закричат, заплачут и забегают,
И помчатся покупать пирожное,
И в кино с собой возьмут вас вечером.

Человек-невредимка

Петя — мой сын — человек-невредимка.
Что бы ни вытворил — он невредим!
Слышите — ухнуло? Видите — дымка!
Это мой Петенька где-то один.
Как-то весной на реке среди льдин
Цел он остался и невредим.
Цел, но какой-то дружок-хулиган
С Петей решил смастерить дельтаплан!
Петя у нас — человек-невредимка.
Я в зоопарк его часто вожу.
Вот он на снимке с гориллой в обнимку —
Рядышком я без сознанья лежу...
Я-то лежу, а сынок — невредим!
Как я намучился с сыном таким!
Вот бы узнать мне, какой хулиган
С Петей решил смастерить дельтаплан!
Только лишь дедушка Пети в кладовочке
Вяжет спокойно дощечки веревочкой.
И говорит, чем-то тихо звеня:
«Петька-то наш — это вылитый я!
Есть у меня замечательный план:
Завтра опробуем наш дельтаплан!»

ПРИКАЗ № 2

1. ОБЪЯВИТЬ СТРОГУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ОТДОХНУВШИМ ПИСАТЕЛЯМ С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ, ЧТО ЕЩЕ РАЗ ОНИ СМОГУТ ТАК ОТДОХНУТЬ ОЧЕНЬ НЕ СКОРО.

2. Всем хорошо поработавшим на САМОЙ-ПРЕСАМОЙ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНКЕ читателям, а именно:

(список прилагается в приложении)

ОБЪЯВИТЬ, ЧТО МЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ ТРЕБУЕМ ИХ НЕМЕДЛЕННОГО УЧАСТИЯ ВО ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПЕРЕМЕНКАХ В ТЕКУЩЕМ И ПОСЛЕДУЮЩИХ ГОДАХ.

Приложение: В приложении никакого списка не прилагается. НО В НЕГО МОЖЕТ ЗАПИСАТЬСЯ ЛЮБОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ЖЕЛАЮЩИЙ ОТДОХНУТЬ НА НАШИХ ПЕРЕМЕНКАХ.

ИТАК, ЗВЕНИТ ЗВОНОК! ТЕПЕРЬ ВАШ ВЫХОД, РЕБЯТА!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Заклинание для лентяев

Сережа очень любил рыться в старых журналах: «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Техника — молодежи»... Там иногда попадались такие интересные факты! Однажды в среду, придя домой после уроков, Сережа вызвал Чипа и они стали вдвоем выискивать интересные сведения.

— Знаешь, Сережа, оказывается, красные чернила бесследно смываются пятипроцентным раствором обыкновенной циклопентанпергидрофенантреновой кислоты. Очень полезная информация для школьника.

— Это что! А вот тут написано, что аборигены острова Мадагаскар умеют жестикулировать носом. Это умение передается по наследству генетическим путем.

— А здесь написано, что некоторые металлы способны направлять и усиливать человеческое биополе. Так, положенный за щеку пятак позволяет передавать и принимать мысли на расстояние до пяти метров. С третьей парты до доски достанет!

— А тут сказано, что в странах Юго-Восточной Азии существует древняя традиция сушить фунчозу на ушах у доверчивых слушателей первого апреля!

Они расхохотались. Оказывается, каждый из них помнил, что сегодня первое апреля, и только и ждал удобного момента, чтобы разыграть другого.

Когда Чип и Сережа вдоволь посмеялись, Сережа спросил:

— Знаешь, Чип, а я все-таки в прошлый раз не совсем понял, зачем ты в программах пишешь **«начало цикла»**, **«конец цикла»**, разве и так неясно?

— Вот, чтобы ты больше не задавал таких вопросов, я прочту тебе одно стихотворение поэта, пожелавшего остаться неизвестным, о лентяе, тоже пожелавшем остаться неизвестным. А ты мне скажи, сколько в этом стихотворении циклов.

КАЮЩИЙСЯ ЛЕНТЯЙ

Каждый год он на лень свою злится:
Через год перестану лениться!
Каждый месяц себе он клянется:
Через месяц работа начнется!
Каждый день он себя заклинает:
Завтра новую жизнь начинаю!
Каждый час говорит он, вздыхая:
Все, последний часок отдыхаю!
Исправляется с каждой минутой,
Но работа стоит почему-то.

— Ну что ж,— спокойно сказал Сережа, делая вид, что не замечает ехидных намеков Чипа,— в этом стихотворении пять циклов: по годам, по месяцам, по дням, по часам и по минутам. Да, если не знать, что из чего состоит и что за чем следует, то можно и запутаться. А как бы ты написал это стихотворение в виде программы?

Чип только этого и ждал. Вот как он написал.

Начало 1-го цикла:
ПОВТОРЯЙ каждый год, **ПОКА** лентяй не исправится:
«Каждый год он на лень свою злится:
Через год перестану лениться!»
  Начало 2-го цикла:
  ПОВТОРЯЙ каждый месяц:
  «Каждый месяц себе он клянется:
  Через месяц работа начнется!»
    Начало 3-го цикла:
    ПОВТОРЯЙ каждый день:
    «Каждый день он себя заклинает:
    Завтра новую жизнь начинаю!»
      Начало 4-го цикла:
      ПОВТОРЯЙ каждый час:
      «Каждый час говорит он, вздыхая:
      Все, последний часок отдыхаю!»
        Начало 5-го цикла:
        ПОВТОРЯЙ каждую минуту:
        «Исправляется с каждой минутой,
        Но работа стоит почему-то».
        Конец 5-го цикла;
      Конец 4-го цикла;
    Конец 3-го цикла;
  Конец 2-го цикла;
Конец 1-го цикла.

— Ну как? — гордо спросил Чип.— Теперь все ясно, не то, что раньше!

— Ты, пожалуйста, не сердись, но только мне как раз наоборот раньше все было понятно, а вот теперь... Где начало, где конец, какие-то циклы, ейбогу, без циклов было проще!

— Это для вас, людей, так проще, а для компьютеров без циклов нельзя писать — собьется компьютер. В том и состоит искусство программирования: писать так, чтобы компьютер мог работать без ошибок. Человеческий язык для компьютера полон загадок.

— Вот, смотри,— продолжил Чип,— начало и конец каждого цикла написаны на одном уровне — сразу видно, какой цикл кончился, а какой нет.

— Все равно непонятно,— упорствовал Сережа,— давай разберем, как мы делали раньше, кусочек твоей стихотворной программы. Может, тогда я пойму.

— Давай,— согласился Чип.— Начнем с главного цикла. Мы можем сначала написать только его.

Начало 1-го цикла.
ПОВТОРЯЙ каждый год, **ПОКА** лентяй не исправится:
«Каждый год он на лень свою злится:
Через год перестану лениться!»
Конец 1-го цикла.

— Надеюсь, все ясно? В начале года, скажем, 1 января, лентяй вспоминает про свою лень, злится и обещает через год исправиться. Потом на весь год про это забывает. Поскольку так от лени не избавишься, он организует второй цикл и вписывает его внутрь первого.

Начало 1-го цикла.
ПОВТОРЯЙ каждый год, **ПОКА** лентяй не исправится:
«Каждый год он на лень свою злится:
Через год перестану лениться!»
  Начало 2-го цикла.
  ПОВТОРЯЙ каждый месяц:
  «Каждый месяц себе он клянется:
  Через месяц работа начнется!»
  Конец 2-го цикла.
Конец 1-го цикла.

— Теперь он каждое 1 января повторяет первую пару строчек и, кроме того, каждый месяц, скажем, каждое второе число, повторяет вторую строчку.

— А, понял,— подхватил Сережа,— это тоже не помогло, тогда он вписывает внутрь 2-го цикла третий, по дням. Будет еще каждый день перед сном обещать завтра начать новую жизнь. Здорово получается: пару строчек напишешь, а 365 раз будешь программу выполнять. Только все равно это не поможет, я пробовал. Чип, а что ты посоветуешь, как бороться с ленью? Правда, без шуток.

— Я знаю только один способ бороться с ленью: если ты начнешь делать свое дело хорошо, оно станет тебе интересно и ты будешь его делать с охотой. А если ты работаешь из-под палки, только чтобы отделаться, дело так и останется скучным и тебе будет лень. Сделай свою работу интересной, и лень пройдет. Вот мы с тобой играем, и нам не лень составлять программы, а если бы мы учились по учебнику, мы бы тоже, наверное, ленились.

ОТ РЕДАКЦИИ: Сегодня Чип и Сережа предлагают вам забыть про лень и заняться таким делом. Представьте, когда часы бьют, из них выглядывают раз в час петух, а раз в час кукушка. А каждые 12 часов они появляются вместе и хвалят друг друга. Как составить программу для таких электронных часов?

Простой вариант программы: одна кукушка каждый час поет и каждые 12 часов танцует.

Лучшие программы мы напечатаем. Ждем ваших писем. На конверте укажите: «Кукушка и петух».

Содержание

Слово как набат.— В. Луцкий 1
Год 1917-й. Апрель.— Подготовили Т. Кузьмина и В. Миллер. Рисунок И. Панкова 2
Золотое зерно.— Рассказ З. Воскресенской 4
Точка на карте 14
О том, что важно сегодня 16
Юнкоровский пост РВС 18
Четыре дня из жизни Татьяны Юдиной.— Н. Ламм 21
Оранжевый портрет с крапинками.— Повесть В. Крапивина. Рисунки Е. Стерлиговой 24
Какие бывают слова. Бастанги. Мельница. Кто что любит.— Стихи М. Алимбаева 38
На земле и в космосе.— П. Попович 40
Рассказ вальщика леса.— Стихотворение В. Аушева ... 44
«Как славно жить на свете...» — Стихотворение А. Логунова 44
Мудрость и красота.— Г. Шишкина 44
«Кораблик» 50
Скатерть-самобранка, или Сказка о том, как Иван-богатырь для всех счастье добыл.— А. Лесь 52
Писатели нашего детства.— Л. Разгон 56
Переменка 58
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунки Н. и Т. Доброхотовых 62
Викторина «Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры».— Рисунки Ю. Карповой 64

На обложке:
Комсомольская весна.— Рисунок В. Дудкина.

ПОПРАВКА. В № 2 за 1987 г. на с. 39 вместо «Виктор Петрович Телятников» следует читать «Леонид Петрович Телятников».

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1987.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва,**
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.02.87.
Подписано к печати 19.02.87. А 04026. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 775 000 экз. Изд. № 654. Заказ № 172.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВИКТОРИНА

«Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры»

ВИКТОРИНА «Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры» закончена. Можно подвести итоги и поздравить победителей.

Каков главный результат викторины?

Пожалуй, лучше всех сказала об этом в письме Света Киселева из города Горького. «Пока мы читали о Венгрии в книгах и журналах, внимательно смотрели телевизионные передачи и слушали радио, говорили с друзьями о венгерских пионерах, об их пионерской организации, которой исполнилось 40 лет, мы все больше понимали, как для всех нас важно содружество стран социалистического лагеря. Наша дружба помогает сохранять мир, который так нужен нам всем. Все дети хотят мирного и счастливого детства».

«Хотелось бы, чтобы побольше было таких конкурсов,— это пожелание москвички Кати Миновой,— хоть и не побеждаешь, но узнаешь много нового и лучше осмысливаешь важность дружбы стран и народов и их детей».

Из ваших работ, ребята, а мы их получили 482, мы поняли, что вы интересуетесь жизнью дружественной нам страны — Венгрии, многое знаете о ней, ее пионерах, ее героях, ее прошлом и настоящем. Нас очень порадовало, что в повседневной жизни вы постоянно ощущаете, как много связывает наши народы и какие прочные это связи.

«Недалеко от нашей школы,— написала Оксана Крахмальная из Махачкалы,— находится памятник венгерским бойцам, которые боролись за освобождение нашего города в годы гражданской войны. Тогда он назывался Порт-Петровск. Вместе со старшими друзьями с соседнего комбината мы взяли шефство над этим памятником. У нас в городе есть и улица Венгерских бойцов. Каждый год первого сентября мы чтим память павших героев и возлагаем цветы к памятнику. В честь 40-летия освобождения Венгрии от фашистского гнета здесь состоялся торжественный митинг трудящихся города».

Весняна Староверова из города Электростали рассказывает так: «Каждое лето я провожу в городе Симферополе у бабушки с дедушкой. Теперь они переехали на новую квартиру, расположенную на улице Мате Залки. Меня заинтересовало, кто он такой, Мате Залка? И я стала расспрашивать всех о нем, читала книги, посмотрела энциклопедию и узнала, что этот человек — герой, венгерский интернационалист, писатель. В годы гражданской войны он создал на территории нашей страны отряд интернационалистов, который боролся с врагами Советской власти... Раньше я и не замечала, что каждый день езжу в школу на венгерских автобусах «Икарус». Мой братишка очень любит разглядывать эти яркие, красивые автобусы. Мама с удовольствием носит венгерскую обувь, а мы с папой очень любим сочных венгерских цыплят, которых мама так вкусно готовит на ужин».

А вот что сообщила нам Аня Полохова из города Ленинграда: «Некоторое время я жила в Венгрии, ходила в детский сад имени Крупской в городе Секешфехерваре. Выучила там венгерский язык, и Венгрия стала для меня второй родиной. Сейчас мы с моей подругой Леной Федоровой переписываемся с венгерскими пионерами — интерес к Венгрии у меня навсегда. Но переписываемся мы еще с пионерами и из ЧССР, и из Болгарии, и с Кубы, и с Беверли Паттерсон из Америки. Мы хотим, чтобы не было войны и все были счастливы».

Некоторые ребята, прислав на конкурс свои работы, рассказали в письмах о том, как помогли их участию в викторине клубы интернациональной дружбы. Но таких рассказов, к сожалению, немного. Среди их авторов хочется отметить Наташу Шишенко и Светлану Чакал, членов КИДа «Ровесник» из молдавского села Казаклия, Таню Косенко из КИДа «Катюша» 10-й школы города Красноярска. Ира Бережная из 33-й школы города Донецка рассказала нам: «При составлении альбома мне помогли знания, которые я приобрела в школе, готовясь к конкурсу «Творчество народов мира». Наш класс представлял Венгрию. Мы рассказывали о ВНР, о венгерских пионерах, разучили венгерский танец, игру «Харанг», познакомили всех с венгерской кухней. Я переписываюсь с двумя девочками из Венгрии. Андрея перешла в 9-й класс, Анетт — в 7-й. Мои подруги живут в городе Цеглед. В своих письмах они рассказывают о своем городе, о своей жизни, о школе и пионерской организации. Мы обмениваемся открытками и марками. И хотя ни разу не виделись, чувствуем себя друзьями».

Очень важное пожелание мы прочитали в письме Тани Косенко из Красноярска. Таня считает, что пионерские газеты и журналы мало пишут о пионерских организациях социалистических стран, и просит побольше помещать материалов, которые помогали бы работе КИДа.

Редакция журнала «Пионер» благодарит всех ребят, принявших участие в викторине «Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры».

Большинство работ, присланных на конкурс, читать интересно. Чувствуется, что готовились они с увлечением, с желанием постоянно открывать для себя новое, до сих пор неизвестное.

Скажем честно, жюри трудно было выбрать самые лучшие работы. И тогда приняли такое решение: особо отметить те из них, в которых авторы высказывают свое личное отношение к тому, что увидели, узнали, прочитали, услышали.

Посмотрите, как Володя Никли, работу которого жюри единогласно признало лучшей, рассказывает о прочитанных книгах. «Этот роман («Будапештская

весна» Ференца Каринти) помог мне понять жизнь венгерского народа в довоенное время и в годы Великой Отечественной войны... Прочитал я и роман Магды Сабо «Скажите Жофике». Он понравился мне тем, что маленькая Жофика Надь совершенно самостоятельно находит верный выход из ряда житейских трудностей, хотя ее считают некоторые глупенькой и трусливой».

А вот личная, заметьте, личная оценка телепередач, из которых Володя узнает о Венгрии. «Самая интересная передача «Клуб путешественников». Из нее я наглядно узнаю географию и историю страны. Очень интересно было смотреть передачу, из которой я узнал, что в марте 1986 года Венгерскому государственному ансамблю народной песни и танца исполнилось тридцать пять лет. 4200 выступлений было показано ансамблем за годы существования».

Володя записал рассказы о Венгрии двух своих односельчанок Иванны Георгиевны Кольчик и Федоры Ивановны Перчамлы, сообщил рецепт фруктового торта, который его мама испекла к 15-летию сестры Тани по совету из книги «Венгерская кухня».

Марку, которая поразила Володю, он нашел в коллекции директора своей школы.

А сообщая о себе, не забыл сказать доброе слово о старшей сестре Тане, маме и папе.

«Мне 10 лет,— написал Володя.— Учусь хорошо, за год одна четверка. Люблю читать книги, занимаюсь спортом, помогаю родителям по хозяйству. Любимый предмет в школе — математика, я член ЮДМ (юные друзья милиции). Второй год выписываю журнал «Пионер», он очень интересный и часто мне помогает. Если б не эта викторина, я столько бы не узнал о Венгрии. Если признаться честно, оформлять альбом мне помогала сестра Таня, с которой мы очень дружим. Таня учится в 9-м классе. Мама моя Аня — бухгалтер, а папа Петя — техник. Они все шлют «Пионеру» привет».

ЖЮРИ ПОСТАНОВИЛО ОТМЕТИТЬ:

ПЕРВОЙ ПРЕМИЕЙ — работу **Владимира Никли,** ученика 4-го класса, села Казаклия, Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР.

ВТОРОЙ ПРЕМИЕЙ — две работы: **Оксаны Крахмальной,** ученицы 7-го «А» класса 9-й школы имени М. Ю. Лермонтова города Махачкалы, и **Андрея Тылина,** ученика 7-го класса школы № 107 города Ташкента.

ТРЕТЬЕЙ ПРЕМИЕЙ — работу **Гали Веремийчук,** ученицы 7-го класса школы № 5 города Шепетовки, председателя городского пионерского штаба «Факел».

ПООЩРИТЕЛЬНЫМИ ПРЕМИЯМИ И ГРАМОТАМИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» награждены: Света Киселева, г. Горький; Катя Минова и Света Яблонская, г. Москва; Весняна Староверова, г. Электросталь; Аня Полохова и Лена Федорова, г. Ленинград; Наташа Шишенко и Светлана Чакал, село Казаклия, Молдавская ССР; Ира Бережная, г. Донецк; Таня Косенко, г. Красноярск; Наташа Фарафонова, г. Липецк; Эльвира Амантаева, село Джанай, Астраханская обл.; Дмитрий Фомин и Василий Филимоненко, г. Братск; Лена Попкова и Надя Мусихина, г. Челябинск; Нуржамал Садыкова, г. Фрунзе; Лена Григорова и Ира Горбатова, г. Белгород; Лена Кушнарева, Оренбургская обл. (Просим Лену указать точный адрес!); Наташа Гвоздь, г. Запорожье.

Поздравляем победителей!

Цена 30 коп. Индекс 70694.